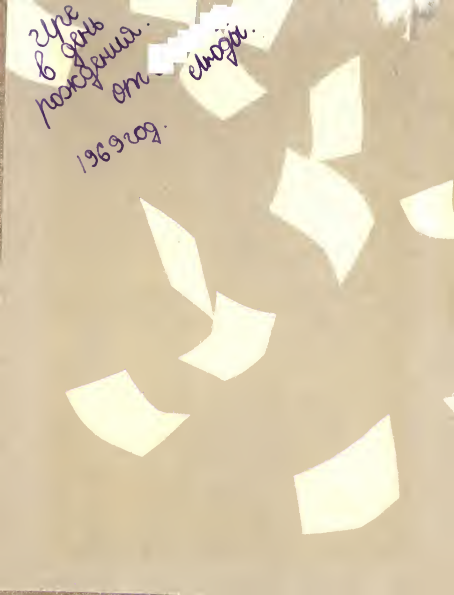

ВАСЯ АЛЕКСЕЕВ

Юре
в день
рождения.
от
1969 год.

Вася Алексеев

Ф · САМОЙЛОВ

Вася Алексеев

Документальная повесть

ЛЕНИЗДАТ · 1968

1—4—1

Ф. Самойлов

(Семен Самойлович Фарфель)

ВАСЯ АЛЕКСЕЕВ

Редактор Э. А. Ремизова
Художник А. К. Крутцов
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Т. П. Гладышева
Корректор Е. П. Рабкина

Сдано в набор 16/V 1968 г.
Подписано к печати 30/VII 1968 г.
Формат бумаги 70×108$^{1}/_{32}$
Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 15,99 + вкл.
Тираж 70 000 экз. М-24213. Заказ № 792

Л е н и з д а т, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата
Фонтанка, 57

Цена 60 коп.

ОТ АВТОРА

Имя Васи Алексеева знакомо миллионам людей. Васю вспоминают на пионерских сборах, на комсомольских собраниях и на школьных уроках. И всё-таки знают о нем мало, лишь самое общее — путиловский рабочий, революционер, один из основателей комсомола... Но какой это был человек, как работал и боролся, как прожил свою короткую жизнь? Немногие воспоминания о Васе Алексееве, изданные лет тридцать—сорок назад, давно стали библиографической редкостью, доступной лишь исследователю. Да и они не полны. А надо, чтоб Васю знали! И сегодня он — герой, чей пример должен стоять перед глазами поколений.

Наверно, о Васе будет написана не одна книга. Хочется думать, что его образ воссоздадут в поэзии, живописи, в кино. Надо показать Васю Алексеева таким, каким он был. Эту задачу я и ставил перед

собой. Работая над книгой, я понимал, что она должна строиться на незыблемых фактах, в ней не может быть места вымыслу. Самое большее, на что имеет право автор, — это представить себе, *как* развивалось то или иное событие, *как* совершен тот или иной поступок.

Я приступил к сбору материалов, когда после смерти Васи Алексеева прошло сорок лет. Товарищей, знавших его, работавших вместе с ним, найти было нелегко. Четыре десятилетия — долгий срок, и какие десятилетия! Васины ровесники сражались на фронтах, — а разве стройки пятилеток не были как сражения, не требовали напряжения всех моральных и физических сил? Эти люди прошли через ленинградскую блокаду... И всё-таки начинать надо было с поиска людей.

Первым близким Васе Алексееву человеком, которого мне удалось разыскать, была его младшая сестра Мария Петровна, единственная оставшаяся в живых из этой большой семьи. Она помнила немногое: разница в годах давала себя знать. Всё же я получил кое-какие нити. Потом я встретил Степана Ивановича Афанасьева — старого путиловского большевика. Он был членом Петроградского комитета партии и Нарвского райкома, работал вместе с Васей в подполье в годы первой мировой войны. Он сохранил в памяти живой образ своего друга и очень помог мне своими рассказами. Степан Иванович познакомил меня еще с несколькими Васиными друзьями. О Васе рассказывали П. П. Александров, Е. С. Федорова, В. М. Гилис, П. Н. Степанов, А. Д. Михайлов, А. Ф. Васильева, Ю. А. Евлиовская, С. В. Лишенков, Н. Г. Смолина. Они знали Васю в разное время — кто по ремесленному училищу, кто по заводу, кто по подполью, по Второму обществу «Образование» и по Ушаковской вечерней

школе, по Социалистическому союзу молодежи, по работе в народно-революционном суде и в журнале «Юный пролетарий», по гражданской войне.

Постепенно круг людей, которые могли что-либо рассказать о моем герое, расширялся, — поиски приносили свои результаты. Каждому из товарищей, поделившихся тем, что сохранила его память, я очень обязан, каждому признателен за помощь. Разумеется, человеческая память несовершенна: за сорок—пятьдесят лет многое стерлось. Всё же в воспоминаниях Васиных друзей были не только важные факты его жизни, но и подробности, тоже немаловажные, характеристики, живые наблюдения, без которых невозможно воссоздать образ давно ушедшего от нас человека.

Затем наступило время архивов, книжных, газетных, журнальных хранилищ. Сбор материалов был трудным, но не бесплодным. В одном месте я находил воспоминания, написанные десятилетия назад и по разным причинам не ставшие достоянием печати, в другом — опубликованные материалы, в третьем — протоколы заседаний, в четвертом — связки дел народно-революционного суда, в пятом — написанное самим Васей, его стихи, заметки, статьи.

Иные сведения приходилось не раз перепроверять. И письменным воспоминаниям не всегда свойственна точность, особенно, когда дело касается дат, имен, адресов, да и фактов давнего времени. Как Вася стал большевиком? На этот кардинальный вопрос ответить легко и трудно. Вся жизнь в рабочей семье за Нарвской заставой с самых ранних лет готовила его к этому. И всё же кто ввел его в революционный кружок? На Путиловском, в пушечной мастерской, куда Вася поступил совсем еще мальчиком, его наставниками

были члены партии Дмитрий Романов, затем Георгий Шкапин и другие, но Вася помогал большевистской организации, выполнял ее отдельные поручения и, значит, был с ней связан еще до того. Связующим звеном стали для него старшие товарищи по ремесленному училищу.

Вопросов возникало много, не на каждый легко было найти ответ. Даже причина смерти Васи оказалась неясной. В одном месте я читал, что он умер от воспаления легких, в другом — от туберкулеза, в третьем — от менингита. Пришлось поднимать архивы загса. В книге записей 1920 года был найден акт о смерти Алексеева Василия Петровича, проживавшего по Старо-Петергофскому проспекту, д. 23, кв. 15. Причина смерти — записано в книге — сыпной тиф. Что Вася умер от тифа, подтверждают и товарищи, близко знавшие его в последние годы.

Загс помог уточнить и некоторые сведения о жене Васи Марии. Даже ее возраст не был точно известен. Мы нашли запись о регистрации брака В. П. Алексеева, ответственного агитатора районного комитета РКП(б), с гражданкой Курочко Марией Иосифовной, девятнадцати лет, служащей. Эта запись сделана 6 мая 1919 года, за восемь месяцев до другой записи — о Васиной смерти...

Так собирались факты, на основе которых написана повесть о Васе Алексееве. Перечень основных архивных и печатных материалов приведен в конце книги.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Мальчик спал беспокойно. Он метался на постели, вскрикивал, говорил что-то быстро и невнятно. Мать несколько раз вставала к нему, поправляла одеяло. Младшие дети спали тихо, прижавшись друг к другу. Постель была общая — несколько досок, положенных на четыре табуретки. Когда старший поворачивался, ножки табуреток стучали о неровный пол.

— Простыл, Васенька,—шептала мать, вглядываясь в лицо мальчика, чуть освещенное мерцающим светом лампадки, — целый день на морозе пробегал...

И тут она разобрала слова, которые он произнес заикаясь, чуть слышно, испуганным голосом, резанувшим ее по сердцу: «Всё в-везут их, в-везут, целые телеги». Он всхлипнул, и мать перекрестилась, повернув к лампадке лицо.

— Береги, господь, — быстро проговорила она, гладя мальчика по голове.

Он был ее любимцем, старшенький, он был такой хилый и так ей трудно достался. Троих, родившихся прежде него, она схоронила, когда они еще не научились называть ее мамой. У нее было простое и доброе сердце, в нем хватало ласки и любви для всех детей, но этот — от себя чего уж скрывать — оставался самым ей дорогим.

— Простыл, теперь хворь какая пристанет, — прошептала мать, зная в глубине души, что дело совсем не в простуде. — Малое ведь дитя...

Утром, по привычке рано растопив печь и поставив самовар, хотя мужа сегодня не надо было собирать на работу, она снова остановилась возле спящего мальчика. Теперь он лежал спокойно, и Анисье Захаровне стало жаль его будить. Но мальчик, почувствовав на лбу теплую материнскую руку, сам открыл глаза.

— Ох и страшное мне снилось, маманя, — сказал он, радуясь, что вырвался из-под власти мучительных снов. Его карие глаза загорелись лучистым светом и сразу погасли. Сны были продолжением вчерашней яви.

— Вставай, Васенька, — сказала мать. — Не захворал ты, слава богу, а я уж напугалась ночью. Вставай, не то опоздаешь в школу.

Он быстро натянул черные штаны и кумачовую косоворотку, подпоясался ремешком, сполоснул лицо над тазом. Он всё делал быстро.

— Совсем малое дитя, — твердила мать, провожая взглядом сына, когда он выскочил из дома и побежал по тропе среди сероватых снежных сугробов, — совсем малое...

Материнским сердцем она чувствовала, что дитя ее как-то переменилось, что-то новое, неизвестное ей, во-

шло в его душу — суровое и недетское. Может, потому она так упорно твердила себе, что он совсем еще мал.

...Лет через двенадцать друзья спросят Васю Алексеева, как он стал революционером, и Вася рассмеется своим веселым, заливистым смехом, отпустит одну из тех необидных, задиристых шуток, на которые он всегда был щедр. А кем мог он стать еще? Наследником престола или французским послом Морисом Палеологом? Ну он же не такой дурень, да и родители позаботились о нем: за Нарвской заставой произвели на свет. Оттуда лица высочайшей фамилии и послы иностранных держав отродясь не выходили.

Но всплывет в Васиной памяти многое. И прежде всего тот страшный день, когда мать не смогла удержать его дома и он вслед за взрослыми убежал на Петергофское шоссе. Люди шли тогда со всех заставских улиц к трактиру «Старый Ташкент». Вася запомнил толпу, двинувшуюся по шоссе к Нарвским воротам, — ребята всё время крутились в ней, — торжественные, просветленные лица, молитвы... И треск залпов, смешавших всё.

И еще он запомнил зеленоватые лица мертвецов, сваленных на полу в покойницкой Алафузовской больницы. Странно скрючившиеся и закостеневшие фигуры, рты, открывшиеся для крика и уже не закрывшиеся больше, заиндевевшие, торчавшие вверх бороды. И одежда — измятая, разорванная, покрытая запекшейся, почерневшей кровью.

Двери покойницких не запирались в тот день. Мужчины и женщины входили в них беспрерывно. Они вглядывались в лица убитых, перекладывали трупы, лежавшие, как дрова. Они искали близких: мужей, братьев, сыновей...

Мальчишки пробирались в мертвецкие вместе со взрослыми. Ими двигало неуемное ребячье любопытство, но то, что они увидели, уже нельзя было забыть никогда.

Трупы всё подвозили и подвозили. Ломовики, грубо ругая толстозадых коней, шли рядом с санями, на которых мертвые были уложены поперек аккуратными поленницами. Пригородные крестьяне гнали вскачь низких мохнатых лошадок. Покойники лежали в возках, в которых на масленицу петербуржцы любили кататься под звон бубенцов.

Вечером мальчишки побывали на площади. Там стояли жандармы. В город никого не пропускали. Но разве удержишь заставских мальчишек? Они пробирались стороной, проскакивали через цепь полицейских. Городовые в длинных, тяжелых шинелях, с черными шашками-«селедками» на боках кряхтя орудовали лопатами и скребками. Они сгребали с мостовой красный смерзшийся снег и набивали его в большие деревянные бочки. Обозы с этими бочками тянулись от площади в сторону взморья.

Здесь и заиграл утром боевой рожок, и люди стали перед рядами наведенных на них в упор винтовок. «Ложись, стрелять будут!» — закричали те, кому пришлось когда-то служить в солдатах. Они узнали этот боевой рожок, но остальные не верили, да и не было времени подумать. Раздался залп, потом еще и еще... Люди уже не ложились, они падали в снег — чтобы больше не встать.

Это было 9 января 1905 года.

Вчера еще мальчишки из Емельяновки, с Чугунного, Богомоловской, Огородного — дети тесной, набитой рабочим людом заставы — катались по улицам и замерзшим канавам на подбитых железиной деревянных

коньках, играли в орлянку и бегали к заливу на лыжах, сделанных из клепки старых бочек.

Пройдут дни, они снова станут играть и бегать на коньках. Вася опять будет выписывать замысловатые петли на снежном поле и с хохотом барахтаться в сугробах. В восемь лет человека не сделаешь взрослым. Но память ребячья свежа, и пережитое, как резец, оставляет в ней глубокую борозду, — ее уже не вытравишь ничем...

Сейчас он идет в школу по кривой улице Емельяновки с ватагой ребят. У всех под расстегнутыми пальтишками или отцовскими пиджаками видны красные рубашки—форма Путиловских детских классов, у всех в руках матерчатые сумки с книгами, сшитые матерями.

За мостиком они сворачивают в Шелков переулок. Кругом странная, глухая тишина. Не цокают подковами лошади, и люди почти не попадаются навстречу. А главное — молчит завод. Копры не бьют по железу, не гудят прокатные станы. И мальчишки переговариваются тихо, точно боясь нарушить это молчание.

Они тоже считают свои потери.

— А Ванька-то Гром, чай, не пойдет больше в школу...

— И Гришка...

— Чего не пойдут? Похоронят отцов, и пошлют их мамки в класс снова...

— Похоронят... Покойников-то полиция не отдает...

— Нет, не ходить Ваньке Грому в школу. Чем жить будут? Пятеро детей у них, мал мала меньше...

Об этом говорили вчера у них дома, это повторяют они сейчас.

Вася знает, что отец его, Петр Алексеевич, жив и здоров. Сидит, наверно, на кухне и потягивает чай — высокий, худой, с добрыми лукавыми глазами. Или, может быть, собирается к соседу. Завод бастует, но отцу непривычно сидеть будним утром дома.

Как хорошо, что с ним ничего не случилось! Придет весна, они спустят лодку и будут до рассвета выезжать на залив: собирать плавник — лес, вынесенный Невой вместе со льдом, да ловить рыбу.

Но, странное дело, сейчас Васе как-то стыдно, что его отец сидит дома живой и здоровый, а отец Ваньки Грома валяется в покойницкой Алафузовской больницы.

— Вырастем, тоже бастовать будем, — говорит Вася.

— А то нет, ясно будем, Папаня! — откликаются ребячьи голоса.

Папаня — это он. У заставских ребят почти у каждого своя кличка. Он едва ли не самый маленький ростом во всей ватаге, да и восемь лет ему исполнилось только две недели назад. Папаней его прозвали когда-то в насмешку, но теперь ребята об этом уже забыли. В своем классе он признанный заводила.

На углу Шелкова переулка и Петергофского шоссе, с левой стороны, если идти от Емельяновки, стоит неоштукатуренный кирпичный дом с большой открытой террасой. От террасы два широких спуска ведут в садик. Кто знает, что было тут прежде! Сейчас здесь Путиловские детские классы, ремесленное училище и рукодельная школа — весь заводский «университет». В классах надо учиться три года, а потом уж, если повезет, мальчикам откроется дорога в ремесленное. Там их сделают мастеровыми. А девочкам — путь в рукодельную. Окончат ее — и могут идти в подручные

к портнихам и модисткам. Школы учреждены Русским императорским техническим обществом для детей рабочих.

Вася и его дружки — самые маленькие. Они ходят в первый детский класс.

Нет, что уж говорить, «лица высочайших фамилий» росли не здесь, а если деревня Емельяновка с давних времен была известна русским царям, то для этого совсем иная причина.

Летними вечерами, вдосталь набегавшись по окрестным пустырям и накупавшись в речке, Вася и его дружки любили посидеть возле старого деда Терентия. Его всегда можно было найти на поросшей травой завалинке дома. Рядом лежали деревянные чурбаки, из которых дед ловко резал ложки или смешные фигурки зверушек. Шесть десятков лет проработал дед на Путиловском в столярной. Теперь он уже не ходит на завод, там работают его внуки, а дед всё не знает покоя. Ложки он делает для базара, зверушками играет емельяновская детвора. Но любит она деда Терентия всё-таки не за них. Она любит его за рассказы, на которые он всегда щедр.

О Емельяновке дед Терентий рассказывал:

— Вы не глядите, что она такая — домишек четыре десятка и те все закоптелые, как головешки. Теперь Емельяновка, правду сказать, вовсе и не деревня, а так, заводской посад. Что это за деревня, коли полей у ней нет и огородов уже скоро не увидишь, одни свалки кругом? И не крестьяне тут живут, мы только по паспорту крестьяне...

— Вот ты, оголец, — говорил дед, положив руку на Васино плечо, — ты кто по документу? Ты псковский крестьянин будешь, а пока что крестьянский сын. Да ведь ты, поди, и не бывал на Псковщине-то. Батька

твой оттуда. На Путиловском не первый десяток лет работает. Только город Санкт-Петербург нас не считает за своих. Куда там, столица! Вот и Емельяновку город тоже не принимает, да и всю заставу. Где протекает Таракановка, Воняловка по-нашему, там у Нарвских ворот, считай, и городу конец. .

Да, а между прочим, Емельяновка постарше Питера будет. Так я слыхал от старых людей, когда сам огольцом был. Еще царь Петр на свет не родился, города Питера даже звания не было, а тут уже с давнишних пор деревня стояла и жили в ней рыбаки.

К нашему времени поближе, когда царицын дворец в Екатерингофе поставили, пригнали в Емельяновку крестьян из дальних губерний. Государевы считались крестьяне, на царской служили охоте — зверя там загонять или что еще.

— И ты, дед, на охоту ходил с царем? — спрашивали ребятишки.

— Ну, то до меня было. Поставили завод, как в песне поется, «недалёко от Нарвской заставы, от почтамта версте на седьмой», тут уж, конечно, не стало охоты. И житель пошел другой — рабочий путиловский народ... У нас, в Емельяновке, солидный рабочий селится — из механических мастерских, ну из столярной, как я. За Нарвской ведь какой порядок? Кто в горячих цехах работает, те больше на Богомоловской живут. Народу на Богомоловской множество — и всё голытьба. Потому и зовут, наверно слыхали, ту улицу «Миллионной». Это народ над своей бедой смеется. Настоящая-то Миллионная около Зимнего дворца. Там князья живут да заводчики, тузы...

Дед рассказывал, а руки его всё время были заняты делом: резали, строгали крепкие чурбаки. Руки у деда были большие и еще сильные.

— А ты на кулачные бои ходил, дед? — спрашивал кто-нибудь из ребят, глядя на его руки.

— Ходил, кто же не ходил у нас? Вы, чай, малые, тоже бегаете смотреть, как дерутся. Скоро и сами задирать будете. Только бои теперь уже не те, что в прежние годы, не те... Бывало, как выйдет Богомоловская на Огородный — добрая тыща людей лупит друг друга.

— А в пиратские бои ты ходил тоже? — спрашивали ребята.

— И в пиратские, — солидным голосом отвечал дед. — Пиратские бои без нас, емельяновских, спокон веку не шли. Волынкинские приходили к нам на лодках драться, и с Пряжки. Тут уж начиналась потеха — кто кого перевернет, искупает да поколотит.

Дед откладывал чурбачок и гордо выпячивал стариковскую грудь.

Но как-то внук его Митя, подсевший к ребятам, строгальщик из механической, сказал с досадой и насмешкой:

— Бойцы! Чем кровососов бить, своим, значит, скулы сворачивали...

И деду точно стыдно стало. Он сразу согнулся и начал снова резать ложку.

— Може, и правда, зряшнее это молодечество — своих бить...

* * *

Чем ближе школа, тем они шагают быстрее. Надо успеть до звонка, не то попадет. Дядя Павел, сторож, может послать опоздавших к инспектору или сам надерет уши. Павел — старый унтер, и ему под руку лучше не попадаться.

— Неужто заниматься будем? — с сомнением

спрашивает Васю его сосед по парте длинный Петька. — Взрослые-то дома сидят.

— Может, отпустят нас? Тогда домой не пойдем, побежим на площадь к воротам, — живо откликается Вася. — Чего сидеть дома?

Но в школе всё начинается как обычно. Дядя Павел в положенное время выходит в коридор, размахивая медным колокольчиком на деревянной рукоятке, и, подчиняясь повелительному зову, ребята бредут в зал на молитву.

— Преблагий господи... — заводит высокий мальчишеский голос.

Вася поет вместе со всеми. Он любит петь. Молитва звучит торжественно. Дети не вдумываются в ее слова, просто заучили. Преблагий господи... Еще слишком малы ребята, чтобы задать себе вопрос, как это он, преблагий, допустил то, что случилось вчера? Но они вспоминают: шедшие к царю пели эту же молитву. Перед самым расстрелом.

Учительница Надежда Александровна входит в класс без обычной улыбки, оглядывает ряды учеников и раскрывает журнал. Она читает список и каждый раз, когда в ответ на произнесенную фамилию не слышно звонкого «здесь», с испугом смотрит на пустующее место. Никогда еще в классе не было так много пустующих мест.

— Ну, приступим к занятиям, — вздохнув, говорит учительница. — Возьмите грифели, пишите.

Она поворачивается к доске и выводит аккуратные наклоненные вперед буквы. Ребята, скрипя грифелями пишут вслед за ней: «Маша ест кашу».

— Вон тебе как хорошо, Машка, — говорит громким шепотом Вася, потянув за косу девочку, сидящую перед ним, — кашу, значит. ешь!

— Алексеев, ты уже написал? — спрашивает учительница. — Не мешай другим.

В ее голосе не чувствуется строгости, и обычной уверенности в нем тоже нет. Может быть, это и придает мальчику смелости.

— Надежда Александровна,—неожиданно говорит он, — а в школе бывают забастовки или только на заводе?

— Да что ты, Вася,—торопливо прерывает его учительница.—В школе учиться надо, вы же маленькие...

* * *

Но, оказывается, забастовки в школе бывают. В ремесленном училище бывают, во всяком случае. Об этом ребята узнают очень скоро, недели через две после 9 Января.

За Нарвской всё время неспокойно. Завод и десяти дней не проработал, а уже началась новая забастовка. О ней только и толкуют — дома и на улице — в Емельяновке.

— Завтра не буди, Анисья, — говорит жене Петр Алексеевич, вернувшись с завода. — Все побросали работу. А хлеб на что покупать, один бог знает...

Петр Алексеевич принадлежит к тем степенным мастеровым, которые стараются быть в стороне от «политики», ладить с начальством. Семья у него очень уж большая — восемь душ. Но другие, особенно молодежь, рассуждают иначе. На улице громко клянут директора, мастеров, министров, Трепова — нового генерал-губернатора Петербурга и самого царя. Парни собираются группками во дворах или в поле. Они не гонят от себя мальчишек, и те учатся у них новым словам и песням.

Вихри враждебные веют над нами...

Вася как-то затягивает эту песню дома высоким, звонким голоском, и Анисья Захаровна всплескивает руками:

— Где ты набрался такого, сынок?

Где набрался... Он слышал эту песню уже не раз. И «Отречемся от старого мира», и еще другие. А сегодня запретная песня была слышна даже в школе.

— Знаете, маманя, — горячо шепчет он, от волнения заикаясь больше, чем всегда, — у нас ведь тоже забастовка, ремесленники с занятий ушли, Карла Ивановича не побоялись...

Он хочет рассказать, как чуть-чуть не попался директору. Но мать и так смотрит испуганно, и Вася больше ничего не говорит.

Хотя рассказать хочется о многом. Он всё знает про эту забастовку. Конечно, он еще маленький, но что из того? Маленький иной раз туда проберется, куда большому и не попасть. И у него есть взрослые друзья, ему старшеклассники говорят о разном, что не всякому сказать можно. Особенно интересно поговорить с Ваней Газа, да и с другими тоже. По правде, это ведь старшеклассники и послали его на переменке в ремесленное.

— Там знаешь что? Бастуют! С самой утренней молитвы. Их построили — запевай до-ля-фа... А они молчат. Им опять — запевай до-ля-фа. Снова молчат. Карл Иванович Фукс прибежал. Кричит: «Молись, я, начальник, велю!» А они всё равно не поют. Уж он, говорят, лупить стал их изо всей мочи — кого по лицу, кого по голове. Но ребята не сдаются. Молиться не хотят и на уроки не идут. Стачка! Требуют, чтоб не били их и учили лучше.

— А что, плохо их учат?

— Значит, плохо, если бастуют. Интересно, как там сейчас. Мы уж пробовали пройти к ним вниз, да не пускают. Ты ростом мелкий, попытайся, может, проскочишь...

Ходить в полуподвал, где классы ремесленного, школьникам не полагается. Сегодня за этим особенно следят. Павел, сторож, начеку. А всё-таки Васятка пробрался.

Ремесленники шли ему навстречу, громко переговариваясь.

— Куда вы? — спросил Вася.

— Завод бастует, и мы с заводом, — ответил пробегавший мимо парнишка.

— А нам с вами можно?

— Вырасти от горшка поболе, тогда тоже будешь бастовать.

Вася не обиделся. Уж вырасти-то он вырастет, значит, и бастовать будет.

Ремесленники затянули «Варшавянку», он стал тихонько подпевать и пошел вслед за ними по лестнице к выходу. Там его и увидел директор и ухватил за кумачовую рубаху:

— Ты тут зачем? Как фамилия?

Вася рванулся, проскользнул у директора под рукой. Пускай про фамилию гадает.

Он опоздал на урок, но учительница пустила его в класс и даже ничего не сказала. Может, догадалась, где он был? Она хорошая, Надежда Александровна...

Обо всем этом Вася матери не рассказывает. Зачем ее огорчать? Он накидывает пальтишко, хватает лыжи и несется по улице к своей ватаге. Там можно обо всем поговорить.

Уйдя за речку, в поле, они играют дотемна. Играют в забастовку, лепят из снега мастера, хожалого,

штрейкбрехеров, а потом с азартом обстреливают их снежками и крушат палками, лопатами, чем попало.

У одной снежной фигуры голова утыкана оранжевыми кружками морковки. Ее обстреливают злее всех. Это рыжий начальник учебной мастерской, гроза ремесленного училища. Ремесленников в Васиной ватаге нет, но школьники всей душой на их стороне.

На откосе речки между сугробами сложена из снежных комьев избушка. Она называется Ледяным домом, и, набегавшись в поле, ребята забираются туда. В Ледяном доме — голубоватый таинственный полумрак. Если тесно прижаться друг к другу, можно влезть троим или четверым сразу. Те, кому места внутри не хватило, сидят на корточках перед входом.

— Вот я вам расскажу еще про Бабу-Ягу Костяную Ногу и колдуна Антипку,—протяжно говорит длинный Петька, усаживаясь поудобней на соломе, которая настлана в Ледяном доме.

Под вечер, в таинственном сумраке, сладко и жутко слушать сказки о Бабе-Яге. Никого вблизи нет, только ветер с залива свистит и подвывает в сугробах... Но сегодня ватага что-то не интересуется сказками.

— Брехня, — перебивает Петьку чей-то голос. — Лучше я вам расскажу, как вагонщики Тетявку поймали. Это потеха. Поймали его и в сурике вываляли. Стал Тетявка весь рыжий — от головы и до сапогов. Завыл он тогда худым голосом. «Пустите, — просит, — меня, господа хорошие, я вам теперь слова супротив не скажу и даже самого малого мальца до конца своих дней не обижу». А ему, значит, паклю в глотку, чтоб не брехал, мешок угольный на голову и в Лезерв его, в прорубь вниз головой.

— Утопили? — ахают ребята.

— Знамо дело. Чтобы всем иродам была наука!

Это тоже сказка. Но Тетявка — не колдун, не волшебник, это известный и ненавидимый всей заставой человек. Это мастер Тетявкин с Путиловского, тот самый, у которого любимая поговорка: «Досыта у меня не накормишься, но и с голоду не сдохнешь». В декабре Тетявкин выставил за ворота нескольких рабочих, чем-то не угодивших ему. Это послужило поводом к волнениям на заводе, а потом во всем рабочем Петербурге.

Никто Тетявкина не мазал в сурике и не топил в Резерве — пруду возле завода. Наверно, он продолжает здравствовать вполне благополучно, только не появляется теперь в вагонной мастерской.

Всё же приятно помечтать о том, как сведут с ним счеты.

— Братва, — кричит Вася, — пошли и мы топить Тетявку!

— Пошли!.. Топить!..

Они быстро лепят из снега фигуру ненавистного Тетявки и с гиканьем и смехом катят ее к проруби.

У них появляются в эту зиму забавы, каких ребята прежде не знали. Порой эти забавы совсем не безопасны.

По Петергофскому шоссе, по Шелкову переулку, по улицам заставы теперь разъезжают казачьи патрули. Казаки, мрачные бородачи, увешаны оружием. Они разгоняют рабочих, собирающихся на улицах. Взрослые провожают патрули злыми взглядами и бранью. А мальчишки, бесстрашные и озорные дети заставы, стаями носятся за казаками и кричат, подражая их говору:

— Кажу, Кажу!

«Кажу» — по-украински «говорю». В устах мальчишек это слово звучит как кличка.

— Кажу, собаку съел!

— Кажу, долой царя!

Когда казаки, осаживая коней на узкие дощатые мостки, теснят рабочих, мальчишки вылезают вперед и колют лошадей иголками. За всё это легко получить нагайкой по голове или вдоль спины. Казаки бьют наотмашь. Нагайки рассекают кожу под худой одежонкой. Но всё равно вслед патрулям несется звонкое и озорное:

— Кажу, собаку съел!

— Кажу, долой царя!

* * *

Забастовка ремесленников продолжается несколько дней. Потом ребята начинают ходить в училище. Сперва приходят самые тихие, дети рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг. Затем появляются путиловские — Вася Мещерский и его дружки.

Чего они достигли? Немногого, в общем. Они еще только учатся бороться. Но мастера и сам Фукс теперь остерегаются давать волю рукам, не так щедры на подзатыльники и зуботычины. Этого ребята всё же добились.

Итоги забастовки можно оценивать по-разному, но ученики первого класса об этом еще не задумываются. Важна сама забастовка. Те, кто затеял ее, — герои. Когда они проходят мимо, малыши застывают в молчании и провожают их восхищенными взглядами.

— А что, а что, — шепчет Вася, глядя вслед Мещерскому, — мы подрастем — тоже бастовать будем...

Занятия в детских классах идут своим чередом. Программа в школе нехитрая. Закон божий, русский язык, арифметика, чистописание — вот и вся премудрость.

Закону божьему учит отец Николай Павский — большущий, грузный человек в длинной рясе. Отец Николай — картежник, случается, играет всю ночь до самых уроков. И к тому же он выпивоха. Настроение, в котором отец Николай приходит на урок, зависит от того, выиграл или проиграл он ночью, и еще от того, сколько выпил. Иногда он спокойно дремлет под гомон ребячьих голосов и лишь встряхивает гривой, когда комок жеваной бумаги, метко пущенный кем-нибудь из мальчишек, попадает ему в лоб. Но в другой раз приходит злющий и всё время цепляется к ученикам, хватает за ухо всякого, кто собьется, читая молитву. Пальцы у него толстые и беспощадные.

— Так-то слово божье учишь, шельмец!

Остальные предметы преподает Надежда Александровна. Вася любит ее уроки. Учиться ему легко.

— Вот если б ты еще не был таким непоседой... — говорит учительница.

Вася молчит. Ну что поделаешь, если ему всё интересно — и что творится на задних партах, и о чем шепчутся соседи.

Уже в первом классе у него возникает страсть к чтению.

— За хорошие отметки тебе пряник полагается, — говорит отец, чувствующий себя в день получки богачом.

— Купи лучше книжку, папаня, — застенчиво просит Вася.

— Ишь грамотей! — удивляется отец и достает из кармана медяки.

Вася уже приглядел сказку про Ивана-Царевича и Серого Волка. У газетчика возле Нарвских ворот. Разумеется, это совсем не такая книжка, какие покупают его богатым сверстникам в магазинах Сытина и Воль-

фа в Гостином дворе, на Невском. У тех книг золотые обрезы и коленкоровые переплеты. Там много картинок, каждой букве просторно на блестящих страницах.

Сказки, которые продаются у газетчика, напечатаны на шершавой, рыхлой бумаге. Буквы втиснуты в страницы так плотно, что даже для полей почти нет места. Но книжек от Вольфа Вася не видел, а эти обещают волшебные вечера в кухонном углу. Потом, прочитав сказку, можно будет поменяться с ребятами, — не с одноклассниками, у них еще нет книжек, а со старшими. И снова читать...

— Васютка, спать пора, — прерывает его мечты материнский голос. — Ночь на дворе.

Младшие уже спят. Вася забирается на дощатый настил, закрывает глаза и долго лежит, представляя себе, как завтра прямо из школы пойдет к газетчику. Нет, он не один пойдет, он поведет всю ватагу!

К весне у него уже собирается несколько книжек. Но тут наступает время, когда от отца нельзя получить и медяков — ни на пряники, ни на сказки.

В тот год ко многим новым словам, вошедшим в обиход заставских мальчишек, прибавляется еще одно — тяжелое, пугающее слово «локаут». Отец уже несколько недель не ходит на работу. Заводские ворота закрыты. По утрам Петр Алексеевич сидит на кухне за столом злой, неразговорчивый и угрюмо глядит, как ребята хлебают черную тюрю. Сейчас лучше не попадаться ему под руку, заработаешь подзатыльник. Потом он молча встает, нахлобучивает картуз и уходит. Мать провожает его тоскливым взглядом. Идет отец в порт или на рынок — на поиски случайной работы. Но где она, работа? Много ходит по городу таких, как он. Потому Петр Алексеевич возвращается домой, еще более сумрачный и молчаливый, чем утром.

Мать только искоса смотрит на него и не задает вопросов. Если повезло и он заработал гривенник-другой, тогда разложит на столе гостинцы. Хотя теперь какие гостинцы? Мерка картошки или черствая булка — ее продают на копейку дешевле. Но обычно гостинцев нет.

Зато чаще, чем прежде, отец отправляется на залив и, бывает, берет с собой Васю. Они садятся в лодку вдвоем или к ним присоединяется дядя Миша, сосед. Выезжают рано, солнце еще не встало за городом. Залив лежит тихо, только легкая предрассветная рябь изредка пробегает по его серому стеклу.

— Держи на Канонерский, — говорит отец Васе.

Вася кивает. Путь ему знаком, и он горд ролью рулевого.

Отец и дядя Миша гребут, перебрасываясь короткими фразами.

— Наловим на уху, — говорит отец, — похлебают ребята.

— Анисимов Федор вчера меньшого на Митрофаньевское снес. Году не было мальчишке, — говорит дядя Миша.

— У всех теперь покойники, — отвечает отец. — Если б еще не эта забастовка...

Тогда дядя Миша бросает весла:

— Бастовать тебе не нравится, а Белоножкина на горбу носить нравится? Тетявкиных терпеть нравилось?

Кто такой Белоножкин, Вася знает не хуже, чем кто такой Тетявкин. Белоножкин — директор завода, назначили его недавно, но о злобе его и свирепости говорят всюду.

— Да я что, ребят жалко. Знаешь, какая у меня семья, — миролюбиво отвечает отец.

— Будем терпеть, так они нас с детьми всех уморят, — говорит дядя Миша. — Для нас нет хуже, чем бояться драки.

Отец молчит. Дядя Миша снова берется за весла.

— Сегодня рыба клевать будет, —замечает он. — По целому ведру привезем.

— Быть бы тебе морским царем. Ты обещать горазд...

Всё-таки рыба для них большое подспорье. Если улов хороший — семья досыта наестся, а попадет еще судачок побольше — его можно трактирщику снести. Тогда и на хлеб будет.

Но чаще они доставляют трактирщику дрова. Река несет на своей быстрой воде щепу с лесопильных заводов, обломки каких-то построек, а то и бревна, упущенные плотовщиками, белые чурки балансов. Всё это она выносит в Финский залив.

Чтобы собирать плавник, нужно терпения не меньше, чем для рыбной ловли, и еще нужен острый, наметанный глаз. Отец медленно гребет вдоль берега, а Вася, прищурившись, вглядывается в плоские, искрящиеся под солнцем волны и в желтые песчаные отмели. Короткий багор лежит на носу.

— Глянь вон туда, папаня! — кричит он, увидев темную спину бревна, выныривающего из воды. Сейчас кричать можно, бревно ведь не рыба, его не испугаешь.

Отец поворачивает в ту сторону, куда показывает Вася.

— Молодец, сынок, — только и говорит он.

Но другой раз можно часами плыть по заливу, а бревен и досок не попадается совсем. От ветра это зависит, что ли? Или очень уж много развелось ловцов?

Наполнив лодку, они гонят ее к трактиру Богомо-

лова. Нагруженная лодка идет медленно. За ней тянется привязанное веревкой большое бревно. День выдался удачный.

Богомоловский трактир стоит в начале Емельяновки. По утрам туда бегают мальчишки с большими жестяными чайниками — покупать кипяток. В самом трактире на столах тоже чайники — медные, пузатые, как самовары, с кипятком и поменьше, фаянсовые, с заваркой. Мастеровые и извозчики сидят за чаем часами. Особенно извозчики. Они пьют «для сугреву» и вытирают полотенцами лбы.

Всё же не на кипятке разбогател Семен Устинович Богомолов. Начинал он с небольшого, а теперь его трактиры по всей заставе — и «Финский залив», и «Китай», и «Россия», и «Марьина роща». В домах Богомолова в тесных и грязных каморках живут сотни, а то и тысячи людей. В трактире у Богомолова можно заложить колечко, продать и пропить всё с себя, кончая нательной рубахой. Здесь купят и дрова.

Сам Семен Устинович к Алексеевым, конечно, не выходит. Его тут и нет. Старику Богомолову, говорят, скоро сто лет стукнет, он уже давно не стоит за стойкой. Дела ведут сыновья и приказчики. И дела у Богомоловых теперь большие. Трактиры они постепенно передают в другие руки — сами выходят в «благородные», не хотят даже называться трактирщиками.

Вася смотрит, как богомоловский приказчик отсчитывает медяки. Дрова уже сложены на берегу. Их переносил туда отец.

— Это всё? — спрашивает Петр Алексеевич, держа медь на ладони.

— Цена хорошая, — говорит приказчик, — пятак за лодку. А ну поищи где-нибудь больше, в нонешние-то времена!

Потом, когда детская пора останется позади, когда отец отведет его на завод и конторщик вручит новому рабочему металлический номерок, Вася станет ее вспоминать как самое светлое и радостное время. И попрощается с ней стихами:

Так и рабочая жизнь началась...
Кончилась детская доля,
Глянула в очи неволя...

Но годы, когда он рос, были трудными для Нарвской заставы. Легко там никогда не бывало, а об этих годах и старики говорили: «Такого видывать еще не приходилось».

Это были глухие годы после революционной бури. Городовые снова стояли на углах, как идолы, — сытые и уверенные в себе. По ночам полиция врывалась в рабочие дома. Нетерпеливо и повелительно стучали в двери, грохотали сапожищами в коридорах, вспарывали слежавшиеся сенники и отдирали топорами визжащие по-

ловицы. Многих уводили, и мало кто возвращался обратно.

Не только полиция опустошала заставу. Людей гнали безработица, голод. Останавливались цехи и целые заводы. Путиловский дымил, но тысячи мастеровых получили расчет — почти половина всех рабочих.

— Обойдемся без забастовщиков, — говорил Белоножкин, подписывая приказы об увольнении.—Остальные пусть теперь поработают — каждый за двоих.

Мастера-черносотенцы, которых, как Тетявкина, в пятом году выгоняли из мастерских, появились снова — высокомерные, полные злорадства.

— На тачках нас катали, теперь повозят на своей спине, — говорили они о рабочих.

И люди уходили. Те, у кого осталась родня в деревне, подавались туда. Тихо стало в переулках вокруг Петергофского шоссе. Жизнь была как мертвая зыбь на море. Но мертвая зыбь бывает не только после прошедшей бури. Она и предшествует новой.

Бури эти — минувшая и будущая — давали знать о себе в обманчивой тишине тех дней.

За Нарвской частыми стали пожары. Они и раньше случались нередко. Тесно приткнувшиеся один к другому деревянные дома были набиты людьми. Жизнь не утихала даже в глухие ночные часы: одни возвращались со смены, другие спешили на завод. Эти домишки легко занимались от малейшей искры, от небрежно брошенной цигарки, от сажи, загоревшейся в трубе. Но теперь, когда население заставы уходило и многие дома совсем пустовали, пожары стали еще более частыми, чем прежде.

И днем и ночью проносились по Петергофскому шоссе пожарные упряжки. На красных дрогах спиной к спине сидели пожарники в высоких касках,

сверкавших, как самовары. Тревожный перезвон медного колокола гнал людей с дороги.

В городской управе удивлялись: что это так неблагополучно стало за Нарвской? Но застава лежала вне городской черты, и дела ее не очень волновали гласных. А за Нарвской недоумения не испытывал никто. Там знали, в чем дело. Хозяева хотели вернуть капиталы, вложенные в дома, переставшие теперь приносить доход. Покупателей не находилось, но ведь можно было получить страховку...

Пожарные спешили, колокола на дрогах звонили громко, но путь был не близкий, а сухое дерево разгорается скоро. К приезду пожарных огонь иной раз охватывал уже целый квартал.

Заставские мальчишки поспевали на пожары быстрей. Неистовый огонь завораживал и неудержимо привлекал их.

Было совсем раннее утро — ветреное и по-осеннему холодное, когда Вася с дружками прибежал в переулок недалеко от шоссе. Мальчишеский телеграф — еще не изученная наукой, удивительно быстро действующая система оповещения — не обманул. Пожар оказался большой на редкость. Пламя жадно перекидывалось с дома на дом, слизывало длинными языками заборы, прыгало по тесовым крышам. А возле домов метались перепуганные, растерявшиеся бабы.

В суматохе пожара Вася столкнулся с Митькой, давнишним товарищем по играм. Митька, всегда озорной, теперь тихо сидел на груде вещей посередине переулка.

— Горите? — спросил Вася. Как всегда, в минуту волнения он заикался сильнее. — Г-горите тож-же?

— Подбирается к нам, — сказал Митька и кивнул на дом, стоявший невдалеке.

— Еще не занялся ваш? А почему рам нет в окнах?

— Хозяин вчера вынул рамы и двери снял. Ремонт, говорит, будет, а нам чтобы выезжать скорее. Платить-то нечем.

— Так без окон, без дверей и спали?

— Так... Теперь и вовсе спать будет негде. Сгорит дом.

И тут вдруг они услышали громкую и частую неровную стрельбу. Раздались крики, люди шарахнулись от ближнего дома, объятого огнем.

— Казаки! — закричали в толпе. — Стреляют казаки!..

Но выстрелы доносились из глубины горящего дома, там никаких казаков быть не могло.

— Патроны рвутся, — догадался человек, тащивший ведра с водой, — патроны это. Под полом были спрятаны, наверно, или в стене. С революции, с пятого года.

— На будущее приберегали их, — сказал другой.— Нужда-то будет в патронах...

Пожарные еще не приехали, но городовые были уже тут. Всполошенные выстрелами, они кинулись на толпу, отгоняя людей подальше.

— Я здешний, — сказал Вася, садясь рядом с Митькой на узлы. — Вещи сторожить надо!

— Без вас тут обойдутся! — прикрикнул, не слушая его, городовой и ткнул кулаком в спину.

Митька громко заплакал, цепляясь за узлы.

— Фараон чертов, селедка... — огрызнулся Вася, исчезая в толпе.

Это было невинное еще столкновение с представителем власти. Но до более серьезных оставалось уже недолго.

* * *

Во сколько лет и как начинают участвовать в революционном движении заставские ребята? По-разному это бывает. Но если ты надежный и смышленый малый, то можешь и в двенадцать принести пользу.

Разумеется, Вася еще мало знает о той невидимой постороннему взгляду, подспудной, но живой и непрерывной революционной работе, которая и в эти трудные годы идет, не прекращается за Нарвской заставой, потому что жива, действует — вопреки всему — организация большевиков.

Проходит по улице Александр Буйко. Вася не в первый раз видит этого приветливого парня. Знает, что его недавно уволили из механической мастерской, но откуда Васе знать, что Шура теперь нелегальный, что он стал профессиональным революционером-большевиком?

И Антон Васильев заставским ребятам хорошо знаком. Он ведь здешний, свой. Вот и его выгнали с завода. Теперь Антон перебивается тем, что грузит бревна в порту. И Анисим Костюков, и токарь Иван Дмитриевич Иванов из пушечной — всё это люди за Нарвской известные. Только не знает Вася, что они осуществляют связь заставы с большевистским центром, с самим Лениным, с которым передовые путиловские мастеровые близко знакомы. Владимир Ильич бывал на их собраниях, часто встречался с рабочими вожаками.

И уже существует незримая связь между этими людьми и Васей Алексеевым — двенадцатилетним учеником ремесленного училища, хотя он и сам еще не догадывается об этом.

— Куда бежишь, дружок? — останавливает Васю на улице парень в кепке блином и брезентовой куртке. — Послали за чем?

Вася знает парня. Тот учился в ремесленном, когда Вася был еще в детских классах, давал ему книжки читать. Теперь парень уже на заводе; кажется, в пушечной мастерской.

— Не, посылать меня никуда не посылали. В лапту с ребятами будем играть.

Вася достает из кармана мячик, скатанный из коровьей шерсти.

— Вот видишь.

— Дело, — говорит парень, — люблю лапту. А может, попозже сыграете? Есть у меня разговор...

— Давай поговорим, — степенно отвечает Вася, польщенный вниманием парня.

— Пойдем на «Миллионную». Надо постоять там, посмотреть.

— Пошли, — соглашается Вася. — Лапту отложить можно.

— Значит, я буду возле того дома, — объясняет парень, когда они приходят на место. — Ты тут гуляй. Играй как-нибудь, но заметишь полицию — сразу подавай мне сигнал. Нам полиция здесь ни к чему. Повернись ко мне, сними шапку и сморкайся, будто насморк тебя замучил. Понятно? Ну, покажи, как будешь делать.

Вася срывает шапку с головы, зажимает пальцами нос и сморкается — громко, точно трубит в трубу. У него даже начинает болеть в ушах.

— Добро, — говорит парень. — Этак я обязательно услышу. А займешься чем?

— «Чижиком». Гонять здесь буду.

Он достает из кармана небольшую белую палочку

с косо обрезанным заостренным концом. Оглядывается и поднимает с земли дощечку:

— Сойдет.

Он кладет «чижика» на крыльцо, ударяет по острому срезанному концу, и «чижик», вспорхнув, летит далеко на пыльную дорогу. Вася догоняет его и снова бьет по острому концу, и «чижик» вспархивает опять. Играть одному, конечно, скучновато, но ведь он и не ради «чижика» пришел сюда.

— Смотри не зевай, — говорит парень. — Чуть что — подавай сигнал!

Вася гоняет «чижика» и посматривает на угол, стараясь, чтоб это было совсем незаметно. От угла идут люди. Некоторые задерживаются на мгновение возле парня в кепке, обмениваются с ним какими-то словами и проходят во двор.

Игра в «чижика» затягивается. Она уже изрядно надоела. Надо бы придумать что-то еще. Вася стоит посреди улицы и поддевает палочку большим пальцем босой ноги. И тут он замечает человека, вывернувшегося из-за угла. На человеке зеленоватое пальто с поднятым воротником, картуз, надвинутый на глаза. Что-то не нравится Васе в этом человеке, но полицейской формы на нем нет, и сигнал, вроде бы, подавать не нужно.

А человек подходит ближе.

— Эй, мальчик, — говорит он негромко, — не видал, в какой тут дом народ собирается? Опоздал я, понимаешь...

— Ч-чего? Какой народ? — медленно переспрашивает Вася. Кажется, впервые заикание не тяготит его.

— Да люди тут шли, ты видел, наверно, — нетерпеливо объясняет незнакомец.

Надо что-то ответить.

— Верно, проходили, дяденька. Вон туда...

Вася показывает рукой в противоположную сторону, за железнодорожную линию.

— А ты проводи меня.

Вася поднимает на него глаза, словно бы обдумывая, стоит ли тратить время.

— Чего провожать, ты не барышня.

Он чихает и, повернувшись спиной, начинает сморкаться, зажав пальцами нос. Громко, парень в кепке должен услышать.

— Ну ладно, — тянет Вася, словно смягчаясь. — Пойдем, покажу.

Всё-таки это надежнее. Он ведет человека в зеленоватом пальто во двор на противоположной стороне улицы, потом через железную дорогу. «Миллионной» отсюда не видно.

— Кажись, сюда шли, — говорит он, неопределенно махая рукой вдоль переулка.

— В какой дом?

Вася чешет затылок.

— Не примечал я, вроде вон в тот...

Они идут к дому. Человеку в пальто не терпится, но он не показывает виду.

— Нет, дяденька, не сюда, — сделав глуповатое лицо, говорит Вася, когда они уже подходят к крыльцу. — Во-он в тот дом шли вроде.

Но, оказывается, снова ошибка.

— Может, сюда? — вовсе уже неуверенно тянет Вася и поворачивает в другую сторону.

Человек в пальто берет его за ворот.

— Не дергай, не ты покупал. — Вася пробует вырваться, но человек держит крепко.

— Запутался я, дяденька. Вроде видел, куда шли,

а теперь не вспомню. Да, может, тебя там и не ждут вовсе?

Теперь он уже не скрывает насмешки.

— Я тебе покажу — не ждут! — шипит человек в пальто. — Я тебе покажу!

Он хватает Васю за ухо и начинает крутить — нетерпеливо и злобно.

— Пусти! — громко, на всю улицу кричит Вася. — Чего пристал? Говорят тебе, не помню.

Ухо горит, точно его прижали к раскаленной плите. Хорошо еще, что человеку в зеленом пальто нужно торопиться.

— Попадешься мне, гадючье семя! — угрожающе говорит он, отпуская Васю, и кидается к ближнему дому. Потом останавливается в растерянности. Потерял след.

А Вася уже далеко.

Часа через полтора или два он встречает на Петергофском шоссе парня в кепке блином. Тот весело подмигивает. Значит, всё в порядке.

— Ловко ты шпика увел, — замечает парень на ходу. — Забегай, книжек дам почитать. Ты же любитель.

И уходит. Долго говорить зачем? Всё ясно...

Всё ясно. И в следующий раз поручение Васе дают уже заблаговременно.

— Крутись завтра возле Коровьего моста. Народ на сходку пойдет в Лаутрову дачу. После работы. Если полиция появится — сразу предупреждай.

И вот Вася у Коровьего моста. Еще рано, никого нет поблизости. Никого нет, если не считать Кольки Бычка. Тот тоже вертится здесь. Бычком его прозвали недаром. Прозвища давать застава умеет. Колька — дюжий, коренастый мальчишка, постарше Васи. У не-

го упрямое туповатое лицо и тяжелые кулаки. С Васиной ватагой он никогда не дружил. И всегда готов услужить тем, у кого водятся деньги. Забежит в потребиловку и сразу проталкивается вперед. Папиросы ему нужны. «Зефир» берет или «Дядю Костю». Папиросы эти дорогие. Значит, инженер послал, а то и пристав Любимов.

Вася отходит от моста, кружит невдалеке, затем приближается снова. Колька стоит на месте и поплевывает в канаву.

— Здоро́во, Бычок, — говорит Вася, — чего тут пасешься? Шел бы на травку.

— А ну катись... — огрызается Колька. — Сам на травку иди.

Вид у него высокомерный.

— Ох и вода сегодня хорошая в заливе! — мечтательно говорит Вася. — Ты не купался, Бычок? А мы аж до кишок намокли. Сейчас-то купаться самое время.

Надо как-то избавиться от Кольки. Он здесь совершенно лишний. Но купаньем его, видно, не соблазнишь.

— Мне и так хорошо. Еще купаться!

— Чего же ты хорошего тут нашел? Канаву нюхать? В помойках еще покрепче пахнет. Или папироску выпросить хочешь у кого? Шел бы на шоссе, там скорее барина увидишь.

— Может, меня тут для дела поставили, не соображаешь?

— Есть у тебя дело — собакам хвосты крутить...

— А если мне сам пристав тут стоять велел?

— Канаву стеречь?

Вася подходит к Бычку поближе. Разговор становится интересным.

— Не канаву, а людей. Будет скопление, так сообщить надо. Понял?

— Понял. А вон видишь скопление? — говорит Вася, показывая на коровьи лепешки, распластавшиеся на мосту. — Беги, сообщай скорее.

Он ловко подцепляет сухую лепешку ногой и подкидывает ее так, что она рассыпается у Кольки на рубахе.

Колька бросается на Васю, а тот отбегает и, подняв камень, запускает в Бычка. Наконец они схватываются и осыпают друг друга ударами. Колька выше и сильнее, но Вася ловок, изворотлив, и справиться с ним нелегко. И главное — он знает, зачем дерется. Бычок ловит его руку и, сопя, начинает выкручивать. Вася закусывает губу, откидывает голову и с размаху ударяет ею Бычка. Тот с воплем хватается за нос. Между его пальцев течет кровь.

У Васи лицо тоже в крови, но он этого и не замечает. Тяжело переводя дыхание, он снова бросается на Бычка. С того уже довольно, он хныча бежит в сторону.

— Бычок, му-му! — кричит ему Вася вдогонку.

Колька не оборачивается, он трусит дальше. Теперь он уже сюда не явится.

Вася остается у Коровьего моста. Люди идут мимо. Конечно, на сходку. Идут они в одиночку или небольшими компаниями. Кто с гармонью, кто с гитарой. У некоторых из карманов торчат горлышки бутылок, закрытых белыми фарфоровыми крышечками. Так укупоривается калинкинское пиво. Можно же погулять мастеровому! Вася понимает — это свои.

Он долго бродит возле моста. Всё тихо. Люди начинают возвращаться. Интересно, где они собирались? Лаутрову дачу Вася хорошо знает. А может быть,

сходка была и не там, может, люди проходили дальше, в поле? Спрашивать он не станет. Будет время, его тоже позовут на сходку.

Парень в кепке блином возвращается одним из последних. Он подмигивает Васе совсем как в тот раз, на Петергофском.

— Ну всё, — говорит он, — беги домой. А ко мне заходи, почаще заходи. Книжку прочел?

— Конечно прочел, — отзывается Вася, — ты же знаешь, я быстро читаю. Новенькое что-нибудь найдется?

— Найдется, — говорит парень, — интересную книжку дам, какую не каждому и показывать можно. Специально для тебя приготовил, товарищ.

Так и говорит: товарищ, и Васино лицо становится пунцовым. Подумать только, это его назвали товарищем! В первый раз в жизни...

Свое обещание парень выполняет. Вася забегает к нему. Парень достает «Записки охотника».

— Не читал? Хорошая книга! Держи. К ней еще добавка будет.

Лезет под матрац и вытаскивает оттуда маленькую растрепанную книжечку в серой обложке.

— С этой надо поосторожнее. Она про то расскажет, чего в школе не узнаешь, хоть сто лет учись.

Книжка про «хитрую механику». Она объясняет, как царь и богатеи обирают простой народ. Почему так получается, что одни работают от темна до темна и с голоду мрут, а другие пальцем о палец не ударяют, но живут в довольстве и роскоши.

Вася читает маленькую книжечку. Вот как это устроено! Конечно, он и раньше знал, кто такой заводчик и кто такой царь. Уйдя в поле или выехав на

лодках в море, они с ребятами не раз пели песню, которой их научили заводские парни:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпиков,
Царь-изменник, провокатор,
Содержатель кабаков...

Но раньше он повторял эти слова с чужого голоса, теперь же начинает проникать в их смысл.

Вася читает не переводя дыхания. Только поздно вечером с неохотой откладывает книжку — надо делать уроки. Перед сном, собирая сумку, с которой он ходит в училище, Вася кладет туда и серую книжечку. Ему не хочется расставаться с ней. На уроках он плохо слушает учителей: «хитрая механика» не дает покоя. И когда начинается «закон божий», он не выдерживает. Отец Николай настроен сегодня благодушно, наверно, выиграл ночью. Сказав ученикам, какую страницу читать, он усаживается за учительский стол и мирно посапывает.

Вася отодвигает в сторону учебник, осторожно лезет в сумку и нащупывает в ней маленькую книжечку. Она растрепана до того, что распадается по листочкам. Видно, побывала во многих руках. Вася выбирает нужный ему листок, кладет перед собой и перестает замечать, что делается кругом. Прочитывает листок, достает другой...

Он не слышит, как отец Николай, проснувшись, велит кому-то из учеников читать вслух и как встает из-за стола и медленно, тяжелой походкой начинает ходить по классу. Проход узок для его большого грузного тела. Он идет, цепляясь рясой за парты.

— Алексеев, продолжай, — говорит он. — Алексеев!

Вася вскакивает и растерянно смотрит на соседей. Что продолжать? Он делает быстрое движение, чтобы спрятать в парте листок из серой книжечки. Но не успевает. Тяжелая рука ложится на листок.

— Это так ты слово божье изучаешь?

Поп подносит схваченный с парты листок к глазам, и они медленно наливаются кровью.

— Тварь богомерзкая! — кричит поп. — Антихристово племя! Где раздобыл эту поганую ересь?

Через несколько минут Вася уже стоит перед директором. Снова ему задают вопрос: где раздобыл? Хорошо, что они не рылись в его сумке.

— Да я на улице нашел этот листочек, — говорит Вася, не глядя на директора. — Возле самой школы. Хотел кулек для семечек сделать.

— Для семечек... Знаю я, что это за семена и какой из них вырастает чертополох. Но мы его вырвем с корнем. Сейчас же отправляйся домой. Скажи матери, что я вызываю ее на завтра. Таких, как ты, выгоняют с волчьим билетом!

Вася уходит, а директор долго меряет шагами кабинет, раздраженно толкает ногой стулья, попадающиеся на пути.

— Я возмущен вашим сыном, — говорит он Анисье Захаровне на следующее утро. — И вами тоже. Как вы допускаете, что он читает недозволенную литературу? За это идут в тюрьму.

Маленькая худая женщина, с измученным лицом, стоит перед директором, скорбно поджав губы. Ее взгляд прикован к пухлой начальственной руке. Рука нервно стучит по суконной поверхности стола — широкой и зеленой, как огород.

— Уж не знаю я, не углядела, — говорит Анисья Захаровна, кланяясь этой руке. — Неграмотные мы,

откуда же знать, что́ он читает? А дитя доброе, послушное. Вот и учительша хвалили, лучший, сказывали, ученик.

— Лучший ученик! Такие вот лучшие как раз и попадают за решетку. Вам сына, что ли, не жалко? Способности у него есть, это мы знаем, но, видно, наука ему идет не на пользу. Я вас предупреждаю, что он на плохом и опасном пути.

Анисья Захаровна мнет концы шали:

— Вы не извольте беспокоиться, уж мы с отцом спросим с него, сделаем выволочку. Отец наш человек строгий и у начальства на хорошем счету.

— Вот поэтому я и согласен пока оставить вашего сына. Но до первого же случая. Если повторится — выгоним, не взыщите.

Голос директора звучит уже не так грозно. Лучше покончить эту неприятную историю без шума.

— Я решительно требую, чтобы его примерно наказали. Со всей строгостью.

— Накажем, будете довольны, ваше благородие.

Вася ждет мать у ворот училища.

— Смотри, чтоб не дошло до худа, — говорит она и берет сына за руку. — Сильно серчает дилектор. Ты уж не маленький, понимать должен. На этот раз вроде пронесло грозу. Да мне из-за тебя душой покривить пришлось. Обещалась, что выволочку сделаем дома.

И больше они не говорят о том, что случилось.

СЫНОК

Лодки стоят у берега, уткнувшись носами в глинистый откос, черные от смолы, словно прокопченные в заводском дыму. Они привязаны веревками к кольям, забитым в землю. Лишь некоторые, те, что получше, на цепях. Если зайти к лодкам с кормы, развернуть их против течения, они на минуту станут поперек Емельяновки. Потом течение снова отгонит их к береговому откосу.

Ребята голые, измазанные глиной, скатываются в речку с гиканьем и визгом, бьют ладонями по воде, обдавая друг друга холодными брызгами.

— А ну, слабо́ под тремя лодками проплыть? — подзадоривает ватагу Петя Кирюшкин.

— Чего там слабо́! — откликается Вася. — Ты проплыви, а мы не отстанем.

И ныряет вслед за другом. Выныривают они за лодками, долго отфыркиваются, выплевывают

воду изо рта, подтягиваются к борту последней лодки, уцепившись за него руками. Потом отталкиваются и ныряют снова. Тем, кто стоит на берегу, видно, как в темной воде между лодками, извиваясь, проходят маленькие белые фигурки.

— Утопитесь, чертенята! — кричит женщина, пришедшая на речку полоскать белье.

— Небось живы будут, — останавливает ее дед Терентий. Он сидит на берегу с неизменным чурбачком в руках. Тонкая стружка, завиваясь, вылетает из-под его ножа. — Недолго им осталось баловаться.

Дед, как всегда, понимает их. Разумеется, он не был у Алексеевых на кухне в тот вечер, когда Анисья Захаровна, едва убрав со стола миску из-под щей, положила перед мужем свидетельство, принесенное сыном. Говорилось в свидетельстве, что Алексеев Василий прошел курс в училище и показал отличные успехи по всем предметам — по русскому языку, закону божьему, арифметике, геометрии, технологии металлов и физике. Сама Анисья Захаровна прочесть то, что было написано в этой бумаге, не могла, но знала со слов сына и передала по-своему мужу: «Всё, значит, Васенька превзошел».

В голосе ее звучали гордость и еще явственнее беспокойство. И, уловив это беспокойство, Петр Алексеевич сказал с раздражением: «Ну, слава богу, а то невмоготу стало. Теперь в пушечную пойдет. С мастером уже говорено было». — «Может, пока что полегче найти? — Мать притянула Васю к себе. — Мал ведь еще совсем». — «А где легкая работа? Ты видела такую?»

Вася молчал и переводил глаза с матери на отца. Конечно, он знал, что должна теперь начаться его рабочая жизнь. Он лишь утвердительно кивнул, когда

отец сказал, тяжело вставая из-за стола: «Добытчиком станешь, помощником мне. Легкое ли дело, семья — восемь душ? Учили-то тебя из последнего».

Потом в стихотворении «Детство и юность» Вася напишет:

Вот и решили меня наконец
Сделать добытчиком тоже.
Долго раздумывать что же...
«Надо работать», — промолвил отец.
Мать пожалела: «Силенкой-то плох...» —
«Может, поправится, милостив бог...»

И еще он выльет в стихах страдание, отчаяние, которое принес ему заводский труд, особенно в первую пору, когда жестокое ярмо легло на неокрепшую и непривычную детскую спину:

Эх, не родиться бы лучше на свет,
Нежели вынесть все муки.
Небо беру я в поруки, —
Этакой жизни на каторге нет.

Но старику Терентию рассказывать ничего не надо. Он всё понимает сам.

— Недолго им баловаться, — говорит он и подзывает к себе ребят. — Небось покататься охота? Берите мою лодку.

Такое предложение незачем повторять два раза. Гриша и Коля Ивановы уже тянут весла, Петька отвязывает лодку от кола.

— Хлебушка надо раздобыть с собой, — говорит кто-то из ребят.

— Верно, хорошо бы, — соглашается Вася и не ждет, чтобы другие занялись этим. Он быстро бежит к дому, а через несколько минут появляется снова. В руках у него краюшка хлеба и крупная соль в

обрывке газеты. Как ни голодно дома, Анисья Захаровна найдет, чем покормить Васиных дружков. За пояс засунута книжка.

— Грамотей, — кричит Гришка, прилаживая весла, — садись грести! Мы же на залив, а не в школу.

— Там и почитаем, — отвечает Вася, — книжка-то до чего интересная, ребята!

День жаркий, солнце печет, но с моря тянет ветерок и холодит мокрые спины ребят. Невысокие волны встречают лодку на заливе и окатывают брызгами.

— Пошли в воду!

Вася быстро скидывает рубаху, штаны и прыгает с носа мерно покачивающейся лодки.

Они купаются долго, кувыркаются в воде, потом причаливают к острову. Еще не хочется возвращаться домой.

— Васька, дай хлебца-то, — вспоминают ребята.

Они тут же разламывают краюшку.

Вася устраивается с книгой под ивовым кустом на берегу. Куст широкий. В его тени не жарко, и ребята ложатся рядом.

— Да брось ты книжку, Папаня, — медленно, лениво говорит Гришка, толкая его под локоть. — В школе маяли учением, так ты же кончил, всему научился.

— Научился! — вспыхивает Вася. — У тебя одна забота — пузо набить потуже. А в голове пусть хоть ничего не будет.

— Ну, закипел самовар!

— И закипел! Пускай я самовар, а ты пустая кастрюля, от нее один звон. Нас в школе не больно многому учили, только тому, что нужно хозяевам.

— Хозяину, поди, начхать на твою науку. Ему знай ломи.

— Нет, ты грамотный хозяину нужнее. Тебя к станку поставят, а за станок большие деньги плачены. Грамотный лучше сбережет. Но есть другая грамота, и ей хозяева нас учить не станут, — как бороться за рабочее дело. Вот эта грамота нам важнее всего.

С минуту он молча смотрит на друзей. Сейчас кажется, что он много старше их всех. Потом крепко ударяет Гришку по плечу и говорит с усмешкой:

— Ну, попробуй уложить Петьку на лопатки! Тоже уметь надо. А с царем, с заводчиками бороться — это не с Петькой. И против книжек ты зря. Давайте лучше почитаем вместе.

Он начинает читать им, бережно отгибая страницы. Голос у него негромкий и мягкий. Увлекшись, он почти перестает заикаться, а если и запнется на ином слове, это совсем не мешает слушать.

Они лежат на самом берегу залива, который, разнежившись, лениво лижет песок широкими языками набегающих волн. Вдали, по серо-голубой глади, медлительно движутся, густо дымя, пароходы. Белые чайки чертят по небу острыми крыльями и купаются в волнах. Эти жадные, злые птицы кажутся издали воплощенной гордостью и свободой.

Вася читает о море, таком же, как это, лежащее у их ног, и все-таки совсем на него не похожем, далеком южном море.

Жаркое солнце смотрит в него точно через тонкую серую вуаль и почти не отражается в воде, рассекаемой ударами весел, пароходных винтов и острыми килями турецких фелюг.

Два человека сталкиваются в рассказе, две души: трусливо жадная и отчаянно вольнолюбивая. Это столкновение захватывает, волнует мальчишеские сердца.

Залив всё так же тих и ленив, и только неяркое солнце склонилось на запад, туда, где море сливается с небом. Его лучи всё еще рассыпаются тысячами сияющих брызг на рябящей воде, но — такова волшебная, покоряющая сила слова — ребята видят уже не это море, а то далекое и другое, успевшее неузнаваемо измениться. Оно воет, швыряя на берег тяжелые валы, разбивая их в пену. Всё кругом наполнилось воем, ревом, гулом...

Вася читает:

— «Скоро дождь и брызги волн смыли красное пятно на том месте, где лежал Челкаш, смыли следы Челкаша и следы молодого парня на прибрежном песке... И на пустынном берегу моря не осталось ничего в воспоминание о маленькой драме, разыгравшейся между двумя людьми».

Вот и всё. Чуть шелестят узкие сероватые листья ивы, разбросившей над ребятами свои ветви. От воды тянет вечерней прохладой.

— Да, выходит, он человек был, этот Челкаш. Вор, босяк, а человек, — задумчиво говорит Гришка, рисуя пальцем какой-то узор на плотном прибрежном песке.

Ребята молчат. Они сразу не находят слов, чтобы сказать о чувствах, разбуженных рассказом. А может быть, стыдятся говорить об этом. Но думают они о Челкаше, о Челкаше и Гавриле, таких несхожих, разных и — каждый по-своему — понятных им.

* * *

Сняв шапки, отец и сын стоят в конторке пушечной мастерской. Всё получилось не так, как думал Петр Алексеевич. Мастер даже не смотрит на них, что-то старательно выводит в толстой конторской книге чернильным карандашом.

— Не жди, не возьму, — говорит он, — мало ли что обещал. Мелок слишком сын-то у тебя.

— Пятнадцать годков ему. Ростом, верно, невелик, да подрастет ведь.

— Ну тогда и приводи. Твоя забота его растить, не моя.

Мастер машет рукой, чтобы ему не мешали, и, поплевав на палец, мусолит бумагу. Буквы из-под карандаша выходят жирно-лиловые и, кажется Васе, злые. Разговор окончен.

За остекленной перегородкой — грохочущая полутьма. Визжит и скрежещет металл, гудят нависшие над рядами станков трансмиссионные валы, свистят и шлепают ременные приводы. Горы болванок, штабеля необработанных пушечных стволов, куча каких-то отливок и свившейся клубками блестящей синей стружки заполняют тесные проходы. Вдоль центральной дороги, вымощенной деревянными шашками, стоят, вытянув тяжелые свои тела, словно бы приготовившиеся к бою, орудия. Огромная мастерская — края ей не видно — кажется враждебной и страшной.

Выходит, зря они пришли сюда. Но всё-таки находится благодетель. Отметчик Бернадский, маленький толстый человек, с пухлым несвежим лицом, вдруг обращается к отцу. До сих пор он не промолвил ни слова.

— Грамотный он у тебя, значит?

Бернадский тычет пальцами в Васину сторону:

— На побегушки могу взять. Жалования большого не положим, а к делу привыкать будет.

Так Вася становится мальчиком при конторке. Как будто и не трудная работа — ходи, куда пошлют, бегай по заводу с разносной книгой. Но день долог, от темна до темна убегаешься так, что ноги отнимаются,

а в голове точно пчелы гудят. И не присядь, не переведи дух: «Мальчик, принеси, мальчик, подай».

Служит он у отметчика, а командуют, покрикивают все: мастера, конторщики, старшие в партиях. И все щедры на зуботычины, пинки, тумаки. От каждого, чуть что, получишь по шее.

Завод сперва подавляет, ошеломляет его. Он слышит, как только что попавшие сюда бородатые деревенские дядьки в лаптях говорят со страхом: «Ад кромешный!» Вася всё-таки заводской, заводской от рождения. Но и ему нужно время, чтобы привыкнуть, оглядеться, понять ту сложную жизнь, что идет вокруг, — и на глазах у всех, и втайне от чужого глаза, подспудно.

Но ему помогают понять ее. Как-то с ним заводит разговор высокий токарь, с твердым упрямым лицом, резкими порывистыми движениями и пристальным, словно бы прощупывающим взглядом. Этот немолодой уже человек выделяется среди тысяч рабочих пушечной. К его слову прислушиваются многие. Зовут токаря Дмитрием Романовым. Оказывается, ему уже коечто известно о Васе. Парень в кепке блином рассказал историю со шпиком на «Миллионной», о книжках, которые давал читать.

Романов останавливает Васю в проходе и кивает на книгу, торчащую у мальчика из-за пояса:

— Что там у тебя?

— «Овод», — говорит Вася, и глаза его вспыхивают. — Вот это книжка! Знаете ее?

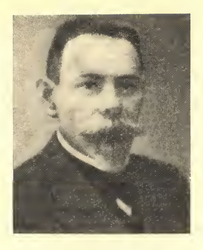
— А чем она тебе нравится?

Вася вскидывает голову:

— Овод мне нравится! Таких бы побольше...

Так начинается их знакомство. С разговора о книгах, с небольших поручений, которые выполняешь,

даже не замечая того. Трудно, что ли, передать кому-то в прокатной или электрическом цехе привет от дяди Мити, снести записочку, сказать пару слов, в которых вроде и нет даже особого смысла — «жди, мол, писем» или «приходи в гости». Но Вася не так уж прост и догадывается, что за этими словами скрыто нечто не столь невинное, только не надо быть любопытным.

Путиловский большевик Дмитрий Романов.

Постепенно поручения становятся серьезнее. Вася переносит из мастерской в мастерскую свертки, спрятав их под рубахой. Такой сверток не должен попасться на глаза посторонним.

— А если тебя всё-таки остановят? — проверяет Васю Романов.

— Скажу, нашел бумажки на дворе. Подобрал, чтобы змея склеить. Страсть люблю запускать змеев! Я же маленький, — смеется Вася, и белые зубы блестят на его худом лице.

Ему мало лет, а на вид можно дать еще меньше, и это очень неприятно сознавать. Хочется быть высоким, сильным. Но сейчас он даже рад, что мал ростом. А про змеев — это не выдумка, он действительно любит запускать их с друзьями. Только времени не остается.

Что маленький рост может принести пользу, Вася вскоре убеждается вновь.

— Сынок, — говорит ему как-то Романов, — есть серьезное дело. Пойдешь вечером попозже на Богомоловскую. Адрес запомни. Тебе листовки там дадут. Пронести их надо в мастерскую, когда еще нет никого, и разложить по ящикам, по тискам, чтоб люди сразу нашли, как придут на работу. Не побоишься? Но смотри — зря тоже не рискуй.

Утром Вася идет через проходную задолго до смены. Еще совсем темно. Городовой и сторожа у ворот глядят на него сонными глазами. Он проходит мимо, парнишка в черном засаленном пиджачке и в синей кепчонке в рубчик. Он идет, тихонько напевая сквозь зубы. Ему весело и жутковато. Стучит сердце, и похрустывает пачка бумажек, лежащих под рубахой. Но это слышит он один.

А напевает он что-то божественное. Если б сторож прислушался, то легко узнал бы молитву: «Спаси, господи, люди твоя...» Наверно, решил бы, что парнишка из церковного хора. Но сторожу прислушиваться лень, ему хочется спать. И как бы он ни слушал, он не догадается, что Вася положил на мотив молитвы вовсе уж безбожные слова «Марсельезы»:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!

Слова Вася произносит в уме.

В мастерской совсем тихо. Только шорники возятся у станков, что-то чинят, сшивают порвавшиеся ремни.

Вася быстро скользит по проходам, и там, где он был, остаются небольшие серые бумажки.

К тому времени, когда мастерская наполняется людьми, он уже сделал свое. Теперь можно пройтись

спокойно и осмотреться. Рабочие возбужденно переговариваются: «Правильно написано...», «В самую точку...»

Маленькие серые бумажки мелькают в руках у людей. Одни, заметив листовку, жадно хватают ее и тут же принимаются читать, другие, опасливо оглядевшись по сторонам, быстро прячут ее в карман. Кто-то, может быть, понес уже серый листок в конторку. Есть ведь в мастерской такие, что держат в кармане «конька» — значок с изображением Георгия Победоносца. Значки выдает своим членам черносотенный «Союз русского народа». Открыто нацепить «конька» на заводе ни один самый оголтелый черносотенец не смеет. Но если «конек» лежит в кармане, такому человеку большевистская листовка не может быть по нутру...

Возле уборной Вася слышит громкий крик, ругань и плач. Дверь открыта, и он заглядывает туда. Посредине уборной стоит здоровенный хожалый и держит за ворот парнишку ростом не больше Васи. Это Андрюшка, ученик токаря из их мастерской. В руках у хожалого листовка, одна из тех, которые Вася раскладывал по станкам полчаса назад. К оборотной стороне прилипли раздавленные кусочки бело-синего мраморного мыла.

— Говори, где взял эту пакость?! — кричит хожалый и тянет Андрюшку за ворот.

— Да на полу же нашел, — бормочет Андрюшка, всхлипывая и размазывая по лицу слезы. — Ой, матушки, я для порядку старался, а ты меня душишь теперь. Что я у вас тут знаю? Валяется объявление на полу, я и подумал: дай повешу его на стенку, наверно, оно оттуда упало.

Он сопит, хлюпает носом, а глаза горят озорством.

Хожалого и Андрюшку обступает толпа. Вася пробирается поближе.

— Дяденька, а дяденька, — говорит он тонким голоском, — мы же маленькие еще, ничего в ваших бумагах не понимаем. Пусти ты Андрюшку, он и читать толком не умеет.

Андрюшка вопит всё громче. Хожалый неуверенно смотрит на мальчишек.

— Дураки вы, — говорит он. — Объявление... Разве начальство станет вешать объявления в отхожем месте! Это смутьянская бумага. Другой раз увидите такую, сразу несите мне!

— Прямо тебе? — переспрашивает Вася, делая дурашливое лицо.

Андрюшка между тем выскальзывает из уборной.

— Мы маленькие еще, не понимаем, — твердит Вася.

Ему весело, как, может, не было никогда. Ему хочется смеяться и петь.

Хожалый подозрительно оглядывает его и уходит. Вася делает несколько шагов следом, уморительно подражая его медвежьей походке.

Ай да Андрюшка, золотой же парень! Вася и не знал, что у него уже есть такой помощник. А хожалого они здóрово провели. Опять помогло то, что они малы.

Но он уже не маленький, он только ростом невелик. Пускай Дмитрий Романов зовет его сынком и другие рабочие начинают его называть так всё чаще. В Емельяновке, когда он был совсем еще карапузом, ребята прозвали его «папаней», а тут он «сынок». Всё словно наоборот. Но в имени, которое дала ему пушечная, нет и малейшей насмешки. В нем звучит уважительная и ласковая сердечность.

Вася больше не мальчик на побегушках. Мастер смилостивился, наконец, и поставил к токарному станку. И завод уже его не подавляет. Да, тут тяжело, порой даже невыносимо, и всё-таки здесь средоточие всего самого интересного и важного в его жизни.

Он становится своим человеком в огромной пушечной мастерской. Он уже многих знает, и многие знают его.

Он никогда не делал усилий, чтобы завести друзей, и всегда у него было их множество. Так уж получалось само собой. Сверстники и старшие чувствовали в нем отзывчивое и бескорыстное, открытое сердце, и это привлекало к нему.

В обед молодые ребята прибегают из дальних пролетов:

— Васюха, поделись завтраком!

Уже известно, что он частенько забывает взять с собой хлеба, зато его карманы всегда набиты книжками. «Васин завтрак» — так их называют. Этой пищей он охотно делится с друзьями, как, впрочем, поделился бы и ломтем хлеба.

— Васюха, — говорят ему, — ты просто ходячая библиотека, вон читателей сколько завел! Брал бы хоть по копейке за прочтение, как Женька с Богомоловской, мог бы тогда много книжек накупить.

— Нет уж, копейки пусть остаются при вас.

Женьку с Богомоловской Вася знает. Может, и не стоит говорить про него плохо. Женька собирает книжки, и копейки, полученные от читателей-сверстников, честно тратит на покупку новых книг. Есть у него и хорошие, только слишком уж много пинкертонов.

У Васи денег, конечно, маловато. Он стал покупать книги давно, только раньше на это шли лишь случайно перепавшие гроши. Теперь есть свой заработок, и

тратить можно побольше, хотя не столько, сколько хотелось бы. Но как бы там ни было, а библиотечка, сложенная у него дома в сенях, растет. Часть книг приходится держать в сарае, не хватает места.

— Приходите ко мне в Емельяновку, — говорит Вася новым товарищам. — Там подберете книжки по душе. Поговорим, почитаем вместе.

Так начинает складываться вокруг него кружок молодых рабочих.

И вместе с тем у Васи становится всё больше взрослых друзей. Со стороны это, наверное, кажется странным — какая может быть дружба у Дмитрия Романова с пятнадцатилетним учеником токаря, с мальчишкой, которого он сам зовет сынком?

Впрочем, они совсем не выставляют эту дружбу напоказ.

— Ты вечерком дома? Заглянем к тебе, — говорит иной раз Васе его друг. Или приглашает к себе. Всегда этот короткий разговор ведется так, чтобы не услышало чужое ухо.

И вот собираются вечером несколько рабочих — молодые и пожилые. Сидят за самоваром в комнате или на кухне, пьют из толстых стаканов чай с крепким голубоватым рафинадом, наколотым острыми кусками. Такой рафинад в потребиловке продается целыми головами, завернутыми в плотную синюю бумагу. Его можно взять в долг, если, конечно, ты не исчерпал кредита, который положил тебе цеховой конторщик.

О кредите тоже заходит речь за столом у самовара. Надо, чтобы молодые ребята всё понимали.

Кредит тебе открывают, вроде заботятся о тебе. А в самом деле кредит — это еще одна петля-удавка. Вечно ты в долгу у хозяев. И товары тебе сбывают самые завалящие. В другом месте, может, купил бы

лучше и дешевле, но там надо платить наличными, а наличных нет, вот и бери в долг, что дают. В получку с тебя всё удержат, и, глядишь, нет уже получки, лезь снова в долги. А лучше всего узнаешь прелесть кредита, когда начнется забастовка. Тогда начальство закроет кредит, и ты сразу останешься без хлеба.

Сахарная голова стоит на комоде, возвышаясь, как белая башня. Верх у нее закругленный и на самой макушке выемка, точно маленькая чашка.

— Из такой чашки, слышал, царь чаи попивает. Сладкая жизнь у царя, — посмеивается Романов — царский однофамилец, большевик.

И тут же взрывается, трясет головой:

— Его, окаянного, не напоишь чаем. Ему кровь подавай, душегубу...

— Сердитый ты сегодня, дядя Митя, — говорит Вася.

— Сердитый? Да, я сердитый. — Романов стучит кулаком по столу. — В деревне знаешь что творится? Голодуха такая, что даже кадетские газеты об этом заговорили. Мужики лебеду едят с глиной... От голодного тифа пустеют целые села.

Обо всем этом Вася знает. Не только из газет. После нескольких лет затишья завод снова расширяет производство и набирает людей. Возвращаются старые рабочие, уезжавшие от безработицы в деревню, приходят и новые — тоже из деревни. Они рассказывают страшное о недороде и голоде.

— Почему всё-таки у нас вечные голодухи? — спрашивает Вася. — Не от бога же это, в самом-то деле.

— При чем бог, если царь да помещик с кулаком грабят людей? Богом только головы дурят народу.

Романов окидывает взглядом сидящих за столом и достает из кармана сложенный вчетверо листок.

«По широкому раздолью российской земли распростер свои могучие крылья наш царь беспощадный. В его леденящих объятиях очутились десятки миллионов русских крестьян. Они голодают! Опять голодают!»

Дмитрий Романов читает немного запинаясь — разволновался. Вася слушает его и смотрит на листок. Бросается в глаза последняя строчка: «Да здравствует социализм!» И подпись: «Центральная группа петербургских рабочих Российской Социал-Демократической Рабочей партии».

— Большевистская листовка? — спрашивает он.

— Конечно. Кто еще может сказать народу правду, кроме большевиков?

— Дядя Митя, — тихо говорит Вася, — я тоже должен что-то делать, я в стороне стоять не хочу.

— Да ты ведь с нами, мы знаем.

— Я всегда буду с вами. Вы только побольше дела мне давайте. Может, мне в деревню поехать, кружки там организовать? Я сумею.

— Сумеешь. Но погоди, придет время. А сейчас работы хватит и здесь.

* * *

В начале 1912 года, в холодный январский день, на воротах мастерской вывесили объявление. Возле него сразу собралась толпа.

— Чудно что-то, — пожимал плечами пожилой рабочий. — Новые номера придумали. Вишь ты, квадратных им мало, теперь еще какие-то овальные таскай.

— И сирена в мастерских... Музыки нам не хватало хозяйской. Неспроста это Лабунский затеял.

Лабунский — новый директор завода, и ничего хорошего рабочие от него, как и от старых директоров,

не ждут. Но что означает объявление, в толпе поняли не сразу.

— Какой-то фокус...

— Очень даже прост этот фокус, — откликается Вася. Он стоит перед объявлением в толпе. — Дольше нас работать заставляют. Газета «Звезда» про эту затею еще когда писала.

— Сейчас мы, что ли, горбатимся мало?

По толпе прошел гул.

— А будем еще больше, если поддадимся, — вступает в разговор знакомый Васе парень — друг Дмитрия Романова. — Считай сам. Прежде ты в шесть сорок опустил номер в проходной — значит, вовремя на работу явился. Теперь тебе в шесть сорок надо уже и второй номерок в кружку опустить, овальный. А кружка где будет? Не в проходной, в цеху. Вот ты и беги пораньше, чтобы успеть. Нам до цеха от проходной порядочно топать, а другим еще больше — кому минут двадцать, кому и полчаса. Утром ходим и в обед снова. Вот на это время Лабунский нам и удлиняет рабочий день.

— Похоже, малый правильно толкует. Двужильные мы, что ли? — зашумели в толпе.

— А что? Если хозяевам покоряться, они в тебе и третью жилу найдут, да ее тоже потянут. Трехжильный тогда будешь...

Быть может, введение овальных номерков еще не самое большое притеснение из тех, которые приходится выносить рабочим. Но это новое притеснение, прибавившееся к прежним. А времена уже наступают другие, и в людях растет готовность дать отпор.

— Неужто и теперь терпеть?

— В пятом-то году знали, что делать... Бастовать надо!

Слово сказано, давно уже не слышавшееся на заводе слово. Теперь оно зазвучало вновь — во дворах, в курилках, в углах мастерских. Вася и его друзья знали, кто его напомнил людям.

«Что же вы молчите? Действуйте. За вами право. Идите в союз», — обращалась к путиловцам большевистская «Звезда». Она писала о новых номерках уже во второй раз. Газету передавали из рук в руки. Читали каждую строку и, может быть, еще внимательнее — между строк. Призыв «Идите в союз» переводили безошибочно: «Бастуйте!»

В эти дни Дмитрий Романов сказал Васе:

— Гляди, сынок, ты дела хотел. Вот оно начинается, дело. От вас, молодых, теперь многое будет зависеть.

Опять появились листовки. Одна, в полстранички, была напечатана крупными, расплывающимися лиловыми буквами. У кого-то из старых подпольщиков нашелся набор резинового шрифта, припасенный еще с пятого года. Буквы надо было собирать одну к одной и вставлять в маленькую жестяную формочку с деревянной ручкой. Формочка не то предназначалась для печатания канцелярских бумажек, не то была просто детской игрушкой. В ней помещалось всего пять коротких строчек, да на большее не хватило бы и букв. Чтобы напечатать листовку, буквы в формочке приходилось менять несколько раз.

Другая листовка была размножена на гектографе—нехитром аппарате, воспроизводящем текст, написанный особыми чернилами на бумажной странице.

Подписи на листовках были разные: на первой — «Группа социал-демократов», на второй — «Группа революционной молодежи», но призыв один: «Утром 6 февраля не вставайте на работу!»

Вася читал листовки и завидовал тем, кто писал их и печатал. Разве он не мог бы это делать тоже? Но дел хватало и без того. До 6 февраля — дня, когда введут новые номерки, оставалось немного времени, а хозяева действовали хитро. 6 февраля был первый день великого поста, «чистый понедельник», следовавший за масленицей с ее блинами и гуляньями, начисто опорожнявшими кошельки рабочих. Когда кошелек пуст и дома нет никаких припасов, трудно начинать забастовку. И всё-таки надо было поднимать на нее людей.

В понедельник утром Вася шел на завод в густой толпе рабочих и видел вокруг себя сосредоточенные лица. Люди словно бы подобрались в предчувствии испытаний и борьбы. А ему было весело, он без удержу сыпал шутками.

— Будет дело под Полтавой... — говорил он, и глаза его горячо блестели.

Началось сразу же, как прогудели заводские гудки, а вслед за ними взвыли в цехах сирены Лабунского. Люди стояли на своих местах, не принимаясь за работу. Не было слышно того слитного, нарастающего гула, каким обычно начинался день. Только немногие станки были пущены в ход. Те, кто работал на них — преимущественно пожилые люди, — стояли ссутулясь, не глядя по сторонам. Они не хотели встречаться глазами с товарищами.

Вася посмотрел на Дмитрия Романова. Лицо у Дмитрия было решительное, глаза глядели пристально и весело. К Романову и другим «сознательным» рабочим, как называли в мастерской вожаков, то и дело подходили станочники с разных участков, что-то говорили, — наверно, рассказывали, как началась забастовка у них, может быть, спрашивали совета.

Вася знал: надо действовать. Он не мог спокойно стоять у станка.

Ребята рассыпались по проходам. Не церемонясь, парни останавливали пущенные станки, выключали моторы трансмиссий. Их кепки были сдвинуты на затылок, глаза горели боевым задором. Карманы штанов оттягивали гайки — испытанное оружие заводской молодежи. Гайками можно отбиваться от полиции, можно угостить и черносотенца, штрейкбрехера, пытающегося сорвать забастовку. Но пока не было нужды пускать их в ход: достаточно вытащить гайку из кармана и показать тому, кто начал работу.

— Лоботрясы, — ругался бородатый строгальщик, которого молодые забастовщики заставили остановить станок, — жизни не пробовали, на батькиной шее сидеть привыкли... У меня семья, чем кормить буду?

— Наши батьки тоже бастуют, — откликнулся Вася, — а есть и нам охота. У молодых, знаешь, какой аппетит? Лабунский на то и рассчитывает. Да мы сумеем ремешок подтянуть.

Но действовали не только забастовщики. Цеховые начальники ходили по пролетам, высматривая тех, кто покорнее и тише других.

— Ты что стал, заснул тут? — прикрикнул мастер, подходя к бородачу. — Давай пускай станок.

Бородач хмуро поглядел на мастера, потом быстро взглянул на Васю, и тот поймал лукавую искру, мелькнувшую в этом беглом взгляде.

— А мы — как другие, — протяжно сказал старик. — Чай, не дешевле людей...

В пушечной забастовка начиналась дружно. Но что происходило в остальных цехах? Несколько забастовщиков отправились на разведку и вернулись ни с чем. Во дворе, у ворот мастерских, стояли городовые

и поворачивали всех назад. Разговор у них был короткий:

— Пущать не велено!

Тогда установить связь взялись мальчишки. Они пробирались из цеха в цех незаметно. На грязных заводских дворах, заваленных кучами бракованных отливок, горами лома и стружки, укрыться ребятам было легко. Вася недаром почти год бегал по мастерским с разносной книгой, — он знал каждый проход и каждый укромный уголок.

— Конторщик послал, Бернадский, — говорил он, наткнувшись на полицейского.—Важное донесение.— Он достал из кармана какую-то записку.

Один раз это помогло. В другой раз городовой толкнул его со злобой в плечо:

— Сказано — не пущать. Захотел в участок?

Городовой стоял у выхода из мастерской, загораживая калитку. Он был кряжист, тяжел и выглядел неповоротливым. Его голова была закрыта рыжим башлыком, из-под которого торчал крупный нос и остро глядели глазки, голубоватые, как снятое молоко.

— Ну раз нельзя... — протянул Вася и вдруг нырнул у городового за спиной.

— Держи! — закричал тот и пронзительно засвистел на весь двор. Но Вася уже скрылся за грудой наваленных друг на друга опок.

Вечером Вася и его друзья долго бродили по Емельяновке. Они были возбуждены, хотелось поговорить о многом, хотя устали ребята больше, чем за день обычной работы у станков.

— Везде народ рабочий — и в пушечной, и в прокатке, а в одном месте бастуют, в другом ломят на хозяев. Ты мне объясни, что это значит? — допытывался ученик токаря Лешка.

— Чего тут объяснять? — задумчиво говорил Вася. — Рабочий народ тоже не везде одинаковый. Одни всю жизнь на заводе варятся, в пятом году революцию делали. Это рабочий класс. А другие вчера из деревни пришли и тоже называются рабочими.

Вместе со всем заводом ребята пережили несколько беспокойных дней. Забастовка не была успешной. Дирекция внесла кое-какие изменения в новый распорядок, но все понимали, что это больше для вида. Рабочий день стал длиннее.

В субботу вечером на кухню к Алексеевым по старой привычке забежало несколько мальчишек — Васины сверстники и друзья. Анисья Захаровна встретила их, как всегда, ласково, усадила за стол.

— Чайку попейте, сыночки, согрейтесь с морозцу, — говорила она, ставя кипящий самовар и нарезая толстыми ломтями ситный. — Покушайте, вы же голодные, я знаю.

Петр Алексеевич поглядывал на Васиных дружков молча, настороженно.

— Уже поздненько становится, мать, — громко сказал он, — ложиться буду.

И ушел в комнату.

А ребята хлебали чай и уплетали ситный.

— Сегодня хозяева взяли верх — завтра мы возьмем, — говорил Вася. — Нам с ними в мире не жить, как собаке с кошкой. Эта забастовка только начало...

— А конец где будет?

— Ты бери дальний прицел. Овальные номерки выбросить — это еще и не полдела. Царя надо выбросить да заводчиков и помещиков вместе с ним.

— Господь с тобой, Васенька, что говоришь только! — ахнула Анисья Захаровна, оглядываясь, не слышал ли отец. — Разве можно такие слова...

— Надо, маманя, надо. Отец остерегается: о вас, о маленьких думает, а нам бояться нечего, детей и жен у нас нет.

— А матери тебе не жалко, бесстыдник?

— Вы, мама, поймете. Я ведь для вас хорошей жизни хочу. А если каждый будет только себя жалеть...

— Остерегался бы всё-таки, сынок, — тихо проговорила Анисья Захаровна.

* * *

Ребята охотно собирались у Васи. Для многих этот дом был с детства своим. И новые друзья — их у Васи становилось всё больше — как-то сразу чувствовали себя здесь тоже своими.

Старшие напоминали об осторожности:

— Ты уже не мальчонка, ты подпольщик, революционер. У полиции и в Емельяновке есть глаза.

Конспирация была нужна, Вася это хорошо понимал.

В эту пору в его жизни произошло событие, о котором он рассказывал очень немногим, хотя оно стало для него рубежом самым значительным и важным. Потом он будет писать о себе: «Член РСДРП(б) с 1912 г.» А тогда, в двенадцатом, он пришел на собрание в тесную комнату бедной квартиры, и люди, сидевшие за столом под керосиновой лампой, как-то по-новому, испытующе посмотрели на него.

— Будем принимать Алексеева?

Он уже прошел испытание на подпольной работе, его не раз проверяли на трудных и опасных поручениях. Товарищи знали его хорошо, и суждение было единодушным. Каждый пожал Васе руку, словно бы скрепляя этим только что принятое решение.

— Смотри, нелегкую ношу берешь на плечи. Неси как надо!

После того дня он стал еще строже к себе, посерьезнел, повзрослел, что ли. Да, теперь нужно было вести работу настойчивее и осторожнее вместе с тем.

Конспирация давалась непросто. Трудно прятаться, скрывать свои чувства. Этому противилась Васина открытая, тянувшаяся к людям душа. Однако легко ли, трудно ли, а надо. Частенько, заслышав у двери голоса друзей, он со вздохом нахлобучивал кепку и выходил за порог:

— Давайте пройдемся, что ли, подышим воздухом. Полезно! Господа за этим в именья и на дачи ездят. Мне мать говорила, она знает, — служила прислугой в барских домах. А наша Емельяновка чем не дача?

Бродить с друзьями по улицам было тоже хорошо. Хрупкий и слабый с виду, Вася был неутомимым ходоком. И питерская неприветливая погода никогда не пугала его. Ветер с моря гнал низкие тяжелые облака, мелкий дождик сек наискось, забирался острыми струйками за ворот. Вася шел, засунув руки в карманы, навстречу дождю, который не мог смыть с его лица улыбку.

Если было очень уж ненастно и холодно, они отправлялись в трактир к Богомолову и, заняв столик где-нибудь у стенки, долго сидели, опустошая пузатые чайники. Тут можно было поговорить. Но в кухне у Алексеевых, вокруг дощатого стола на косых, сколоченных накрест ножках, под внимательным взглядом ласковых глаз Анисьи Захаровны было, конечно, лучше всего. И, если Вася засиживался вечером дома, кто-нибудь обязательно забегал к нему на огонек.

Их сборища были уже не такими, как прежде. Звучали непритязательные шутки и песни, которые всегда

заводил Вася, — петь он любил и умел, — но будто невзначай начинался разговор, разгорались споры, тянувшиеся часами. Ради них, в сущности, и собирались.

В такие вечера друзья уходили поздно, и, проводив их, Вася тихонько усаживался с книгой, привернув фитиль лампы, чтобы не мешать родителям. Время от времени мать беспокойно поворачивалась на кровати и шепотом окликала его:

— Шел бы спать, Васютка, на работу уже скоро.

— Сейчас, мама, сейчас, вот дочитаю.

Так по ночам читал он Эрфуртскую программу, принялся за «Капитал» Маркса.

Нелегко давалась эта наука. Иной раз казалось — не выдержит голова. Хорошо бы сперва прочитать что попроще, да где возьмешь? И очень уж хотелось знать, что писал Маркс, — не из вторых рук, от него самого. Раздобыть «Капитал» стоило огромных трудов. Вася берег его, как самую большую драгоценность, жемчужину своей библиотеки. И часами сидел над ним. За это время набиралось множество вопросов, которые надо было держать в памяти до встречи с более опытными товарищами, партийными пропагандистами: «Как понять это, что значит то?».

И постепенно прояснялось бывшее поначалу таким непонятным. Шаг за шагом он продвигался вперед.

Как-то уже весной, просидев полночи за книгами, он совсем не лег в постель. Погасив лампу, тихонько надел ботинки, накинул пиджак и пошел к выходу.

— Куда ночью-то? — беспокойно окликнула его мать.

— Спите, мама, — тихо ответил он, — дело у меня, приду уж после работы.

Он долго шел по молчаливому предрассветному городу—мимо Путиловского, мимо Нарвской заставы,

мимо вокзалов, вдоль Обводного — на Ивановскую улицу, которой прежде и не знал.

На Ивановской, в глубине высокого дома с облицованными белой плиткой простенками, глухо гудели машины. Дом выглядел богато и неприветливо, и Вася на секунду задержался, раздумывая, туда ли он попал. Потом решительно вошел во двор, открыл массивную дверь на тугой пружине и сразу очутился в шумном и близком ему мире. На лестнице было полно молодых парней, по виду таких же рабочих, как он. Они весело переговаривались, о чем-то спрашивали людей, пробегавших во внутренние помещения с влажными полосами бумаги в руках.

Да, конечно, тут была типография. Печаталась в ней большая, известная в России и за границей буржуазная газета «День», которую читали заводчики, чиновники, адвокаты. Рано утром почтальоны разносили ее по богатым квартирам, подписчики просматривали свежий номер, сидя за накрытым белой скатертью столом, попивая кофе и вытирая усы накрахмаленной салфеткой. На «День» ссылались иностранные агентства, министры делали глубокомысленные пометки на его полях, но парней, собравшихся на типографской лестнице, «День» не интересовал. Они пришли за новой, начавшей совсем недавно выходить большевистской газетой «Правда». У «Правды» не было, конечно, таких средств, как у «Дня». Деньги на ее издание собирали по копейкам на заводах. У нее не было и такого налаженного аппарата распространения. Городские газетчики просто отказывались продавать ее — боялись.

Полиция только искала повода, чтобы расправиться с «Правдой» — конфисковать тираж, запретить издание, отдать редакторов под суд. А известно, что, ко-

гда полиция ищет повод, она его находит. В любую минуту в типографии мог появиться околоточный в сопровождении оравы непроспавшихся городовых и наложить арест на «Правду». Тогда уже не придется долго ждать, пока городовые возьмут ломики и разобьют на мелкие куски свинцовый стереотип, с которого печаталась газета.

Но парни с заводов недаром проводили на типографской лестнице ночи. Они выхватывали пахнущие керосином номера прямо из машин и успевали унести их до того, как появится полиция. В эту ночь и Вася ушел с пачкой «Правды» под мышкой. Он нес ее на завод, и счастливое сознание, что делает он важное революционное дело, не покидало его.

Вскоре после этой ночи Вася снова пришел за «Правдой». Распространять газету среди рабочих стало его постоянным делом, такое поручение дала ему партийная организация. Но он ходил на Ивановскую не только по ночам. Недалеко от типографии разместилась и редакция «Правды». Вечерами там собирались корреспонденты с заводов, фабрик. Одни приносили уже написанные заметки, другие приходили, чтобы рассказать о делах, о бедах рабочего люда: о притеснениях со стороны мастеров и приказчиков — хозяйских холуев, о несчастных случаях, происходивших почти каждый день, о бесконечных сверхурочных работах, — выматываешь на них все силы...

И Вася ходил с тем же. Он уже познакомился с работниками газеты, стал там завсегдатаем. Конкордия Николаевна Самойлова — секретарь редакции — встречала его ободряющей улыбкой:

— Что нового у пушечников?

Она расспрашивала, как живется путиловской молодежи. Вася махал рукой. Что это за жизнь — света

не видишь! Взрослым тяжело, а молодым вдвое. Делай то же самое, а получай половину. И здоровье откуда взять? Чахотка косит ребят, многие харкают кровью. Он начинал говорить горячо и торопливо. Самойлова слушала внимательно, не перебивая.

— Рассказываешь ты хорошо. Вот и напиши так. Ведь грамотный, тебя, кажется, даже профессором зовут...

И Вася брался за перо.

В «Правде» Вася нередко встречал товарищей по заводу. Особенно часто он видел там Егора Шкапина. Вася знал его уже давно. В одиннадцатом году Шкапин вернулся на завод после ссылки и поступил в котельную мастерскую. Он был разметчиком редкостного мастерства, а такое мастерство люди всегда уважают. Но еще большее уважение Шкапин внушал товарищам умением растолковать самые трудные и запутанные вопросы, показать истинные причины всех бед, свалившихся на рабочих. Он был развитым, начитанным человеком. И еще Георгий Шкапин был поэтом. Вася помнил наизусть его стихи, рисовавшие тяжкие картины заводского труда:

Льется пот со всех ручьями,
Грохот, лязг и стонов звон,
Чад царит над головами,
Смерть глядит со всех сторон.

Недолго проработал в тот раз на заводе Шкапин. Он был у полиции на примете. Новый арест, этап... Но Вася запомнил разговоры с этим умным, много знающим, сердечным человеком, горячим большевиком. Потому он так обрадовался, встретившись со Шкапиным снова. Шкапин вернулся в Питер осенью 1913 года и сразу же пришел в редакцию «Правды». Через нее он

и связался с товарищами по заводу. Шкапин энергично участвовал в борьбе за создание путиловской больничной кассы. Он много писал по вопросам страхования рабочих и сразу стал сотрудничать в новом большевистском журнале «Вопросы страхования». С редактором этого журнала большевиком Валовым Шкапин познакомил и Васю Алексеева. Теперь Вася писал уже не только в «Правду», он стал и корреспондентом нового журнала.

«Правда» занимала особое место в Васиной жизни. Как тысячи рабочих-революционеров, он знал, что в редакции можно поговорить о самых насущных вопросах рабочего движения, которые волнуют заводский народ.

Но была и еще одна причина его привязанности к редакции. В эту пору Вася Алексеев уже писал стихи. Не сразу он осмелился предложить их газете, но хотелось прочесть свои стихи понимающим людям, услышать их слово. Таких понимающих людей он встречал на Ивановской улице.

В тесной редакции стоял небольшой столик, на котором, как в читальне, были аккуратно разложены свежие газеты и журналы. Вокруг столика обычно сидели рабочие — писатели и поэты, пришедшие сюда прямо с завода. Вполголоса они читали стихи, рассказы, обсуждали темы, иногда вместе сочиняли колючие четверостишия в номер. За этим столом Вася прочел друзьям первые свои стихи. И в те ночи, когда Вася приходил за свежей газетой, он видел на типографской лестнице тоже знакомые лица. Теперь у него появилось много новых друзей с Выборгской, с Васильевского и с Петербургской стороны. Они обменивались заводскими новостями, а больше всего рассказывали, как распространяют свою газету.

Каждое утро получаешь свежий номер... Всё кажется просто, как смена листков календаря. Но тут любой номер—это выигранная схватка, потребовавшая мужества и хитрости, искусства и жертв от многих людей.

Рассказывали о матросе, арестованном по пути в Кронштадт. Он вез пачку газет под форменкой, вроде бы и не доставал их оттуда, а жандармы всё-таки пронюхали. Тут, на пароходе, и взяли служивого, избили до полусмерти. На гауптвахту привезли — на ногах не стоял...

— С умом надо действовать, — заметил высокий парень, одетый не то как приказчик, не то как дворник. — Видите бляху? Я за нее три рубля в год плачу. Зато могу торговать вразнос, по всему городу с тючком ходить. Я от хозяина веревками торгую. В тючке у меня веревка и лежит. А если там еще «Правды» сотни две экземпляров, это уж никому невдомек.

— А вы знаете, как мы вчера вынесли задержанный номер? Вот это была умора! Полиция нагрянула, когда уже кончали печатать. На лестнице толчея... Сгрудились мы так, что околоточному не пробиться. Пока он тут орал, печатники нерозданный тираж успели запрятать, — под пачки с «Днем» положили, ко «Дню» околоточный руки не тянет. Ну, собрал он штук пять номеров, которые лежали у машины. «Где, — спрашивает, — остальные?» Печатники плечами пожимают. «Да мы и не успели. Приправили только, а вы уж и пожаловать изволили лично». — «То-то,—говорит околоточный, — с этим делом, гляди, у меня строго». Составил акт, забрал пяток газет и ушел довольный. А мы «Правду» вытащили из кип и айда с ней по заводам.

— Ну это что, вот у нас было... — вмешался еще кто-то.

Вася свой человек в этой шумной и веселой толпе. Он оживленно толкует с новыми друзьями о положении дел, о настроениях рабочих, весело смеется, слушая рассказы о том, как ловко провели полицию. Может, кто и приврет другой раз для интереса, но, в общем, истории, которые они рассказывают, истинные. Вася и сам мог бы рассказать немало такого. Ни один номер не раздашь без приключений. Вряд ли кто знает здесь о газетчике, который стоит близ их завода. Сам он в экспедиции «Правду» не берет, вроде и не торгует ею, а ведь ребята носят ему потихоньку. Принесут и запрячут пачку в водосточной трубе. Газетчик потом ее достанет и продаст рабочим. Конечно, иной раз получается не очень удобно. Хорошо, если погода сухая. А если дождь? Вся пачка тогда намокает, как губка. Но ничего, и мокрые номера идут нарасхват.

Рабочие с нетерпением ждут «Правду». Она нужна и дорога им — вот что самое главное, вот в чем суть.

РАБОЧИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Вне завода Вася чаще всего встречается с товарищами в обществе «Образование» или в классах вечерней школы на Ушаковской улице. Там, как они говорят, можно повидать всю Нарвскую заставу — парней с Путиловского, «Тильманса», «Лангензиппена», девушек с «Треугольника» и с Резвоостровской фабрики, «Кенига» и Российской мануфактуры. Впрочем, в обществе «Образование», да и в школе, бывает не одна молодежь. Если за партами между девушками и молодыми парнями сидят пожилые рабочие с сивыми усами, это тоже никого не удивляет. Лекторы постоянно твердят о том, что учиться никогда не поздно, а главное — ходят люди сюда не только, чтобы лучше изучить грамматику, арифметику и естествознание.

В классах на Ушаковской тесно и сидеть не очень-то удобно. Днем тут занимаются дети, и пар-

ты рассчитаны на них, но с низкой партой можно смириться, если то, что слышишь в классе, тебя по-настоящему интересует. Придерживайся преподаватели программы, утвержденной Петербургским учебным округом, наплыв учащихся не был бы таким большим, но в том-то и дело, что программа существует больше для инспекторов и полиции, а учат в школе совсем другому.

Школа появилась в 1905 году. Ее основала группа либеральных педагогов. Они увлеклись просветительской деятельностью, когда рабочие создавали боевые дружины и готовились к баррикадным боям. Потом время изменилось: революционная волна пошла на спад, либеральные педагоги потеряли интерес к просветительству, но школа существовала. Тон в ней задавали уже большевики. Они позаботились, чтобы дать верное направление преподаванию.

Нелегко найти учителей — настоящих марксистов, а всё-таки их находили. Арифметика — предмет далекий от политики, но и ее можно по-разному преподавать. Можно решать на уроке задачу из учебника Малинина и Буренина, — по нему училось не одно поколение в школах России, — а можно составить задачу самому.

— Рабочий трудится на заводе двенадцать часов в день, — диктует учитель. — За три часа он вырабатывает столько, сколько нужно, чтобы покрыть его заработную плату, — остальной труд присваивается хозяином. Надо найти, какую часть дня рабочий трудится на себя и какую на капиталиста.

Легкая задачка, на простые дроби. Решить ее недолго, такие проходят в начальных классах, но в голове слушателя остается вопрос, требующий иного, революционного решения.

Вася ходит не в начальные классы, он в повышенной группе. Там изучают алгебру, геометрию, черчение. Кроме того, два раза в неделю слушатели собираются вместе на лекциях по истории, политической экономии, литературе. Это уже не урок арифметики, тут легче затронуть самые острые, волнующие вопросы, в том числе и те, что возникают при чтении «Капитала».

В 1913 году царская Россия празднует трехсотлетие дома Романовых. Власти шумно готовятся к юбилею: устраивают пышные торжества, попы служат молебны, чеканятся медали, печатаются пудовые книги, прославляющие «помазанника божьего» и весь его род. Как же не посвятить лекцию в вечерней школе царскому роду? Ее одобрит самый строгий инспектор. Но лектор говорит о том, чем памятна России царская фамилия, о крови, которая лилась рекой все триста лет, о гнилости и бессилии царизма, так ясно проявившихся в русско-японской войне. Пускай он не всё называет своими именами, не все выводы делает до конца. Сознательные рабочие потом объяснят товарищам то, что недосказал лектор.

На перемене ребята толпятся в коридоре. Вася собирает компанию пойти в Мариинский театр.

— Шаляпин поет! Вы понимаете, «Борис Годунов» с Шаляпиным — это же чудо!

— Как же, — недоверчиво замечает кто-то, — а билеты где? В партер не достать, а нам на галерку! Люди ночами в очереди стоят.

— Достанем, — уверяет Вася. — Евгения Ефимовна говорила. Правда ведь, товарищ Флёккель?

Евгения Ефимовна Флёккель идет по коридору мимо ребят — немолодая женщина, со спокойным, уверенным лицом.

— Постараемся достать, Вася, — говорит она,—мне обещали студенты. Вы проведите заранее запись.

— Ну, раз Евгения Ефимовна сказала...

— Записывай меня!

— И меня тоже!

Желающих оказывается много. Вася обещает хороший спектакль, а Флёккель билеты, чего же надо еще?

К заведующей школой они относятся дружески и с доверием. Эта женщина пришла из далекой им среды. Ее муж — крупный инженер, ее родня и знакомые — по преимуществу люди либерального толка, но она искренне предана школе и привязана к своим ученикам.

— Только не подводите школу, — говорит она большевикам, которые ведут тут — она это хорошо понимает — нелегальную работу.

И сама она может постоять за школу. Тому много примеров. В учебном округе вечерние классы на Ушаковской, конечно, на самом плохом счету. Инспектора, наблюдающие за ними, — это, в сущности, полицейские в учительских мундирах. Они ищут только зацепки, чтобы прикрыть школу. Приезжают они часто и без предупреждения, хотят застать врасплох. Против этого, понятно, принимаются меры. Сторожиха тетя Катя, завидев в окошко инспектора или околоточного, не сразу откроет дверь, а будет длинно и бестолково спрашивать у входа: кто такой, откуда, зачем?

— Да я из учебного округа, не узнаёшь меня, что ли?

— Верно, верно, господин хороший, вы уж простите глупую старуху, видеть худо стала. А вы всё-таки кто будете?

— Да что тебе, сто раз объяснять? Веди меня к заведующей.

— Уж и не знаю, тут ли она, ваше благородие...

Пока продолжается препирательство у входа, вся школа оповещена, и уроки входят в строгое русло учебной программы. Может быть, в классах есть посторонние люди, пришедшие вовсе не на занятия, а чтобы встретиться с товарищами, обсудить какие-то дела, но они сидят за партами, их снабдили ученическими билетами. Так просто их не обнаружить.

У инспектора острый нюх, он чует «недозволенное» издалека. Неосторожный вопрос, заданный учеником на уроке, крамольное обращение «товарищ» — уже повод, чтобы возбудить вопрос о закрытии школы.

Тогда Евгения Ефимовна пускает в ход свои связи, едет в округ, к высокопоставленным особам и всеми способами отстаивает школу.

Полиция часто устраивает облавы на Ушаковской, рассчитывая накрыть подпольщиков и напугать, оттолкнуть других учеников. В такие вечера уроки, конечно, не идут. Городовые роются в партах, ворошат тетради и книги, заставляют выворачивать карманы, долго допрашивают тех, кто показался им подозрительным, и уводят в участок. После этого часть учеников действительно бросает школу, — не все тут революционеры, — но вместо них приходят другие, и школа опять переполнена.

Вася, который с Евгенией Ефимовной в дружбе, спорит с ней на политические темы, советуется, что посмотреть в театре, что прочитать из новой литературы, многое знает о борьбе, идущей вокруг школы. Он рассказывает ребятам, как однажды полицейский пристав задумал установить внутреннее наблюдение за школой и что из этого вышло.

— Вы знаете Любимова? Подслеповат, зато служака. Но в тот раз он перестарался...

Пристава Любимова Васины товарищи хорошо знают, у всех есть причины не любить его, и слушают о его неудаче с удовольствием.

— Школа эта Любимову давно уже как бельмо. Вот он и решил поставить тут городового. Потом думает: «Мало одного городового, поставлю для верности трех. Один дурак, может, прозевает крамолу, а трех дураков и умные не обойдут». Беда только, что полицейский пост в школе не положен. Ну, Любимов — он хитрец. Вызвал трех городовых, что помоложе и поусерднее. «Я, — говорит, — ваше старание вижу, потому возлагаю на вас тонкое дело. Пойдете учиться в вечернюю школу. Конечно, форму вам снимать придется, так я вам штатские костюмы пожалую за казенный счет. Наука, спору нет, горький корень, да ягодки ее бывают сладкие. Прибавочку вам положим за учение да главное за то, чтобы в школе всё примечали. А что грамоте вам учиться надо будет — не тужите. И в грамоте может быть прок. Вы царю верные слуги, это я ценю, да очень уж буковки худо выводите, донесения ваши читать — только глаза портить. Я от этого, может, и слепнуть стал. Писать малость подучитесь, тогда и продвинуть по службе вас будет легче. Если, конечно, сумеете мне всё, что в этой школе делается, на ладошке подать».

Ну, не очень обрадовались, понятно, городовые, да прибавочка манит. Согласились. Одного только не учел Любимов — трудно городовому спрятаться от нашего брата и в штатском костюме. Одному трудно, а троим и вовсе невозможно. Кого-то из трех заподозрили в классе. Сомневаться ребята стали — очень похож новый ученик на фараона. Потом и на других обратили внимание. Да ведь тоже городовые! Тут уж

сомнений не осталось. На перемене чуть не все ученики прибежали к Евгении Ефимовне: такое, мол, дело, переодетые полицейские среди нас, будем расправляться с ними. Евгения Ефимовна выслушала всё и говорит: «Только не поднимайте шума. Мы их тихонечко отвадим. В классе ведите себя осторожнее, а на лекции их не пустим. Они же в младшем классе, и на лекции им ходить не полагается».

После позвала она учителя из той группы, поговорила с ним один на один. И вот началось. Как урок, так фараонов к доске. Задачки им задают самые трудные, не по их головам, и диктовки, письменные упражнения тоже. Стоит городовой у доски, а пот с него прямо на пол капает. Отпустит его учитель еле живого и — другого фараона к доске. Каждый урок стал им хуже, чем наряд вне очереди. Потерпели они, потерпели и бросили школу. Как уж там оправдывались перед приставом, неизвестно, но больше их на уроках не видели. Убоялись бездны премудрости.

Настойчивый звонок прерывает разговор.

— На занятия, товарищи, перемена окончилась. Будет лекция по естествознанию.

— Какая тема?

— Жизнь насекомых.

— Это что же, про тараканов и блох? Так мы с ними и без лекций знакомы, — говорит кто-то.

— А может, узнаем, как от них избавиться, — возражают ему, — ведь не мы насекомых разводим, они там, где теснота и нищета.

Но разговор на лекции идет не о паразитах. Лектор говорит о муравьях и пчелах. Как будто бы почти академическая тема.

— Муравьи относятся к отряду перепончатокрылых... Брюшко у них соединяется с грудью при помо-

щи тонкого стебелька, на ногах имеется по одному вертлугу...

И всё же не так это далеко и от того, что занимает умы собравшихся. Есть, оказывается, и среди муравьев паразиты. Они живут за счет себе подобных.

— Возьмем, например, муравьев из вида «амазонок». Сами они совершенно не работают, зато у них много «солдат», вооруженных острыми колючими челюстями. Солдаты нападают на гнезда других муравьев, разоряют их и перетаскивают к себе личинки, а когда из личинок выводятся муравьи, заставляют их работать — строить, добывать пищу...

— Настоящие империалисты, рабовладельцы, — говорит Вася, — тут можно провести интересную параллель. Правда ведь, товарищ лектор?

— Вы взрослые люди и вольны делать свои выводы...

— А вывод, пожалуй, такой, что у людей есть огромное преимущество перед муравьями. Люди свергнут своих «амазонок». Как рабочие пчелы разделываются с трутнями? Выгоняют их на холод, чтобы они замерзли. Вот так примерно надо сделать и нам со своими трутнями. Это будет настоящий вывод.

* * *

В обществе «Образование» Вася и его друзья чувствуют себя также уверенно. Это их клуб. Многое изменилось за последние годы.

Основали общество меньшевики-ликвидаторы. Было это в 1907 году. Название довольно точно отвечало целям, которые ставили основатели. Они считали, что просвещением рабочих можно заниматься легально, а подпольная революционная организация не нужна. Это они и хотели доказать на примере общества.

Полиция плохо поняла их благие намерения, и общество было вскоре закрыто. Новое, в отличие от прежнего, называлось Вторым, и жило оно по-иному. Большевики всё крепче брали его в свои руки.

Второе общество «Образование» обосновалось недалеко от заставы — на Нарвском проспекте в доме 16. В небольшой квартире было многолюдно и шумно. Одну комнату занимала библиотека, в другой собирались кружки — то драматический, то хоровой, то любителей астрономии, то оркестр. Самая большая отводилась для лекций и собраний. Если приходило человек восемьдесят, им уже было трудно уместиться — сидели по двое на одном стуле. В самой маленькой комнате, «людской», жил член правления Колышев, числившийся сторожем. Он был старым меньшевиком и в Первом обществе держал себя как хозяин. Стоило ему почувствовать, что собравшаяся молодежь хочет обсудить какие-то партийные дела, устроить сходку, как он сразу появлялся в дверях:

— Что застряли тут, ребята? Хороший вы народ, да пошли бы к черту. Время закрывать.

Теперь он уже не командовал, знал, что правление его не поддержит, там утвердились большевики. Он только вздыхал:

— Доиграетесь, закроют общество, как пить дать.

Но Васю и его товарищей испугать было не просто:

— А зачем нам общество, если не вести в нем настоящей работы? Но постараться надо, чтоб не прикрывали, действовать умно.

Такие уж они, эти парни из-за Нарвской, — Вася, вспыхивающий от малейшей искры и всё же способный сохранить самообладание в минуту настоящей опасности, умеющий разрядить напряжение острым словом и шуткой; и Петя Александров — молодой

член правления, новый Васин дружок — невысокий, коренастый и подвижной, глядящий на мир широко открытыми, словно бы удивленными глазами; и Ваня Епифанов, склонный к иронии и актерскому жесту — в душе он не только рабочий-революционер, но и артист; и Карлуша Реймер — маленький, щуплый, немного шепелявящий юноша, с ясной головой, умелый и надежный конспиратор; и Ваня Тютиков — чистенький, всегда аккуратно одетый мальчик, похожий на гимназиста, токарь-пушечник, — словом все в их компании. В обществе хорошо знают каждого. Товарищи постарше, те, кто умно и твердо направляет их работу, пожалуй, менее заметны. О том, что общество «Образование» крепко связано с Петербургским комитетом большевиков, осведомлены немногие.

Если дотошный историк разыщет когда-нибудь в архиве потрепанную тетрадку, в которой делались записи о работе общества, он по ней составит очень неполное, а может быть и превратное, представление о том, что́ там происходило.

Возможно, историк наткнется на записи о частых занятиях астрономического кружка и долго будет думать: почему это передовых рабочих Нарвской заставы так интересовала в те годы небесная механика?

Комета Галлея... Конечно, о ней и комете 1910 года много говорили и писали в ту пору. Журналы печатали рисунки хвостатого «чудища», двигавшегося по ночному небосклону, газеты пространно обсуждали, заденет ли оно Землю и что тогда будет. Это очень способствовало повышению тиража. Но историка удивит, наверно, что интерес к кометам возник в обществе словно бы с изрядным запозданием, когда газетная шумиха уже утихла и бойкие репортеры, обкормив читателей астрономическими «утками», искали других

сенсаций. Почему так? Историк будет долго мучиться над этой загадкой, может быть, до тех пор, пока не встретит старого нарвского большевика. А тот, узнав о его недоумении, только рассмеется — весело и немного растроганно. Упоминание о кометах воскресит в его памяти далекие дни.

— Галлея, говорите? Да, было... А ведь не так уж она нас волновала, эта комета. Читали мы о ней в газетах, но толковали, собравшись вместе, о другом. В двенадцатом году была, как вы знаете, Пражская конференция. Мы ждали материалов о ней с нетерпением и, когда они поступали, когда появлялся товарищ, который мог рассказать о конференции, спешили собраться. Но планы общества проверялись полицией, и темы для занятий надо было выбирать безобидные. Комета Галлея пристава вполне устраивала...

И вот собирались «любители небесной механики» в обществе и жарко обсуждали решения конференции, изгнавшей из партии меньшевиков. А лектор-астроном сидел в сторонке на тот весьма вероятный случай, если вдруг зазвонит колокольчик у входа и по дверям повелительно застучат кованые сапоги городовых. Тогда он быстро достанет свои записи и станет читать откуда-то из середины — об орбитах, эфемериде, перигелии, эксцентриситете. Пусть городовые слушают и просвещаются, если хотят...

Ни в каких тетрадях не найти и записи о встрече с рабочими депутатами Государственной думы, а они тоже тут бывали.

Однажды весной в общество вбежал запыхавшийся Петя Александров:

— Мы привезли депутата большевика Григория Ивановича Петровского. Сейчас здесь будет... Обещал рассказать о работе думской фракции.

— Как же тебе удалось? — удивился Вася.

— А что особенного? Мы его пригласили, а он поехал с полным удовольствием. К рабочим ехал, не к министрам.

Товарищи быстро прикинули:

— У нас сегодня что должно быть? Хоровой кружок? Нет, это не очень подходит... Библиотечная комиссия? Отлично. Почему бы там не посидеть депутату?

Библиотечная комиссия — организация скромная, состоит всего из нескольких человек. Но сегодня она собирается в самом большом помещении — «зале». Все, кто есть в обществе, спешат туда, и «зал» переполнен. Всем хочется послушать доклад рабочего-депутата. Но его приезд не проходит незамеченным и для полиции. Шпики таскаются за депутатом целой свитой, выслеживают каждый его шаг. Едва начался доклад, а пристав уже звонит в дверь, от спешки он запыхался. Орава городовых топает по лестнице. Ну что ж, этого следовало ожидать.

— По какому случаю собрались?

— Обсуждаем библиотечные дела...

— Что именно?

— Как читатели обращаются с книгами.

Пристав сверлит глазами собравшихся. Депутат сидит спокойно в одном из рядов, словно происходящее сейчас не имеет к нему отношения. Пристав тоже садится на стул.

Городовые переминаются с ноги на ногу в дверях и смотрят на пристава.

А перед залом за кафедрой стоит один из членов библиотечной комиссии:

— Небрежное отношение читателей к книгам, о котором я уже упоминал, причиняет библиотеке

серьезный ущерб... Кроме названных неисправных читателей я могу перечислить и других...

Совсем так, точно его доклад длится добрых полчаса.

— Некоторые еще палец слюнят, когда переворачивают страницы, — говорит кто-то из зала. — И пишут ни к селу ни к городу на полях.

По залу проходит смешок.

— Совершенно справедливо, — откликается «докладчик». — Смеяться нечего... Однако я прошу не прерывать. Каждый сможет высказаться в порядке получения слова...

Пристав поднимается, смотрит в упор на выступающего, на депутата, сидящего в зале, и уходит. А вскоре снова раздается требовательный, нетерпеливый звонок. Колокольчик у входа захлебывается, филенки трещат под ударами сапог. Пристав явился опять. И опять в зале ведется длинный разговор о неисправных читателях — кого надо штрафовать, кого лишать права брать книги. Как будто ничто иное собравшихся и не интересует.

Так повторяется в тот вечер несколько раз. Пристав уходит и появляется снова. Но в промежутках между его визитами депутат всё же успевает сделать доклад, собравшиеся высказывают свое одобрение действиям большевистской фракции в думе — решают поддерживать ее всячески, вплоть до проведения забастовок на заводах.

ВОЗМУЖАНИЕ

В холодное зимнее воскресенье, когда через замерзшие окошки квартиры было не разглядеть улицы и младшие ребята с утра усердно дышали на стекла, протирали «глазки» на узорном льду, Алексеевы справляли Васин день рождения. Гостей не звали, на стол не ставили бутылок, но Анисья Захаровна перед обедом посадила в духовку пироги, и ребята сразу потеряли интерес к окнам.

— Вот, Васенька, ты уж и совсем стал взрослый, — сказала Анисья Захаровна, присаживаясь к столу.

Она поглядела на старшего, подняла руку и неуверенно погладила его по голове, словно сомневаясь, уместно ли это теперь. Как-никак самостоятельный уже человек, восемнадцатый год парню.

И отец, должно быть, тоже думал о том, как вырос Вася.

— Да, в твои годы, брат...

Петр Алексеевич не договорил.

Он вспомнил собственную молодость — как жил в людях, как перебрался из деревни в город, казавшийся ему таким чужим и страшным.

— Ты у отца с матерью живешь, грамоте научился и ремеслу, на завод тебя определили. Побольше дорожить местом надо. У вас всё сходки в голове да книги. Читаешь целые ночи...

— Книги плохому не научат, папаня. — Вася поднял голову от тарелки. — Вспомните, сколько намучились на своем веку. Неужели не хотите, чтобы ваши дети жили лучше? Мне без хлеба легче, чем без книг. Позволили бы полки для них устроить в прихожей, а то лежат сваленные в сарае да на чердаке.

— Нет уж, в дом ты мне их не носи. Городовой придет или околоточный и сразу ткнется в твои книги носом. Не расхлебаешься с ними. И так всё беды жду.

— Горя бояться, папаня, так и счастья не видать.

— Ну ладно, отца родного учить еще рано.

Петр Алексеевич начал сердиться, и Анисья Захаровна поспешила погасить назревающую ссору:

— Пироги-то ели бы, остынут ведь.

Вася промолчал и взял кусок пирога, ведь пекла мать ради его дня рождения.

Семнадцать ему исполнилось перед самым 1914 годом. Еще не грянула близкая уж война, но жизнь рабочего Питера становилась всё более беспокойной. Волна недовольства круто росла. Путиловский в ту зиму бастовал не раз, красные флаги, как костры, то там, то здесь тревожно и весело загорались над заставой. Их не вышивали шелком, не украшали плетеным золотом тяжелых кистей. Маленькие, иногда как головные платки, лоскуты кумача, нацепленные на ствол молодого деревца, вздымались над толпой, чтобы, мо-

жет быть, через минуту исчезнуть, но видели их далеко, и казалось, шел от них удивительный свет, проникающий в сердца.

Случалось, Вася приходил домой вечером растрепанный, возбужденный, и мать тихо, чтобы не слышал Петр Алексеевич, спрашивала:

— Опять вы шумели, на заводе или на улице?

— Ничего, маманя, не беспокойтесь, — говорил Вася. В ушах у него еще звучала «Марсельеза» и стоял свист казачьих нагаек...

В такие вечера он особенно долго засиживался над книгами. Происшедшее лишь возбуждало потребность лучше понять мир: без этого его не переделать.

В марте в Емельяновке уже явственно ощущалось дыхание весны, которая, как обычно, в Питере спешила пораньше напомнить о себе, чтобы потом не торопиться с приходом. Сугробы темнели — на них выступала скопившаяся за зиму заводская копоть, снег становился крупнозернистым. Солнце, не загороженное городскими домами, глядело в окна, и с крыш свисали длинные сосульки, — ребята обламывали их и совали в рот. Это было «мороженое» бедноты. А вечером под ногами весело хрустел ледок.

В один из таких мартовских вечеров Вася сам завел с матерью разговор, не дожидаясь расспросов.

— Беда какая случилась на «Треугольнике». Галошниц отравили. Они там в бензиновых парах работают, а пары эти — человеку яд. Теперь хозяева какой-то новый бензин пустили в мазь, неочищенный, — он дешевле, и вот девушки целыми мастерскими начали валиться, сотни человек. Так их без сознания и выносили...

Мать ахнула:

— Есть и насмерть?

— Не знаю, сколько насмерть, а в тяжелом состоянии многие.

— Что делают из-за копейки, кровопийцы!

— А вы с отцом говорите: не суйся... Разве можно всё это терпеть? Они сами нас заставляют лезть в драку. Становись революционером или пропадай... да гляди, как все кругом пропадают. Нет, теперь им с рук не сойдет!

Он был возбужден, его большие карие глаза горели. Два часа назад он встретил в обществе «Образование» треугольниковских большевиков—Приезжинского, Чижова, прибежавших прямо с завода. Их рассказ ошеломил всех. Несчастья на производстве были обыденным делом, к ним как-то уже притерпелись, но такой массовой беды никто не помнил.

Вася вместе с друзьями побежал к «Треугольнику». По Обводному каналу от завода шли женщины, бледные, с лихорадочными глазами. Администрация потихоньку отправляла с завода пришедших в сознание галошниц. У некоторых головы были еще затуманены ядовитыми парами. При виде толпы, собиравшейся к заводу, работницы приходили в болезненное нервное возбуждение. Рыдания сотрясали их, — слишком страшно было то, что они перенесли.

«Я им объясняю, — твердила женщина, которую Вася поддержал, чтобы не упала на мостовую, — я им объясняю, не дойти мне до дому, в голове кружится, ноги не держат. Мастер только худым словом обозвал. У них, иродов немецких, [1] для нас другого слова нет. Свалишься, говорит, полиция подберет. На извозчике тебя отвезут тогда...»

---

[1] Среди администрации «Треугольника», как и на других предприятиях, было много иностранцев.

— Видишь, смеются над нами. Пора уж им поплакать — кровавыми слезами, — говорил Вася матери, рассказывая обо всем этом.

Петр Алексеевич вошел на кухню, прислушался и против обыкновения не стал обрывать сына.

— Везде один разговор, — проговорил он, — там ведь сколько наших баб, в галошных мастерских. Что с ними делают... Креста нет на людях.

— А те, что с крестом, не лучше. Попы только уговаривают галошниц покоряться начальству. Наверно, и молебны служат в церквах за благополучие господ акционеров, чтобы не дал им бог понести убыток из-за отравления работниц.

— Церкви ты не касайся. Перед святой иконой сидишь.

Отец поднял глаза на красный угол. Вася посмотрел туда вслед за ним и махнул рукой:

— Только деньги переводите на лампадное масло.

Он хотел сказать еще что-то, но встретил умоляющий взгляд матери и замолчал. Так было всегда. Эта неграмотная женщина, вся жизнь которой проходила на кухне, у корыта, возле чахлых грядок ее огородика и в сарае, где сидели куры, понимала его и сердцем была на его стороне. Но она боялась ссоры сына с отцом.

Вася замолчал и раскрыл книгу. Может быть, и не стоило трогать сегодня церковь. То, что происходит на «Треугольнике», отец, в общем, правильно понимает.

События на «Треугольнике» продолжали развиваться и в последующие дни. Даже массовое отравление не заставило администрацию отказаться от своих намерений. Дело ведь шло о барышах. Мазь на ядовитом бензине пускали в производство то в одной, то в другой мастерской, потом — во всех сразу. Число отравлений

всё возрастало. Женщины бились в конвульсиях, исходили кровавой рвотой, валились замертво. Товарищи вытаскивали потерявших сознание из цехов, вырывали из оконных проемов рамы, не имевшие даже форточек, выбрасывали на двор бачки с мазью, распространявшей отраву. Вышедшие на улицу рабочие вступали в схватку с полицией, приставу раскроили голову кирпичом.

Завод остановился, но происходившее на «Треугольнике» касалось не только его работниц. Заволновался весь рабочий Питер, забастовка прокатилась по многим заводам. Начали ее путиловцы.

Весь тот день они провели на Обводном. Ворота и калитки «Треугольника» охраняли усиленные наряды полиции. Городовые пронзительно свистели, размахивали шашками, оттесняя путиловцев, но ребята не расходились. Несколько раз Вася Алексеев, как и его товарищи, пытался пробраться в галошные мастерские, возобновившие работу, переговаривался с резинщиками через окна:

— Бросай работу!

— Путиловский бастует!

— Мы поддержим вас!

Вечером собрались в обществе «Образование».

— Давайте устроим демонстрацию.

— Давайте! — сразу подхватили ребята.

— Да нас тут немного... — сказал кто-то не совсем уверенно.

Вася горячо возразил:

— Нас знаешь сколько? Не сосчитать. Кругом все наши. Тут в каждом доме путиловцы и галошницы. Начни только!

Они остановились возле панели.

— Товарищи! — крикнул Вася, обращаясь к про-

хожим. — Путиловцы идут на демонстрацию! Присоединяйтесь к нам! Долой капиталистов-отравителей!

Они вышли на мостовую и двинулись к Нарвским воротам. Сотни людей услышали и увидели их. И люди вслед за ними сходили с панелей. Толпа всё росла и становилась теснее.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе! —

затянул кто-то, и его сразу поддержали десятки голосов. Песня, как сигнал и призыв, грозно взлетела над улицей и неслась к заставе. Над толпой взметнулось красное знамя. Вася не знал, откуда оно взялось. Но он не удивился. Знамя должно было появиться. Демонстрация вышла на площадь у Нарвских ворот и затопила ее. Оратор поднялся на возвышение, и голос большевистской партии громко зазвучал в наступившей тишине. Он звал к борьбе. Он звал к победе рабочего дела.

* * *

— Выбрал бы утречко, сынок, наловил бы рыбы. Раньше тебя с лодки было не согнать, а теперь вовсе забыл о ней.

— Всё некогда, мама.

Анисья Захаровна сидела на крылечке, утомленно опустив красные, загрубевшие руки на колени. В этот поздний вечерний час она могла посидеть немного без дела. Вечер был жарким, даже легкий ветерок не долетал с залива, и душный воздух стоял неподвижно под бледным небом, на котором всё не могли вспыхнуть дрожащие искры первых звезд.

Вася снял кепку и тоже сел на крылечко, чувствуя пристальный взгляд матери — любящий и тревожный.

— На лодке теперь хорошо...

Постоянная тревога за сына жила в материнском сердце. Потеряв троих детей, мать страшилась лишиться и этого, ставшего ее любимцем. В последние дни Анисья Захаровна не знала покоя. Она очень испугалась в тот вечер, когда с завода донеслась ружейная стрельба, а вслед за тем по улице побежали бледные, простоволосые женщины. «Наших убивают, — кричали они, — заперли всех на заводе!»

Вася вскоре пришел домой, и мать, схватив его за плечи, судорожно прижала к себе:

— Живой, живой...

— Нас много, мама. Всех им не перестрелять.

То, что произошло тогда на дворе Путиловского завода, потрясло заставу, как, может быть, ни одно событие с 9 Января. О расстреле говорили всюду. Анисья Захаровна слушала рассказы о том, как конная лава двинулась на многотысячную толпу, окруженную и зажатую между мастерскими, как пристав кричал: «Разойдись!», а толпа лишь сжималась теснее, потому что городовые были со всех сторон и разойтись люди не могли никак. Теперь все знали, что засада была устроена еще с ночи, что побоище было задумано и подготовлено заранее. Путиловцы собирались на митинг, чтобы сказать слово поддержки бастующим рабочим далекого Баку. Царские власти решили ударить по ним так, чтобы этот удар почувствовала вся рабочая Россия...

Женщины говорили, что после первого залпа молодые рабочие бросились к грудам металла, сваленного возле мартенов, и в полицию полетели камни, болты. «Твой Васька-то, слышь, там заводилой был у ребят», — тихо сказала соседка, наклонясь к Анисье Захаровне.

С того дня застава бурлила. Путиловский бастовал, на улицах было не по-обычному многолюдно и шумно. Полицейские боялись ходить в одиночку. По Старо-Петергофскому двигались конные разъезды, а вслед им летели камни, на улицах возникали стычки и хлопали револьверные выстрелы.

Каждый раз, когда Вася уходил из дому, тревога Анисьи Захаровны становилась нестерпимой. Уж он не будет прятаться от драки, это она хорошо знала. Когда-то она чувствовала себя неспокойной, если Вася уходил на рыбалку. Финский залив сердит, сколько рыбаков не возвращалось назад... Но теперь опасность, поджидавшая сына на море, казалась матери нестрашной в сравнении с тем, что могло произойти на улице, возле завода.

Она завела разговор о рыбалке без особой надежды, но Васе эта мысль неожиданно пришлась по душе.

— И в самом деле, — сказал он, — разве съездить на взморье? Схожу, сговорюсь с ребятами. А ты уж разбуди пораньше, на зорьке.

С залива на следующий день он вернулся только к обеду.

— Хороша бы я была, если б ждала твоей рыбы, — грустно усмехнулась, встречая его, мать.

— Да, понимаете, ловилась плохо, — смущенно сказал Вася и качнул ведерко, которое держал в руке. В согретой солнцем воде лежало несколько снулых рыбешек. — Ну, в другой раз будет больше, мама.

Наверно, он слишком мало думал об удочках в то утро. Лодка была полна ребят, они всё время разговаривали, и осторожный шепот быстро сменился громкой беседой. Конечно, рыба пугалась, не клевала. Да, признаться, Вася и не чувствовал той отрешенности от

всего, того терпеливого азарта, которые так нужны для рыбной ловли.

И всё-таки это был хороший день. Когда солнце поднялось высоко над заливом и они смотали лески, потому что ждать хорошего клева уже было нельзя, Петя Кирюшкин, давнишний Васин дружок, предложил посидеть на бережку. Они стали дружно грести в сторону от города, к Стрельне. Там был лес, где они часто бродили еще детьми, собирали ягоды и грибы.

Из-за острова на стрежень, —

затянул кто-то из товарищей.

— Поддержи, Вася!

Но Вася уже спорил с Гришей Ивановым, емельяновским парнем, любившим подразнить легко вспыхивающего друга.

— Где она, революция, спрашиваешь? А вот она начинается, сейчас. Протри глаза и увидишь. Ты пятый год помнишь? Мал был? Не так уж мал. И тогда началось с того, что в наших стреляли, а потом как быстро разгорелось — политические стачки, вооруженное восстание... Теперь идет к тому же. Только рабочий класс теперь опытнее и лучше знает, кого держаться. Да и крестьяне...

— А ты представляешь себе, что будет после революции, Вася? Вот свергнем царя, помещиков сбросим, капиталистов... Ну какие мы сами станем тогда и какая будет у нас жизнь?

Вася повернулся к Пане Петровой. Эта девушка с текстильной фабрики теперь часто бывала с ними.

— Я думаю, мы очень изменимся с тобой, Панечка. Жизнь изменится, значит, и мы.

— А я не могу думать о том, что будет когда-то

после, — вмешался Гришка. — Сперва надо революцию сделать.

Лодка ткнулась в прибрежную мель. Ребята, сидевшие на носу, спрыгнули в воду.

— Паня, перебирайся на корму.

Ухватившись за цепь, они вытащили лодку на песок.

— Если ты не знаешь, что будет после революции, как же ты станешь ее делать? У нас Гришка, понимаете, похож на пассажира, который бежит к поезду, тащит на себе тяжеленные мешки и корзины, за билет деньги уже отдал, а куда идет поезд, спросить не догадался.

Вася рассмеялся и положил руку товарищу на плечо:

— Может быть, тебе туда и ехать не надо?

— Это мне не надо? Я хочу, чтобы паразиты перестали сосать нашу кровь. А как жизнь построить без паразитов, мы и потом успеем подумать.

— Нет, всё-таки знать, против кого ты воюешь, еще недостаточно. Мы стоим за социализм. А какой он будет, этот золотой век — так его называют в книгах, — это надо себе представлять ясно. Люди перестанут мучиться, горбатиться, никто не будет существовать по-скотски. Каждый заживет свободно, во всю силу, как подобает людям. Вот родится и вырастет человек, может, твой или мой сын. Никто его не посмеет не то что нагайкой — пальцем тронуть, никто не попрекнет куском хлеба, никому он не должен будет кланяться в ноги, никто его не сгонит с квартиры, не заставит жрать гнилье, от которого даже собаку воротит. И всё ему будет открыто — хоть гимназия, хоть университет... Работу выбирай по душе, живи смело. Красивые люди пойдут на Земле, гордые, сильные и простые.

Они и знать не будут, как это можно бояться других людей — кругом одни друзья. Их не обидят, ничего у них не станут отнимать. Всё общее, всё — твое.

— Расскажут им про нынешнюю жизнь, они и не поверят, — сказала Паня и повернула к Васе похорошевшее вдруг лицо, — про пьянство, воровство, худые болезни, про темноту и нищету. Эх, пожить бы с ними вместе, с этими людьми...

— А мы и поживем, Панюха! Сами не сможем поверить, что было, как сейчас.

Васино лицо стало вдруг задумчивым и строгим.

— И нас с тобой тогда, знаешь, как уважать будут! Ведь мы откроем людям дорогу в золотой век. За это нас, может быть, и через тысячу лет не забудут.

— Забудут или нет — бабушка надвое сказала. А доживем ли мы до той жизни, вот что хотелось бы знать...

Петя Кирюшкин требовательно глядел на Васю, как будто от него и впрямь зависело, доживут они или нет.

— Доживем! Я, может быть, не доживу или ты. Каждого из нас завтра могут застрелить, запороть нагайками, сгноить в тюрьме. Не это важно. Все вместе мы обязательно доживем. Люди доживут, а люди — это мы все вместе.

Они лежали на лесной полянке в густой высокой траве. Тяжелый шмель, охватив короткими лапками мохнатый шар красного клевера, деловито сосал сладкий сок; рыжий муравей карабкался по крепкому стеблю травы, и стебель в сравнении с ним казался бесконечно высоким; стрекозы метались над лугом, треща стеклянными крыльями, а над всем этим стояло спокойное и глубокое, как вечность, небо. Вася глядел в него и думал, что жизнь под таким небом

должна быть мирной, прекрасной и мудрой. Должна быть и обязательно будет.

— Колька Масленый вчера устроил представление около «Марьиной рощи». Зойку Швабру изувечил, всю спину ей ножом исковырял. Потом на себе одежду порвал и завалился в канаву в чем мать родила. Еле выволокли его оттуда, — сообщил вдруг Гриша Иванов.

— Этот, как напьется, всегда чудит, — отозвался Петя Кирюшкин. — Колька Масленый известная фигура, да и Швабра ему под пару.

— Вот-вот... А сколько таких фигур у нас ходит за Нарвской? — В голосе Гриши зазвучали ехидные ноты. — Что же, и они в золотом веке будут жить?

— И они тоже!

Вася вскочил. Шмель на головке клевера и муравей на тонкой травинке сразу исчезли из поля его зрения. Петя Кирюшкин пришел на помощь другу. Он любил иногда поспорить с ним, раззадорить Васю, но, в общем, они стояли за одно.

— Зойка-то не всегда Шваброй была. Я ее девчонкой помню. Неплохая ведь девчонка росла. Да и Масленый тоже пьянчугой не родился. Была бы жизнь другая, и они бы такими не стали...

— Мы и за них боремся — за Зойку, за Масленого, — сказал Вася. — Если хочешь знать, не меньше, чем за себя самих. Петя прав: дай им человеческую жизнь, и они, может, лучше нас станут. Революция не только чистеньким нужна.

Он крепко держал Гришу Иванова за рукав.

— Да отпусти ты, — рассмеялся тот, — рубаху порвешь. А Кольку Масленого вы, между прочим, зря теленком рисуете. Это же тип такой... Вот явится он в золотой век, тогда станете искать городового, чтобы его в участок тащить.

— Нет, брат, не станем. — Теперь и Вася рассмеялся. — Городовых тогда, к твоему сведению, не будет. И полицейских участков тоже. Ну, а разыщется какой-нибудь хулиган, его прохожие за руки схватят, тысячи людей. Против тысяч любой отпетый головорез бессилен. Люди на него как на больного, как на идиота смотреть будут — в больницу поместят. Или другую управу найдут. Но, я думаю, таких, как Колька, тогда всё же не окажется. Дружно и чисто жить станут везде.

— Как ангелы в раю...

— Еще красивей! Ангелов и рай люди придумали, мечту в них свою вложили. Но мечта у них была куцая. Поповский рай заселен бездельниками, а бездельем можно только того соблазнить, кто задавлен каторжным трудом. Свободному человеку труд будет в радость. И никакой ему бог не понадобится, а он сам будет могущественнее и выше бога.

— Интересно слушать тебя, Вася. Красиво ты думаешь о людях и будущей жизни, — задумчиво сказала Паня.

Вася смущенно посмотрел на нее:

— Уж не знаю, красиво или нет, но я уверен, что так будет... Ну ладно, глядите, ребята, земляника тут какая! Грех оставлять ее в траве.

— Наберем, это недолго. И Паню угостим, — отозвался Петя Кирюшкин. — Самой отборной ягодой. Елисеев такой не торгует, хоть он и поставщик императорского двора.

И они стали собирать ягоды. Земляника была в самом деле чудесная. Они бродили по лесу, пели песни и снова заводили разговор о далеком будущем, которое им казалось близким в тот день, и о своем сегодняшнем, о том, что их волновало постоянно.

Нет, что ни говори, а день действительно был хорош. И, думая об этом, Вася улыбался, стоя перед матерью во дворе их дома.

— Не сердитесь, маманя, в другой раз больше наловлю. А славно было сегодня на заливе.

Мать не успела ответить, — их окликнули с улицы, и было в этом оклике что-то будоражащее, тревожное.

Вася увидел соседа Петра Степановича. Пожилой, всегда степенный человек, он шел к их дому какой-то прыгающей, торопливой походкой.

— Эй, Васька, отец-то где?! — крикнул он и с трудом перевел дух. — Вы тут не знаете ничего? Мобилизация объявлена. Война!

ВОЙНА

Война, как смерть, всегда наступает внезапно. Сколько бы люди ни готовились к ней, как бы ясно ни видели ее приближение, всё равно живет, теплится где-то в тайниках души надежда, что минует беда. Эту надежду способны уничтожить только залпы заговоривших пушек.

Разумеется, Вася и его товарищи знали о том, как угрожающе развивались события в Европе, особенно после убийства в Сараеве. Газеты они читали. Про Васю друзья говорили, что он не может заснуть, если не прочтет всё, что можно достать в газетных ларьках. В шутке была правда. Его карманы всегда топорщились от газет. Одни он покупал, другие брал почитать у газетчика, это обходилось дешевле. Случалось, забежав к Васе на минутку, кто-либо из товарищей заставал его склонившимся над «Новым временем», «Утром России» или какой-нибудь другой черносотенной газетой.

— Зачем ты руки мараешь о такую дрянь?

— Это наши враги, — спокойно говорил Вася, — мы должны их знать. И полезное кое-что можно найти в этих газетах, только читай с толком. Врут они, врут, да проговорятся. А нам хорошо нужно представлять себе, что делается на белом свете...

И всё-таки в тот жаркий день, когда они катались на лодке по заливу, лежали в густой траве лесной поляны, собирали землянику и спорили, стараясь представить человека грядущего социалистического мира, в тот день Вася как-то не думал о войне. А она уже переламывала по-своему жизнь миллионов людей.

Всё сразу стало иным.

Правда, угарный ветер шовинизма, крутивший в эти дни на улицах столицы, не захватил заставу. По Невскому ходили шествия. Купцы, чиновницы, богатые барыньки и гимназисты умиленно пели молитвы и гимны, несли портреты Николая Второго. Плакаты сулили скорую победу святой Руси, славили христолюбивое воинство и молили небеса: «Боже, царя храни...». Худо приходилось всякому, кто не успевал обнажить голову перед такой манифестацией. Тяжелые тумаки сыпались на того, кто не проявлял верноподданнических чувств.

Но так было на центральных улицах. А городские заставы гудели, гнев и возмущение поднимали людей. Из этих районов шли другие манифестации: они несли не хоругви, а красные флаги, они не молили о победе царских армий, а проклинали войну. Полиция и черносотенцы бросались на рабочих. Им удавалось разогнать демонстрантов, но изменить настроение заставского люда было невозможно.

Воинственный угар не захлестнул Нарвскую заставу, но бедствия войны обрушились на нее в первые же

дни. Многие семьи проводили в казармы своих кормильцев, тысячи рабочих, получивших отсрочки, были приравнены к солдатам. За малейшее ослушание им грозил военный суд, отправка на передовые. Снова, как после пятого года, двери рабочих квартир трещали по ночам от ударов тяжелых сапог. Полиция «очищала» заставу от «неблагонадежных элементов».

В ту пору Вася Алексеев ощутил вокруг себя странную пустоту. Многих старших его товарищей, тех, к кому он привык идти за советом, уже не было рядом. Их угнали на фронт, запрятали за решетку. Война както сразу продвинула Васино поколение вперед. Еще вчера они были новичками, шли, равняясь на старших, а сегодня оказались в первом ряду.

Понадобились недели, чтобы из Швейцарии через границы и фронты попали за Нарвскую заставу ленинские тезисы о войне, а затем и написанный Лениным Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Вася и его друзья встретили ленинские документы с огромной радостью. Легче и светлее стало на душе. Да, они правильно отнеслись к войне с первых же дней, они не ошиблись, считая ее ненужной и враждебной рабочему люду. Теперь то, что было еще неясным, смутным поначалу, полностью прояснилось. Партия звала бесстрашно бороться против войны, превратить ее из империалистической в гражданскую, в войну против царского правительства, против капиталистов и помещиков. Сердца Васи и его друзей горячо приняли этот призыв.

Прошло немного времени, и старшой Голубев в субботний вечер остановил Васю, выходившего из цеха. Голубев — приятель Петра Алексеевича, Васиного отца, знает всю их семью, крестил младшего братишку.

— Ты намотай себе на ус, Василий, — проговорил он. — Начальство косо глядит на тебя, да и правильно ведь. Другие остаются на сверхурочную, когда только попросят, а тебе всё некогда. Вот мы и завтра будем работать. Придешь?

— Как обычно, — ответил Вася.

— Так ведь обычно тебя и калачом не заманишь?

— Значит, не заманите и завтра, дядя Саша. Царю-батюшке помогать я не большой охотник.

— Да ты русский человек или немец?! — закричал Голубев, рассердившись не на шутку.

— Человек я русский, русский рабочий. Потому и не хочу стараться на царя. Делать больше пушек? А для чего? Чтобы больше убивали на фронте таких же рабочих, как мы с тобой? Как бы русский царь победил германского кайзера — это не наша забота. Наша забота — победить царя, а немецкие рабочие пусть своего кайзера сбрасывают. Ты думаешь, России служишь... Наша Россия — не Николашка кровавый, наша Россия — рабочие и крестьяне. Им служить надо, для них надо свалить царя и всех, кто с царем вместе губит народ на этой проклятой войне.

— Гляди, Васька, за такие слова по нонешним временам... Услышит кто — головы не снесешь.

— Пусть слышат. Я правду говорю, ее от людей прятать нельзя.

Но путь правды нелегок. Трудно приходилось в эту пору заводским большевикам. На организацию обрушивался удар за ударом. Оборваны связи с Петроградским комитетом, разгромлен райком... Еще сложнее стало встречаться с товарищами, единомышленниками, еще труднее агитировать, рассказывать о своих взглядах рабочим в цехе. Везде слежка. Предатели и трусы рядятся в патриотов. И нет уже тех привычных

мест, где сходились вместе поговорить о том, что всех интересует, обсудить, что делать дальше. И на Ивановскую улицу теперь незачем ходить. Большевистская «Правда», которой за два года пришлось сменить чуть ли не два десятка названий, теперь ни под каким названием не выходит. Ее закрыли, запретили совсем. Не соберешься, как прежде, и в обществе «Образование» на Нарвском проспекте. Общество тоже в начале войны закрыто полицией...

Хорошо хоть, что осталась школа на Ушаковской. Вася и его друзья становятся самыми ревностными учениками.

В школе теперь надо быть очень осторожным. Полиция не спускает с нее глаз. И всё-таки здесь образуются кружки рабочей молодежи. В кружках воспитывается новое поколение путиловских большевиков.

Поначалу кружков два. В одном ведет занятия Вася, с другим занимается немолодой уже человек с бородкой и в пенсне, приезжающий из города, — провизор какой-то аптеки. Зовут его товарищ Ахий. Фамилии никто не знает, разве что Вася, но он ее не называет даже друзьям. Конспирация, понятное дело...

Во время перемены Вася коротко обменивается мнениями с товарищами:

— Где соберемся?

— Давайте снова у меня, — охотно предлагает Ванюшка Тютиков.

— То-то и дело, что снова, — говорит Вася. — Заметно будет. Может, в Дачное поедем, в леске посидим? Погода ничего. Вот и отправимся завтра...

— Есть тут квартира у одного паренька на Зайцевой, вроде подходящее место, — говорит Коля Андреев.

Коля примкнул к их кружку не так давно, но человек он надежный. Вася хорошо его знает, они рабо-

тают в одной мастерской. К Колиному предложению стоит прислушаться.

— Проверь эту квартиру, посмотри хорошенько. Подойдет — соберемся там в следующий раз.

Коля кивает головой. Конечно, он проверит. Вася дает ему важное поручение, и он это понимает.

В лесу возле Дачного они пробираются в хорошо знакомую ложбинку, окруженную густыми кустами ольхи. День действительно погожий, но поздняя осень дает знать о себе. Листья на ольхе побурели, и ветер легко обрывает их. Пышные перья папоротника съежились и стали черными. Воздух холодный и сырой,— солнце уже не греет в эту пору. Девушки приходят с лукошками, на дне которых лежат сморщенные старые грибы или перекатывается крупная жесткая клюква. От таких грибов мало проку, да и от горстки клюквы тоже, но для конспирации может пригодиться.

Смешно подумать, они ведь, бывало, ворчали, что на партах в Ушаковской школе неудобно сидеть: парты детские, а они уже взрослый народ, но там все-таки сидишь, положив тетрадку и книгу, чернильница перед тобой, сколько хочешь макай перо. Тут они устраиваются на пеньках и скользкой, покрытой палым листом земле. И тетрадок у них с собой нет. Полагаться надо на память. А кружок серьезный. Они изучают политическую экономию.

— Сегодня, товарищи, мы должны разобраться в том, что такое стоимость, — говорит Вася.

Бо́льшую часть минувшей ночи он просидел над «Капиталом». Теперь надо растолковать прочитанное друзьям. Он достает книгу из-под пальто и начинает читать, снабжая своими пояснениями каждую фразу.

В лесу тихо, но кто знает, может быть, где-то совсем близко бродят шпики, высматривая подозрительные сборища. Надо быть начеку, и вместе с тем надо очень внимательно слушать, если хочешь усвоить то, что написано в книге.

— Значит, как вы понимаете потребительную стоимость?

Вася отрывает глаза от книги и смотрит на друзей. Никого из них не назовешь здоровяком. Худощавые, сутуловатые фигуры, бледные, усталые лица. Позади долгая неделя тяжелого труда, а сытно они никогда не ели. Теперь война, всё растет в цене, кроме их работы... До того ли им, чтобы изучать сложные научные труды? Фразы, прочитанные в книге, кажутся порой отвлеченными, их смысл нелегко укладывается в голове. Но всё это надо понять и осилить. Без этого не станет по-настоящему ясно, почему так тяжела их работа и скуден хлеб, почему идет война и зачем шпики бродят вокруг леса... А главное — что следует делать рабочему человеку.

В лесу звонок не звонит и никто не посматривает на часы. Часов, по правде сказать, у ребят нет — дóроги, не по карману. Да ребята и не спешат расходиться. Часто ли удается сойтись вместе и потолковать?

— А я, знаете, интересную книжку прочел на днях, — говорит Вася, окончив разбор темы о стоимости, — называется «Вера в бога». Поп ее написал, но честный поп. Бывают, оказывается, и такие. Понял он, что религия — чистый обман, что сказками о боженьке дурачат народ, и написал об этом. Конечно, расстрига этот не марксист, ему до марксизма, как до неба, но в книге много полезного.

Увлекшись, он подробно рассказывает о прочитанном.

— А верующих ведь хватает даже среди рабочих. Про своего отца хоть скажу — богомолец.

— Ну, пускай верят, если охота, — откликается кто-то из ребят.

— Как это «пускай»? Нашего брата рабочего дурачат, а мы «пускай»? Вы видели, чтобы богомольцы шли на баррикады, против царя и заводчиков поднимались? Им в голову вдолбили: несть власти, аще не от бога. Вот интересно, когда рабочий класс возьмет власть, что попы и ксендзы говорить станут? Гнет религии надо свергать так же, как гнет царя. Это, может быть, много времени потребует, но без этого мы наш новый мир не построим.

— Ну ладно, — миролюбиво говорит парень, — я ведь в церковь не хожу и попов слушать не собираюсь. Я это про темных людей говорю — пускай.

Но Вася вовсе не считает спор оконченным:

— Если хочешь знать, «пускай» — это вообще поганое слово. Люди ошибаются, поступают вопреки интересам рабочего класса, а мы — «пускай»? Значит, мы равнодушны к людям и к их будущему? Тогда какие же мы революционеры?

Он быстро вспыхивает, но и быстро отходит. Паренек ведь только недавно стал посещать их сходки, многого не понимает. Вася подсаживается к нему, кладет руку на плечо:

— Эх ты, товарищ «пускай»! Тебе это равнодушие выколачивать надо из головы, как пыль из матраса.

Он уже весело смеется, и парень смеется вместе с ним, довольно и немного смущенно.

* * *

Осень питерская плохо приспособлена для того, чтобы собираться в лесу или проводить долгие часы

на море. Она тянется и тянется — конца ей нет. По заливу ходит злая, резкая волна, ветер гонит набухшие водой облака, дожди сыплют почти беспрерывно — острые и такие косые, будто они вовсе не с неба. Кажется, ветер срывает гребни волн и несет брызги на Емельяновку, на заставу. Лишь изредка выдается ясный тихий день. Потом опять льет.

Наконец всё же наступает зима — капризная и ненастная. Трескучие морозы сменяются метелями, а то и дождями, и вдруг, чуть ли не под Новый год, вода в речке начинает угрожающе подниматься, ломая лед и грозя затопить всё вокруг.

Теперь за городом не скоро можно будет собираться. Теперь очень нужны подходящие квартиры, вроде той, которую разыскал Коля Андреев на Зайцевой. Чаще приходят ребята и в Емельяновку к Васе, сидят в сарайчике позади дома, где у Анисьи Захаровны курятник, а у Васи — библиотека. Дуют на пальцы...

Но «главная квартира» у них на Овсянниковской. Там снимают комнату Коля Андреев и Ваня Тютиков. Дом стоит наособицу, поодаль от других, за забором, — с улицы в окна не заглянешь, не подойдешь незаметно. Забор длинный, и в разных его углах устроены лазы — оторванные доски висят на одном гвозде, их легко отвести в сторону и поставить снова на место. Так гости и ходят, воротами пользуются редко, благо хозяин попался сговорчивый, не обращает на это внимания.

У Дмитрия Романова, правда, тоже удобная комната. Раньше он жил на Ушаковской, теперь переехал на Григоровскую. На квартирной плате не выгадал, ходить стало еще дальше, да и холоднее в этом доме, но товарищи комнату одобрили единодушно. Место глухое, подходить можно с разных сторон, да и легче

уйти незаметно. Однако для кружка, с которым занимался Вася, этой комнатой пользоваться было нельзя. Там собирались большевики завода, Нарвский районный комитет, туда приходили товарищи из ПК. Эту явку приходилось беречь. Идя на Григоровскую, Вася особенно тщательно смотрел, как бы не привести за собой кого-нибудь «на хвосте». Сделает не одну петлю, не раз ускорит шаг, а потом круто повернет обратно, чтобы проверить, кто сзади. Может, торопится за ним какой-нибудь подозрительный субъект? И только убедившись, что слежки нет, идет к дому дяди Мити.

Азы конспирации он начал усваивать еще мальчишкой. Теперь надо было постигать все тонкости этой науки: промахи могли слишком дорого обойтись. Он имел дело с подпольной типографией, через его руки шла нелегальная литература, он знакомился с искусством изготовления фальшивых документов, — многие товарищи скрывались от полиции, их надо было снабжать видами на жительство. А главное, ему поручили держать связь с партийными группами разных мастерских.

Уже в начале 1916 года на подпольном собрании нарвских большевиков был образован новый райком. Пришлось создавать его после очередного учиненного полицией разгрома. Выбрали исполнительную комиссию (теперь бы ее назвали бюро): Любовь Тарасову, Федора Лемешева, Миничева, двух Алексеевых — Ивана и Васю. Люба Тарасова стала представителем нарвских большевиков в Петроградском комитете, Миничеву поручили организовать подпольную типографию, Лемешеву — помогать товарищам, лишившимся работы, попавшим в тюрьмы и ссылки. Васе Алексееву поручили организацию партийных групп — так тогда назывались ячейки партии. Это была очень

важная работа, но все согласились: Вася как нельзя лучше подходит для нее. Ею он, в сущности, уже занимался. Он умел быстро знакомиться с людьми, легко с ними сходился. Хотя «умел», наверное, неточное слово. Правильнее говорить не об умении — о даре. Он просто не мог без людей, которые никогда не казались ему безликой толпой. Он любил их, таких разных и всегда интересных, поэтому и они его любили...

После районного собрания расходились поодиночке. В небольшой квартире на глухой заставской улице их собралось тогда немного, нарвских большевиков. Они всё время теряли товарищей, срок активной работы для каждого оказывался недолгим — месяцы, а то и недели. Потом аресты, ссылки, тюрьма. Царские власти хотели истребить большевистскую организацию во что бы то ни стало. Но организация жила, она возрождалась вновь и вновь после каждого разгрома, потому что была живой душой рабочего народа, потому что люди, составлявшие ее, знали, на что идут, и запугать их было невозможно.

Обо всем этом Вася думал, шагая по тихой и темной улице. Радостно и празднично было у него на душе. Ему вспомнилось другое подпольное собрание, на котором он впервые присутствовал как член партии вместе со своими старшими товарищами и учителями. Тоже немного было тогда народу, и никто не говорил торжественных речей, а у него всё время было чувство, что свершается нечто необыкновенное и большое, что изменит всю его жизнь. Теперь эта жизнь уже не принадлежит ему. Он сам, по доброй воле, по велению души, посвящает ее борьбе за великое дело.

Четыре года прошло с тех пор. Он не ученик уже, не начинающий, не младший в большевистской семье.

Вася Алексеев (стоит вторым слева) с молодыми рабочими Путиловского завода.

Он член исполнительной комиссии районного комитета. Нет, эта должность не принесет ему каких-то почестей и благ. Но доверие товарищей окрыляет душу. Сколько времени будет он делать работу, порученную ему сегодня? Этого никто не скажет заранее. Но пока он может, он будет делать ее со всей силой души и ума.

Наутро он так же, как вчера, идет на завод. Словно бы ничего и не изменилось. Но в голове его зреют новые замыслы, новые планы.

С этого дня он часто бывает на собраниях групп, кружков; и люди, впервые видящие его, с удивлением

замечают, что приход этого невысокого паренька как-то сразу меняет настроение товарищей. Словно что-то светлое и даже праздничное входит вместе с ним. Все начинают улыбаться: «Здравствуй, Вася!», «Глядите, Вася пришел!» И тянутся к нему. И он уже в центре беседы.

В пушечной мастерской открылся книжный киоск издательства «Благо». Вася стал пропадать там часами. Было трудно оторваться от полок с книгами, так много хотелось посмотреть, полистать, да и унести с собой. Он постоянно поддавался соблазну. Свободных денег не было, но книги продавались в кредит; достаточно было показать свой рабочий номер, продавец делал запись, и деньги вычитали из получки. Вот тогда у кассы Вася, случалось, обескураженно разводил руками:

— Ох, с чем же я к матери явлюсь?

А на следующий день снова шел в киоск и снова перебирал книги на полках, листал их и снова говорил продавцу Швецову:

— Запишите на меня.

Иногда он заводил со Швецовым спор, особенно когда замечал в киоске новую партию «пинкертонов»:

— Зачем вы торгуете такой дрянью, темните ребятам мозги?

Швецов что-то объяснял про коммерцию, намекал, что есть тут и тактические соображения. К распространению этой литературы полиция относится благосклонно. К киоску меньше придирок, а ведь получить разрешение на торговлю книгами в мастерских было нелегко.

Вася оставался непримиримым:

— Тактика тактикой, но у вас тут беспринципность. Книга должна поднимать людей, светить им,

а это... — И он раздраженно бросал на прилавок очередной выпуск Ната Пинкертона или Ника Картера.

Впрочем, со Швецовым можно было ладить. Тем, кого он хорошо знал, Швецов доставал и недозволенную литературу. В пакете с покупками Вася не раз уносил такие книжки.

И, как он ни любил книги, это было не единственной причиной, заставлявшей его так часто задерживаться около киоска. Пушечная мастерская была велика — больше пяти тысяч рабочих, всё время появлялись новые люди. Надо было приглядеться к ним, узнать поближе, а те, кто интересуется книгой, прежде всего привлекали внимание Васи.

Как-то, кажется еще осенью 1915 года, он встретил у киоска молодого, аккуратно одетого паренька, который спрашивал учебник по математике.

— Зачем тебе математика? — сразу поинтересовался Вася.

— Я в вечернем техническом училище занимаюсь, — сдержанно и немного сухо ответил паренек.

Вася на его сдержанность не обратил внимания. Вечернее техническое училище его заинтересовало, да и сам паренек.

— Как тебя зовут? Володя? А фамилия? Гилис? Так... Скажи-ка, много ли наших заводских ребят ходит на эти курсы? И какое настроение у них? Всё технику жуете или задумываетесь кое о чем другом?

Дело было уже после работы, они вместе пошли к проходной. Постепенно Вася расшевелил собеседника. Уж очень живо интересовался всем, очень непосредственно держался. Гилис рассказывал ему об училище, о ребятах. Потом стал сам задавать вопросы:

— Почему столько газет накупил? Зачем тебе?

— А ты думаешь, учиться можно только по учебнику математики? Наша наука должна быть пошире. Приходи ко мне домой в Емельяновку — дам почитать интересные книги.

Второй раз они повстречались на Ушаковской улице. Гилис шел, держа под мышкой коньки. Было это недалеко от дома путиловского кружка любителей спорта, и Вася с удивлением спросил:

— Ты никак к любителям собрался?

Володя кивнул головой.

— Да разве это для тебя место? Ты что, не знаешь, каков этот кружок? Их спорт — это же чисто буржуазная затея. Кто в кружке? Инженеры, мастера да их сынки, а вы сбоку припека.

— Почему, — сказал немного обиженно Гилис, — я могу ходить на каток, как и все, а меня это как раз интересует.

— Как все! — возмутился Вася. — Там хозяева, те, кто загребает деньги. Они действительные члены кружка, они всё и решают. А тебя разве примут? Ты пробовал подавать хоть не в действительные члены, а в сотрудники? Это же у них, так сказать, меньшие братья...

— Я подавал, — ответил Гилис. На этот раз голос его звучал уже не так твердо. — Пока не приняли, забаллотировали...

— И снова подашь — снова забаллотируют. Они нашего брата никогда за ровню не признают, а что пускают на каток и на танцульки — это же ловушка. От политической борьбы хотят отвлечь. Вот кадеты специально спортивное общество для рабочей молодежи устраивают, «Маяк» зовется. Так ты думаешь, они возлюбили нас? Окрутить, обдурить хотят. Мол, занимайся спортом и жми, трудись на батюшку-царя.

А про их барыши не спрашивай, про то, что хлеба тебе не хватает, — помалкивай, о забастовках и думать не смей, боже избавь. Спортсмены, мол, вне политики. А это политика и есть, самая настоящая и самая подлая буржуазная политика!

Что Гилиса и второй раз в кружок не примут, Вася предсказал точно. Через некоторое время Володя подал новое заявление, и его опять забаллотировали. Но рассказать об этом Васе ему не пришлось. Они встретились снова только в семнадцатом году, сразу после Февральской революции. В проходной конторе Путиловского завода сходились на свое первое легальное собрание нарвские большевики. Были приглашены и сочувствующие рабочие. Гилис пришел в проходную и увидел там Васю. Только тут, на собрании, он узнал, что его знакомый — активный большевик, член районного комитета.

Вася подошел к Гилису, крепко пожал ему руку:

— Значит, ты с нами, Володя? Вот это хорошо! Давно я тебя не видел и, признаться, тревожился, что задурили тебе голову «любители спорта». У них хитрая игра... Ну да теперь времена другие, теперь им нашего брата уже не провести.

Он сразу заговорил об агитации среди рабочей молодежи, дал поручение, и Гилис с той поры стал его надежным помощником, а вскоре был принят и в партию большевиков...

НЕДОВОЛЬСТВО РАСТЕТ

Станки голубевской бригады, когда Вася начал в ней работать, стояли в центре пушечной мастерской. Все проходят мимо, можно каждого повидать. Но в пушечной становилось тесно, вокруг появились пристройки. В одной из них и разместили мелкие токарные станки. Теперь токари оказались совсем на отшибе. От основной мастерской их отделяли слесарно-сборочное и лафетное отделения, но там работали преимущественно в одну смену. По вечерам и ночью токари были изолированы от всех.

Новое отделение пушечники прозвали Сахалином. Токарный участок именовали «чертовым уголком». Работала там большей частью молодежь: Ваня Тютиков, Коля Андреев и другие Васины дружки. Сперва они приуныли: «Скука смертная в этом ,,чертовом уголке", свежего человека не увидишь...» Потом оценили местопо-

ложение участка: от начальства подальше, значит, можно свободнее жить.

И правда, «чертов уголок» становился по вечерам своего рода молодежным клубом. Живо и горячо обсуждали события, говорили о заработках, которых не хватало даже на полуголодную жизнь, — дороговизна, порожденная войной, быстро росла, продукты исчезали из лавок. Говорили о проклятой войне, о бездарности царских генералов, о Распутине и о заводских начальниках, совсем распоясавшихся в последнее время:

— Хотят спустить три шкуры и со взрослых рабочих, и с подростков. Ребят теперь в мастерских много, а ведь заставляют их тоже работать по двенадцать — четырнадцать часов.

Заглядывали в «чертов уголок» партийцы из других отделений и мастерских, назначали тут встречи, когда надо было срочно обсудить неотложные дела. Мест, удобных для таких встреч, на заводе было немного. Бывало, собирались и в ямах, под фундаментами станков в строящейся новопрокатной мастерской, но часто пользоваться каким-нибудь одним местом было нельзя.

Старшой Голубев был настроен оборончески, разговоров, которые вела молодежь, не одобрял. Но работал он обычно в день, после пяти часов ребята чувствовали себя свободно.

Опасен был новый инженер Орлов, появившийся в мастерской во время войны. Про него говорили, что он один из держателей путиловских акций и потому старается выжать из рабочих побольше. Во всяком случае, Орлов непрестанно придирался к рабочим, сыпал штрафами направо и налево. Он повадился ходить в «чертов уголок» по ночам, старался попасть туда незаметно, прислушивался к разговорам, а если

замечал, что рабочие собрались вместе, что-то обсуждают или просто пьют кипяток, подымал крик, штрафовал на самую большую сумму, какая только была возможна. И еще грозил выгнать с завода, отправить на фронт.

— Жить не дает, проклятый, — говорили токари.

— Надо его отвадить отсюда, — заметил Вася.

— Как его отвадишь, если он такой настырный?

— Подумать, так способ найдется...

И действительно, они нашли способ. Токарек Ромка забрался ночью на стропила крыши. Ему подали туда ведро со смазочным маслом... Сидеть под крышей неудобно, а Орлов в ту ночь, как назло, долго не показывался. Появился он уже под утро, тихо подошел к участку... Но сверху его всё равно было видно. Едва он оказался под балкой, как ведро перевернулось и липкая струя масла хлестнула Орлова по фуражке, залила тужурку и щегольские наглаженные брюки.

Скандал вышел крупный. Ромку хотели выгнать с завода, — он был подростком, отдать в солдаты его не могли. Но рабочие дружно заступились за парнишку. Да и Орлов, ослепленный маслом, не очень ясно разглядел его. Все говорили, что Ромка не виноват, кто поднял ведро под крышу — один бог знает. Запахло забастовкой, и администрация пошла на попятный. А Орлов усвоил урок: перестал шпионить за токарями, во всяком случае явно.

* * *

Для заводской администрации первые месяцы войны были медовыми. Служащие главной конторы, акционеры и заправилы общества Путиловских заводов важно ходили по мастерским, в которые еще недавно

предпочитали без особой надобности не заглядывать,— очень уж было там неспокойно. Война придала им смелости, уверенности в себе. Их настроение так поднялось, что даже молодые токари из пушечной чувствовали это, как ни далеки они были от начальства.

— У господ-то из конторы такой вид, — говорили ребята, — точно каждый день именины справляют.

— Очень просто, — откликался Вася. — Для других — война, а для них — праздник. На фронте дела, конечно, плохи, корпус Самсонова разбили в пух, зато армии требуется еще больше пушек и шрапнели! Заказов невпроворот, барыши растут как на дрожжах. А на нашего брата, они считают, теперь надели крепкую узду. Законы военного времени! Только радуются они напрасно.

В самом деле, после медовых месяцев начала войны для заправил завода наступили трудные времена. Опять начались забастовки и разгорались, как пламя в летнем лесу. Искр, чтобы вызвать пожар, было много. Инженер ударил разметчика Харитонова по лицу— вся пушечная встала. Молодежь первая бросила станки и снимала с работы тех, кто еще не решался бастовать.

Вася яростно спорил с меньшевиком Петровым:

— Это ваши выдумки, что в войну нельзя бастовать. Рабочий класс никогда не откажется от борьбы. Сколько бы вы ему ни мешали. Уж лучше не путайтесь под ногами.

За первой забастовкой последовали другие — еще более массовые. В мастерских возникали митинги — против войны! Вася Алексеев уже не раз выступал перед сотнями людей. Созвать митинг надо было внезапно, так, чтобы администрация не узнала заранее —

полицию вызвать недолго. Людей собирали, подав аварийный гудок или остановив рабочих, выходящих из мастерской после смены. Длился такой митинг всего несколько минут, но, чтобы заронить искру, много времени не надо.

Через год после начала войны заводские начальники уже не выглядели именинниками. С заказами и прибылями всё было как нельзя лучше, но рули ходили ходуном в руках «капитанов промышленности», того и гляди, управление будет потеряно совсем.

И, лишившись уверенности, «капитаны» бросались из крайности в крайность. Сегодня — слащавые речи, завтра — жестокие расправы. Еще весной 1915 года на завод приезжал сам царь. Всё было расписано заранее, как в театре. Но действующие лица подвели. Вместо пышного умилительного представления, которое должно было показать всей России единение самодержца с рабочим людом, получился крупный конфуз.

Рабочие встретили Николая Второго враждебно. Он шел по спешно вычищенным к его приезду проходам, сопровождаемый огромной свитой. Черносотенцы и переодетые городовые, наводнившие завод, кричали «ура». А рабочие смотрели на самодержца всея Руси с насмешливым любопытством:

— До чего плюгавый! Швейцар у директорского подъезда и тот солиднее во сто раз...

С галерки механической мастерской кто-то крикнул:

— Долой самодержавие!

На электростанции говорили, что хорошо бы угостить монарха ломиком или лопатой. Один раз ему пробили голову за границей, теперь пускай попробует от своих подданных...

Царя поспешили увезти с завода, скомкав программу «торжества».

Прошел еще год, и власти разом сдали в армию, отправили на фронт две тысячи молодых путиловских рабочих. Уж не надеялись на умилительное «единение» и елейные речи.

Правительство изъяло завод на время войны у его владельцев и передало в руки генералов, но и тем было уже не под силу совладать с растущим недовольством рабочих.

Это недовольство, зревшее всюду, будоражило и молодежь.

— Руки чешутся, — говорили ребята, — пора переходить от разговоров к делу.

В мастерских создавались новые большевистские группы. Васе надо было всюду побывать, ближе познакомиться с людьми. В кружке башенной мастерской ребята подобрались живые, энергичные. Только зелены были еще совсем.

Как-то Вася пришел на их собрание. Это было в начале 1916 года. На темной улице деревни Волынкиной, возле ворот дома, в окне которого чуть светил огонек, стояли двое пареньков.

— Здесь продают пиленые дрова? — произнес Вася условленную фразу.

— А сколько купишь?

— Три сажени и еще половину.

— Здесь, Вася, — сказал уже совсем другим голосом один из пареньков. — Собрались. Тебе будут знаешь как рады!

Он повел Васю в дом. В тесной комнате вокруг стола сидело человек восемь или десять. Лица их были разгорячены, должно быть, ребята о чем-то спорили, но стук в дверь оборвал разговор. Секунду все

Иван Скоринко.

настороженно вглядывались в вошедших, потом разом бросились к дверям.

— Вот здóрово, — радостно заговорил живой и бойкий Ваня Скоринко, — это просто замечательно, что ты к нам пришел, Вася! У нас дело какое есть, если б ты только знал!

Вася широко улыбнулся ребятам, снял кепку и подошел к столу, расстегивая на ходу свое неизменное черное пальтишко на «рыбьем меху». Ребята всегда видели его таким — в синей вельветовой кепке, на которой рубчики совсем вытерлись, в стареньком пальто, — Вася звал его трехсезонным, потому что служило оно ему весной, осенью и зимой. В сильные морозы он только поднимал воротник. Под пальто был серый штопаный свитер. Брюки обтрепаны, и ботинки просят каши... По правде говоря, у него больше и не было ничего.

— Так что же у вас за дело? — спросил он, пожимая руки, тянувшиеся со всех сторон. — Рассказывайте, ребятки...

Они переглядывались, ожидая, кто первый начнет.

— Вот, понимаешь, — сказал Ваня Скоринко, — мы тут сидим, спорим о всяких делах, ну о том, что надо делать нам, молодым, в нынешнее время. Всем уже

поперек горла встала проклятая война, злоба на царя такая, что просто душит. Ведь правда?

— Правда, конечно. Но какой ты делаешь из этого вывод?

— А вывод такой, что хватит нам ждать. Действовать хотим!

Скоринко еще раз взглянул на товарищей и выпалил разом:

— Бить городовых надо, — городовых, околоточных, приставов! Это они охраняют царский строй. Перебьем их и до царя доберемся. Свернем ему шею. Тогда всё, наша власть!

Вася посмотрел на Скоринко, на взволнованных ребят и сдержал улыбку. Они всерьез думали, что открыли чудодейственное средство.

— И много вы надеетесь перебить городовых разом? Пять? Десять? А царь будет сидеть и ждать, пока вы возьметесь за остальных? Убьешь ты, Ваня, городового, и тебя за это повесят. Так на так... Но я считаю, очень это было бы со стороны рабочего класса не по-хозяйски — менять такого хорошего, боевого парня на царскую собаку. Нет, ты можешь принести во много раз больше пользы. Конечно, когда будешь не один, когда за тобой пойдут сотни молодых рабочих.

— Ну, всё-таки убить городового — это уже не разговор, а дело.

— Были и до вас люди, считавшие, что можно свалить царя подобными делами. Ничего у них не вышло. Вы слыхали такие слова — индивидуальный террор? Ленин называет его революционным авантюризмом. Почему? Давайте разберемся вместе...

Они долго сидели в тот вечер за столом. Вот уж не думал Вася, идя сюда, что ему придется делать

доклад о народниках и эсерах, о героях и толпе, о том, кто творит историю — избранные личности или народ.

— Да вы не падайте духом, — сказал он, заметив разочарование на лицах ребят. — Я понимаю, вы хотите, чтобы революция произошла скорее, вы рветесь в бой. Правильно! Хорошо, что вы чувствуете в себе большую силу, а дело по силам для вас найдется. Куда большее дело, чем ухлопать фараона...

Примерно через неделю кружок молодых башенщиков собрался снова — теперь уже в другом конце заставы, у Красного кабачка. Но разговор, который они вели, был продолжением того, что начался в деревне Волынкиной.

Вася говорил ребятам о том, что должна делать революционная молодежь, как надо бороться против войны, рассказал о социалистических союзах молодежи, существовавших на западе, о вожде немецкой рабочей молодежи Карле Либкнехте.

— Вот бы и нам организовать союз молодых рабочих, — горячо сказал Ваня Скоринко. Все разом поддержали его.

— Я к тому и веду разговор, — ответил Вася. — Будет у нас такой союз, обязательно будет. Сегодня его создавать еще нельзя. Я со старшими товарищами советовался... В Европе союзы возникли, когда там была хоть какая-то свобода: можно было собираться, открыто высказывать свои мысли. У нас никаких свобод нет. Всё надо делать в глубоком подполье. В таких условиях союз был бы неизбежно небольшим и тесным. И принимать туда мы смогли бы только проверенных, подготовленных людей. Но их место уже в партии. Выходит, мы дробили бы силы...

— Значит, и это не получится, — протянул Скоринко.

На лице его было написано разочарование.

— Обязательно получится, — горячо возразил Вася. — Но мы должны сперва завоевать такую возможность. Революция откроет нам ее. Надо прояснять сознание молодежи, помогать партии. Вам кажется, охранять ораторов на митинге, быть заводилами на забастовках, нести знамя на демонстрации — это мало? Сегодня — забастовка и демонстрация, завтра — восстание. Победим, и будет у нас свой союз молодых рабочих-социалистов...

* * *

— Ты чем занят сегодня?

— Да ничем особенно... А что, какое-нибудь дело есть?

Ваня Тютиков заинтересованно взглянул на друга. Они шли по темному заводскому двору. Человеческий поток медленно, устало катился к проходным воротам, и люди, которых они обгоняли в мутной предутренней мгле, казались расплывающимися тенями. Слитный гул цехов поглощал шаги и голоса, да рабочие почти и не разговаривали. Ночная смена вымотала всех.

— Поедем в город. Я за тобой зайду часа в два, — сказал Вася Алексеев.

— Поедем, — охотно откликнулся Тютиков. Он любил сопровождать Васю в его хождениях и поездках по городу, часто продолжавшихся много часов. Шагая по улицам, они разговаривали, обсуждали мировые события, новости заставы, говорили о сердечных делах. Разговаривать с Васей Тютикову было всегда интересно.

— Поедем, — повторил он. — А куда?

Иван Тютиков.

— В одно место. Литературу мне новую обещали. На Суворовском...

Поездка была как многие другие. Вася рассказывал о книгах, прочитанных за последнее время. От Нарвской заставы до Суворовского путь был долгий.

На Суворовском вошли в большой, богатый дом.

— Ты не к буржую какому меня ведешь? — полюбопытствовал Тютиков.

— Нет, — сказал Вася. — Это не буржуй. Так, интеллигент, сочувствующий революции.

Фамилии он не назвал.

Хозяин принял их в кабинете, обставленном дорогой кожаной мебелью.

— А, молодой большевик! — приветствовал он Васю. — Рад вас видеть, хоть вы и спорите со мной каждый раз. Присаживайтесь.

Они сели, и вскоре Вася действительно заспорил с хозяином. Тот доказывал, что война заставляет рабочий класс всех стран отложить решение коренных вопросов общественной жизни. Вася считал, что война, напротив, приближает революцию.

Хозяин дома был человеком образованным, следил за иностранной печатью. И хотя собеседники явно расходились во взглядах, Вася сумел узнать у него немало интересного.

— Учтите, что группы, выступающие против войны, в европейских странах численно невелики, — говорил хозяин дома. — В Швейцарии не то вышел, не то начинает выходить новый журнал на немецком языке. Издатели называют его пропагандистским органом союза социалистических организаций молодежи. Они поднимают голос против войны, но, я думаю, это просто молодая горячность. Разве они в состоянии перекрыть гул и грохот войны?

Важно уже одно то, что они смело поднимают голос, очень важно. А рабочая молодежь их услышит, она этого голоса ждет. И что международный союз социалистических организаций молодежи живет и действует, — это очень хорошая весть. Значит, все оппортунисты и шовинисты не смогли сбить их с толку, даже размахивая министерскими портфелями.

Вася собрался уходить. Под мышкой у него была стопка книг.

— Заходите поспорить, — сказал на прощание хозяин.

— Поспорим! — откликнулся Вася. — Будет случай.

— Из этого большевика не сделаешь, — заметил Ваня Тютиков, когда они вышли на лестницу.

— Трудно, — согласился Вася. — Но хоть и думает он не по-нашему, а кое в чем помогает. И знает много. То, что он рассказывал про журнал, про Интернационал молодежи, это и впрямь важная новость.

Они быстро пошли по улице. Тютиков несколько раз заговаривал с Васей, но тот отвечал односложно. Лицо его стало настороженным.

— Слушай, — тихо сказал он вдруг, — или мы привели кого-то на хвосте или за этим домом была слежка, но только за нами увязался шпик. Видишь человека на той стороне?

— Ты думаешь, он...

— Надо проверить... Идем тихонько к остановке. Садиться будем, когда трамвай тронется.

Они так и сделали, вскочили в трамвай на ходу. Человек, шедший по другой стороне улицы, оказался рядом и успел вскочить в прицепной вагон.

— Понятно?

Теперь и Тютиков видел, что за ними следят.

В общем, это походило на игру. Через несколько остановок они сошли с трамвая. Человек, следовавший за ними, тоже сошел. Он был в пальто какого-то неопределенного серого цвета и в черном котелке. Лицо у него было серое и неопределенное, как пальто.

— Пройдем остановку и сядем в другой трамвай, — предложил Вася.

Человек в котелке следовал за ними. Он шел по тротуару, отстав шагов на десять, и словно бы совсем не интересовался ими, но стоило друзьям прибавить шаг, как и он прибавлял, стоило задержаться на месте, как задерживался и он. И в трамвай он сел опять после них.

У Сенной площади они соскочили, не доезжая остановки. Человек в котелке высунулся с площадки заднего вагона и приготовился прыгать.

— Отрежет ему ноги, придется царю-батюшке пенсию платить, — проговорил Тютиков, озорно поглядывая на преследователя.

Тому ноги не отрезало, видно, привык прыгать, но, когда друзья вскочили в другой трамвай, шпик не последовал за ними.

— Неужто отстал? — тихо спросил Тютиков.

Вася только показал глазами на человека, вскакивавшего в трамвай вслед за ними. Шпик в котелке передал их другому. Тот держал себя нахально — всё время, пока ехали к Нарвским воротам, стоял у них за спиной и пробовал завести разговор.

У Нарвских ворот и этот преследователь отстал. Его сменил уже третий.

— Хлопот с нами полиции.

Вася кивнул на нового шпика:

— Ну, этому придется походить пешочком.

Они дошли до завода, свернули в Шелков переулок. Шпик шел следом или, когда они вдруг останавливались, обгонял их и задерживался впереди.

— Пойдем полем, — решил Вася. — Выберемся к Красненькому кладбищу. Там есть кто-нибудь из ребят. Если не отстанет, попросим, чтобы ему прописали ижицу. Нам в драку сейчас ввязываться нельзя.

Впереди было кочкастое болото, поросшее мелким кустарником. Между кочек стояла вода.

— Снимай сапоги, — сказал Вася, — пойдем босиком. Чай, наши места, чего стесняться.

Они разулись, засучили брюки и побрели по бурым кочкам. Вода леденила ноги, каждый шаг был мучением.

— Иди, топай, — сказал Ваня Тютиков, поглядывая в сторону шпика. — Простуда тебе обеспечена, может, бог пошлет и воспаление легких.

Шпик не слышал его, но что̀ тут можно получить, он, видимо, и сам понимал. Он топтался на краю болота, лицо его, насколько можно было разобрать, стало растерянным. Час стоял поздний, на болоте темнело. Друзья прошли еще десятка два шагов и обернулись. Шпик всё смотрел им вслед. Вася вытащил из кармана карандаш и, зажав его в руке, направил в сторону преследователя:

— Сейчас пристрелю как собаку!

Угроза была произнесена тихо, но шпик словно бы услышал. То ли он принял в сумерках карандаш за револьвер, то ли решил, что дальнейшее преследование всё равно бесполезно, только его вдруг как ветром сдуло.

— Сдрейфил, — облегченно проговорил Тютиков, — а ведь простуда-то и к нам вполне может пристать. Или еще какая-нибудь дрянь.

— Мы здешние, к нам не пристанет, — откликнулся Вася. — Ну, давай выбираться на сухие места.

АРЕСТ

В дверь постучали под утро. Анисья Захаровна вскочила и заметалась по кухне. Она искала спички, торопясь зажечь лампу. Руки дрожали.

— Господи, господи, да что же это такое? — твердила она, уже понимая, что означает стук, всё более властный и нетерпеливый.

На пороге комнаты стоял Вася:

— За мной, должно быть, маманя.

Он быстро оглядел кухню. В углу на табуретке лежала стопка книг, которые он читал ночью, и сверток свежих листовок. Лег он совсем недавно и, кажется, только-только успел уснуть. Нелегальная литература... Он быстро сунул стопку под табурет и пожал плечами. Больше уже ничего нельзя было сделать.

— Алексеев Василий Петрович проживает здесь? — спросил пристав еще в сенях и, оттеснив Анисью Захаровну, шагнул в кухню.

— Ты будешь?

Он посмотрел на Васю в упор:

— Ордер на обыск и арест.

За спиной пристава стояли городовые.

Вася снова пожал плечами.

Мысль о предстоящем аресте не пугала, он давно к ней привык. Кто из его друзей-партийцев не побывал в тюрьме и ссылке? Но очень это было не ко времени сейчас. Столько дела... Он усмехнулся. Как будто арест бывает для кого-нибудь вовремя. Но вот листовки! Так обидно, что они попадут в руки полиции. Сегодня утром он должен был их распространить на заводе.

Между тем полиция уже хозяйничала в доме. За столом, широко расставив локти, сидел квадратный пристав в толстой серой шинели и что-то писал, должно быть протокол. Городовые, топая ногами, возились в комнате. Полуодетые дети испуганно жались к отцу. Он стоял, хмуро поглядывая на непрошеных гостей. Васе казалось, что сивые его усы вздрагивают.

А мама не шла к детям. Она сидела на кухне, бледная, с заплаканными глазами, и словно уже не было у нее сил, чтобы встать. Она только привалилась к стене, и полы широкого бумазейного капота, каждый цветок на котором Вася помнил с детства, расходились на ее ногах. «Плохо ей, — испуганно подумал Вася, — потому и сидит так». И вдруг понял, что сидит она на той табуретке, под которую он сунул нелегальную литературу. Полы капота совсем закрыли стопку.

Полицейские ворошили вещи — прощупывали сенники, перетряхивали белье в комоде. Они стучали по стене, пробовали, не поднимаются ли половицы, — искали тайники. Они таскали Васины книги — из-под его кровати, из сеней, потом из сарайчика. Пристав просматривал книги и раздраженно кидал на пол:

— На Путиловском работаешь? Зачем книг столько развел?

— Интересуюсь. Разве нельзя?

— Вот и довел тебя интерес!

Он взял в руки Евангелие и вдруг заметил, что туда вложена брошюра «О вере в бога». Это была та самая брошюра, о которой Вася рассказывал как-то ребятам в кружке.

— Негодяй, — заорал пристав, — священное писание поганишь!

— Еще неизвестно, кто негодяй... — сказал Вася сквозь зубы.

Пристав вскинул голову, лицо его побагровело, но глаза встретили твердый Васин взгляд, и он промолчал. Из книг он отложил в сторону «Капитал», видимо, собираясь забрать с собой. «Жалко «Капитал», — подумал Вася, — пропадет в полиции. А издание легальное. Ничего они не могут мне за это пришить».

Обыск всё длился, городовым стало жарко. Двигать комоды и кровати, копаться в чужих вещах — это тоже работа нелегкая. Они сбросили шинели.

Вася взглянул на Анисью Захаровну. Она всё сидела на табуретке, привалившись к стене. Лицо ее припухло от слез, а добрые карие глаза не отрываясь смотрели на сына. И, встретившись с матерью глазами, Вася вдруг понял, что, как ни велик ее испуг, она хочет поддержать, подбодрить его. «Крепись, сынок, — говорили ее глаза, — раз уж так всё вышло, — крепись».

И Вася подумал об этой немолодой, уставшей женщине, самой ему дорогой и близкой на свете, так, точно сейчас только по-настоящему узнал ее. Она не ходила на собрания, на которых он бывал, не читала

книг, над которыми он просиживал ночи, — она и не умела читать. И всё-таки простым своим сердцем она понимала, за что он борется, и помогала ему. Случалось, убегая на работу, он оставлял ей сверток и говорил тихонько: «Спрячьте, маманя. Петя Кирюшкин придет, ему отдадите». И он знал: она спрячет, отдаст кому надо. Она постоянно тревожилась за него, но никогда не пробовала помешать его опасной работе. Только просила: «Ты осторожнее, сынок». Недавно она сказала: «Спрашивают о тебе у людей, Васенька, видно, намозолил ты приставу глаза. К соседям заходили какие-то намедни, про тебя разговор был». И больше ничего...

Но как у нее сейчас хватило догадливости сесть на эту табуретку, закрыть злополучную стопку книг? Он ведь ей ничего не сказал. «Настоящий конспиратор, только бы городовые не заставили ее встать», — подумал Вася.

Он чувствовал, что ему нужно очень многое ей сказать, давно нужно. Сказать о том, что она значит для него, сказать, что он всё видит, сказать, как он ее любит, наконец. Но раньше он не догадывался это сделать, а сейчас было нельзя. И он только улыбнулся Анисье Захаровне — нежно и благодарно.

Когда обыск окончился — на дворе уже занимался поздний февральский рассвет, — пристав сказал Анисье Захаровне:

— Собери ему что-нибудь с собой. Мы ведь его возьмем.

Вася быстро шагнул к матери:

— Не собирайте, я взял кое-что, а больше ничего не надо.

Он поцеловал ее в щеку, обнял и придержал за плечи.

Анисья Захаровна встала с табуретки, когда Васю уже увели и последний городовой вышел за дверь. Ноги плохо слушались ее, — отекли или просто ослабели от страха. Она вышла, пошатываясь, на крылечко и тревожно поглядела на улицу. Широкие спины полицейских покачивались на ходу и заслоняли небольшую худощавую фигуру сына. «Пальтишко надел ли Васенька», — подумала она и, ухватившись за столбик, заплакала горько и беззвучно.

Вася был далеко. Он не видел этих слез.

* * *

В ту ночь, на 8 февраля 1916 года, арестовали не одного Васю. Полиция хватала путиловских большевиков. Завод бастовал уже несколько дней. Началось с того, что электрики потребовали прибавки, — их завалили работой, а платили очень мало. В прибавке администрация отказала, электрикам пригрозили, что поставят на их место солдат. На следующий день на заводском дворе собрались тысячи рабочих из разных мастерских. Они не только требовали прибавки. Резолюция митинга призывала к свержению самодержавия, к борьбе за восьмичасовой рабочий день и конфискацию помещичьих земель.

Военные власти ответили тем, что закрыли завод. Всем военнообязанным было приказано явиться на призывные пункты. Полиция тем временем арестовывала рабочих вожаков.

В Шелковом переулке городовые втолкнули Васю в извозчичьи санки. Один из городовых—здоровенный усач — сел рядом и застегнул синюю суконную полость. Она должна была согревать ноги им обоим — Васе и городовому.

— Не спится вам, — сказал Вася, — наверно, всю ночь по домам ходили.

Ему хотелось узнать, много ли было арестов, кого взяли еще. Но городовой смотрел в спину извозчика, покачивавшуюся перед ним, и не поддавался.

— Как вы есть арестованный, вам разговаривать не положено, — отрезал он.

Он стал говорить «вы» только теперь, как будто арест сделал Васю более значительной и важной личностью в его глазах.

Так они и ехали молча. Лошадь небыстро бежала по Петергофскому шоссе, по Нарвскому проспекту, потом по Садовой улице мимо Покровской церкви. Извозчик не погонял ее. Он знал, что от полиции чаевых не будет. Вася смотрел на заснеженные улицы, на людей, которые шли по тротуарам, подняв воротники пальто. День был холодный, ветреный, как обычно в феврале, люди торопились.

Извозчик остановился у Спасской части. На желтой приземистой каланче поблескивала медью каска пожарного. Возле подъезда, приосанившись, стоял городовой. Другой извозчик отъезжал от части, видно, только что доставили еще кого-то.

— Вылезайте, — сказал усач, — прибыли.

Когда Васю втолкнули в камеру, там было тесно от множества людей. Арестованные обернулись на стук засовов, и чей-то знакомый голос сразу окликнул его:

— Вася, сынок, и ты тут!

Дмитрий Романов — большой, худой и встрепанный — подошел к нему:

— Устраивайся с нами, знакомых тут много, — и уже шепотом добавил: — Почти весь райком взяли, да еще сколько народу! У тебя нашли что-нибудь?

Вася отрицательно мотнул головой:

— Только «Капитал» указали в протоколе.

— Ну и держись так: не знаю, мол, и не ведаю ничего.

В камере было душно, арестованных набралось раза в два больше нормы, на нарах не хватало места.

Постепенно Вася привыкал к тюремному быту. Трижды в день приносили баланду или кипяток. Кого-то водили на допросы, кого-то вызывали «с вещами», и это значило, что в камеру он больше не вернется. Куда только попадет?

В тюрьму всё доставляли арестантов. От них товарищи узнавали о новостях. Аресты не испугали путиловцев и грозный приказ военных властей тоже. Едва пустили завод, как он снова забастовал. Одним из требований было освободить арестованных. Пришедшие с воли в конце февраля рассказывали, что настроение рабочих боевое. На Путиловском не прекращаются забастовки и волнения, из цехов вывозят на тачках ненавистных мастеров. Как в пятом году!

Васю на допросы водили редко — серьезных материалов против него полиции не удалось раздобыть, — но и не отпускали. А неизвестность томила — тем сильнее, чем более бурными становились события на воле.

Как-то утром в камеру явился надзиратель в сопровождении нескольких городовых и стал читать список арестованных, которым надлежало собираться «с вещами». Вася, услышав свою фамилию, вздохнул с облегчением. Куда собираться, он не знал, но всё равно — предстояла перемена.

Вызванных оказалась изрядная группа, и в ней — многие путиловские большевики. Дмитрия Романова в их числе не было. Вася с грустью простился со своим наставником и другом. Когда они увидятся вновь?

Может быть, скоро встретятся где-нибудь в далеком таежном селе два поселенца, а может быть, недобрая судьба в лице жандармского начальства разлучит их на долгие годы, если не навсегда...

Городовые вывели арестованных во двор и передали военному конвою.

— Становись! — раздалась команда. — На первый-второй рассчитайсь!

— Не иначе, в солдаты нас сдают, — тихонько сказал Васе сосед.

— Похоже...

— Отставить разговоры! — взревел унтер-офицер. — Смирна-а!

Уже на улице путиловцы узнали от конвойных, что ведут их в проходные казармы.

Казарма, куда их пригнали, могла вместить несчетное множество солдат, но помещение, отведенное вновь прибывшим, было изолированное — длинное и полутемное, заставленное двухэтажными дощатыми нарами, на которых сидели и лежали люди в штатской одежде. Окна выходили во двор и были забраны толстыми железными решетками.

Приход новой партии вызвал в казарме оживление:

— Ого, нашего полку прибыло!

— Гляди-ка, знакомые всё лица!

В самом деле, проходные казармы оказались местом неожиданных встреч. Здесь были путиловцы и рабочие других заводов, поддержавших путиловскую стачку. Они встретили прибывших, как старых друзей. Да многие и были друзьями на самом деле. Вася с радостью бросился навстречу Павлу Шубину.

— Вот и свиделись, браток, — сказал тот, обнимая его. — Никак не могут жандармы нас с тобой разлучить.

Они ведь знали друг друга уже не первый год — по заводу и по большевистскому подполью. Шубин был одним из тех, кто ввел туда Васю.

— Куда пойдем отсюда?

— Похоже, не миновать нам села Медведь, — сказал Павел. — Там, знаешь, дисциплинарный батальон. Решили разделаться с нами без суда.

Мрачная слава села Медведь шла по России уже второе столетие — с аракчеевских времен.

— И что же, ты намерен туда идти? — спросил Вася.

— Я царю-батюшке не слуга.

— Ну и я тоже.

Оба улыбнулись, они хорошо понимали друг друга.

Население казармы всё пополнялось, во всяком случае той ее части, где на окнах были решетки. С очередной партией из Выборгской полицейской части прибыл Петя Александров, с которым Вася сдружился еще во Втором нарвском обществе «Образование» и в Ушаковской вечерней школе. Александрова арестовали в первый день путиловской стачки. Появился Иван Егоров, выступавший на заводском митинге с требованием поддержать забастовавших электриков. Его взяли одновременно с Васей Алексеевым и Дмитрием Романовым.

— Тут, пожалуй, можно устроить районное собрание большевиков, — невесело пошутил он, оглядевшись. — Кворум будет.

Иван Егоров был одним из руководителей нарвской партийной организации.

— Кажется, и городское можно, — ответил Вася. — Вон сколько наших. Из всех районов есть.

Дни в казарме мало отличались от тех, что они провели в тюрьме. Только народу больше и свободнее

можно обсуждать интересующие всех дела. Литературу получить не удавалось, но были тут товарищи, знавшие последние ленинские работы, дошедшие до России, — о войне, крахе Второго Интернационала, нелегальной деятельности в военных условиях. Их слушали с жадным вниманием.

И за решеткой эти люди не теряли времени даром. Так уж повелось: тюрьма всегда становилась для большевиков своего рода университетом.

Был в казарме и другой «университет», устроенный не большевиками, а воинским начальством. Каждый день к арестованным приходил унтер, старый служака, известный умением «выбивать дурь из солдат». Должно быть, это умение избавило его от посылки на фронт. Унтер втолковывал арестованным «словесность». За многие годы службы он выучил ее наизусть и отчеканил бы, разбуди его посреди ночи, что̀ есть часовой и что́ есть знамя, за сколько шагов надо отдавать честь господину офицеру и перед кем надлежит становиться «во фрунт».

— Знамя есть священная хоругва, — хриплым голосом произносил он.

— Хоругва...

Вася в точности повторял интонацию унтера.

— Совсем как у Куприна. Читали «Поединок»?

Унтер глядел на него ненавидящими глазами:

— Грамотные больно, чисто скубенты. Из вас эту грамоту вытрясут в дисциплинарном-то батальоне. Забудешь, как читать!

В его «словесности» был раздел, который он тоже выучил назубок, — «что есть враг унутренний и враг унешний». Насчет «унешнего» это было ясно. Германец. А «унутренний»? На сей счет унтер тоже не имел сомнений. «Скубент», жид, забастовщик. Но тут заба-

стовщики сидели перед ним. Их было много, и объявить их в глаза внутренними врагами он не решился. Да и про «скубентов», про «пархатых» распространяться не стал. Подумал, должно быть, что не совладает с этим отпетым народом, собранным из тюрем. Еще выкинут такое коленце, что сам пострадаешь. Долго ли угодить на передовые?

— Русский солдат всегда готов послужить за православную веру и батюшку-царя, — втолковывал он. — Потому на нем божье благословение и начальство награждает за верную службу. Но кто забыл, что крещеный, да не желает положить свой живот за истинную веру, кто супротив царской власти идет, тот мучиться будет что на этом, что на том свете.

— Значит, мы вечные мученики,—как бы про себя проговорил Павел Шубин, толкнув Васю в бок. — Может, раскаяться, пока не поздно? Допустим, в жандармы пойти...

Кругом хмыкали, а унтер глядел на них, и красное его лицо дергалось от злобы. Еще скалятся... Их разве словами надо учить? Пересчитать бы зубы одному, другому. Тогда и до разума дошло бы...

Он начинал сбиваться, к вящему удовольствию слушателей. Этот «университет» был для них истинным развлечением.

В серьезные споры с унтером не вступали. Ни к чему. Зато всё менялось, когда в казарму приходила конвойная команда, чтобы забрать часть арестованных в село Медведь. Команда состояла из солдат — мобилизованных крестьян и рабочих. С ними было легко найти общий язык.

Унтер-офицеры, прибывшие с командой, обычно отправлялись в канцелярию получать документы, а оформление тянулось часами. Солдаты располагались

в казарме, их сразу окружали, и начинался долгий разговор. Тут Вася и его друзья давали себе волю.

Хотелось всё узнать об этих дядьках в кислых шинелях. Они глядели на арестованных хмуро, но без вражды. Что бы им ни внушали перед тем, как послать сюда, они не очень верили. Они сами ненавидели войну. И, подсев к такому дядьке, Вася завязывал беседу, которая скоро становилась общей:

— Откуда будешь, отец? Псковский или новгородский? А дома кто остался? Справляются там без тебя?

— Да где же справиться, когда одни бабы...

— До войны богато жил?

— Наше богачество известно — своего хлеба хорошо если хватит до великого поста.

— Видать, тебе никак без Дарданелл нельзя. Вот отвоюем их у турок — сразу богато жить начнешь.

— А что мне с этих Дарданеллов?

— Значит, нужны, если пошел голову за них класть.

— Нам сказано не слушать вас, как вы все тут смутьяны и бунтовщики. И чего тебе эти Дарданеллы дались?

— Не мне, папаша, они дались. Царь зарится на них. Только кровь нашу льет впустую. А забрал бы он Дарданеллы, так тебе, думаешь, хоть аршин земли прибавили бы? Ничего не получим, пока сами не возьмем. Мы, думаешь, почему бунтуем? Хотим, чтобы войне был конец, хотим, чтобы землю отдали крестьянам, а рабочие стали хозяевами заводов. Хотим, чтобы тот, кто работает, тот и ел вдосталь. Разве ты этого не хочешь?

Кто-нибудь приносил большой медный чайник. Солдаты усаживались среди рабочих на нарах, доста-

вали краюшку хлеба, по-мужицки завернутую в тряпицу. Сидели вместе, прихлебывали кипяток и разговаривали.

Партии арестованных отправлялись обычно вечером. Было тяжело прощаться с друзьями.

— В этот чертов Медведь не поеду, — твердо сказал в день отправки Павел Шубин, задержав Васину руку. — Сбегу по дороге. И тебе советую то же.

Вася посмотрел Шубину в глаза. Да, Павел сделает, как сказал. Он не бросает слов на ветер.

— Счастливо, Бог.

Вася назвал друга его партийной кличкой, крепко обнял и быстро отвернулся.

Конвой уводил товарищей. Унтера пересчитали людей перед отправкой и проверили фамилии по спискам. Солдаты стояли молча, лица у них были хмурые. Лишь некоторые украдкой поглядывали на рабочих, с которыми только что говорили о самом сокровенном. Но Вася был уверен — тот разговор не забудется. Семена должны прорасти, раз они упали на подходящую почву.

* * *

После отправки Шубина прошло уже немало дней. В запыленные окна казармы всё чаще светило весеннее солнце. На дворе солдаты в обмотках и мятых, торчащих коробом шинелях — должно быть, нестроевые, те, кого уже никак нельзя было послать на фронт, — скалывали остатки серого льда и свозили его в кучи, а по крупному булыжнику мостовой бежали, извиваясь, узенькие ручейки.

Путиловцев в казарме осталось совсем мало. Всеведущие писаря из канцелярии говорили, что последних отправят не сегодня-завтра.

— Сказано, чтобы к пасхе разделаться с вами.

Вася лежал на нарах и думал о побеге. Эти мысли в последнее время не оставляли его. Кто знает, на сколько времени их запрут в дисциплинарный батальон? Может быть, до конца войны, если не сживут раньше со света. В селе Медведь порядки каторжные. Будут там муштровать и мордовать без конца, а время наступает такое, что никак нельзя выходить из борьбы...

Шубин был, очевидно, прав: лучше всего бежать по дороге на какой-нибудь станции или выпрыгнуть из поезда на ходу. Но если Шубин осуществил свое намерение и бежал, то конвой теперь усилен и начальники начеку. Что ж, Вася не собирался уходить один, он уже не раз обсуждал свои планы с оставшимися в казарме друзьями, они с ним соглашались. Вместе можно было сделать многое. Не удастся бежать незаметно — придется напасть на охрану, овладеть оружием и уйти с боем.

Громкий голос дневального прервал его размышления:

— Алексеев Василий, на выход!

Вася вскочил с нар.

— Выдь на лестницу, пришли там к тебе.

В пролете лестницы, между каменных маршей, была видна маленькая фигурка женщины в толстом платке. Она стояла, прижимая к груди сверток, и с тревогой глядела вверх.

— Мать!

Он бросился по лестнице, перескакивая через ступеньки, даже окрик фельдфебеля, которого он чуть не сшиб по пути, пролетел мимо ушей.

— Васенька!

Анисья Захаровна припала к нему:

— Всё-таки свиделись, услышал меня бог.

Задыхаясь и перебивая себя, она стала торопливо рассказывать: вот решили с отцом собрать ему передачу, она пришла сюда, а часовой не принимает. «Не положено, — говорит, — да и не стану я для них стараться. Они же там оголтелые — только ругаются с нами». — «Так, может, это и не мой, — говорю. — Мой-то тихонький. Уж передай, — прошу его, — пожалей материнское сердце. Чай, у самого есть мать, знаешь, как она убивается по сыну». Отошел он немного, велел к воинскому начальнику идти, просить свидание, как вас отправляют сегодня...

Она расспрашивала Васю про здоровье, рассказала об отце, о братишках и сестрах.

— Все велели передать тебе низкий поклон.

Потом добавила тише:

— И дружки твои забегают, не забыли дорогу к нам. А на заводе-то шумно!

Она держала сына за руку и заглядывала ему в лицо:

— Бледный ты стал какой... Я принесла тебе денег три рубля, штиблеты, да еще свининки кусочек, белого хлебца, пяток крашеных яиц. Завтра же пасха!

— Спасибо, маманя, деньги я возьму и штиблеты. Мои уже совсем развалились. А булки и свинины не надо. Ребятам лучше отдайте. Голодные же, а нас всётаки кормят.

Он нагнулся к самому ее уху:

— Зачем мне булка? Сегодня повезут, так, может, и уйдем на волю.

— Как уйдете? — испуганно прошептала мать. — Кругом вон какая стража...

— Ну, и от стражи уходят. Да вы не волнуйтесь, может, ничего не будет...

Он стал успокаивать Анисью Захаровну, жалея о вырвавшихся словах.

А день был полон неожиданностей. Вдруг оказалось, что незачем готовиться к побегу. Сверху, с площадки лестницы, кто-то громко закричал:

— Алексеев, тебе чистая вышла, освобождение!

— Мне? — Вася схватил Анисью Захаровну за плечи. — Слышите, что́ кричат? Вы подождите тут, маманя. Я сбегаю, узнаю.

Было трудно сразу поверить. Но в канцелярии весть подтвердилась.

— Счастье твое, Алексеев, — сказал писарь, — бумага уже давно написана, да отправлять тебя нельзя, раз ты ратник второго разряда. Эти еще не призваны, которые, значит, твоего года. Зря из полиции тебя прислали. Забирай свой паспорт и на все четыре стороны.

Вася схватил бумаги. Надо было еще поговорить с товарищами, собрать вещишки... Потом он выбежал на улицу и задохнулся от ветра. Или от радостного ощущения воли? Ветер был сырой и порывистый, но всё равно он нес запахи весны.

Вася вспомнил о трешке, лежавшей в кармане. Как-никак у него сегодня праздник.

Он положил узелок на землю возле часового:

— Пусть полежит минутку, я сбегаю за извозчиком.

И быстро пошел по улице — не в строю, и без конвоя, — как все, кто шел по своим делам... Нет, ему в самом деле здо́рово повезло!

Вскоре он уже взбежал на лестницу, где ждала Анисья Захаровна:

— Мама, вы тут? Поехали домой...

Извозчик был на летней пролетке. Время от време-

ни он громко покрикивал на лошадь: «Но-о, окаянная сила!» — и хлопал вожжами.

Они ехали вдоль Фонтанки, вывернули на Старо-Петергофский и покатили к Нарвским воротам. Путь был долгий, а улицы чем ближе к заставе, тем грязнее. Потом кончилась мостовая, и лошадь пошла медленным шагом, колеса застревали в чавкающей, размокшей глине.

Когда проехали мост через Емельяновку, Вася не выдержал, выскочил из пролетки и побежал к дому. В воротах стоял отец в расстегнутом пиджаке и в картузе, сдвинутом с красного, распаренного лба. Петр Алексеевич только что пришел из бани.

— Батя!

Вот он и вернулся домой...

НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

В ту ночь у Алексеевых так и не гасили свет. Ночь была пасхальная, и вряд ли кому могло показаться странным оживление в доме. Празднуют, только и всего. Но праздновали не так пасху, как возвращение Васи. Отец с матерью поздно пришли из церкви, а в кухне было полно народу. Возле стола сидели Васины друзья.

— Христос воскресе! — сказал Петр Алексеевич, истово перекрестился и поцеловал Петю Кирюшкина, сидевшего с краю, потом Колю Андреева.

— Христос воскресе! — повторял он, обходя стол и целуясь с каждым.

— Люди богу молятся, праздник-то какой! А вы всё не наговоритесь...

— Давно ведь не виделись, папаня, — примирительно сказал Вася.

— Знаешь, как сказано: во многом глаголании несть спасения.

— Там не о том спасении говорится, о котором мы думаем.

Опять у них с отцом готов разгореться спор. Но Анисья Захаровна гасит первые искры:

— Сейчас мир и согласие должны быть меж людей, — пасхальная ночь. Вот чаю поставим, кулича поедим. Разговляться пора, сыночки.

— Мы же не заговлялись, — засмеялся Ваня Тютиков, — на нас, верно, грех тратить освященный кулич. А что печь вы мастерица, Анисья Захаровна, это мы знаем...

Они о многом переговорили в ту ночь. Вася дотошно, как следователь, расспрашивал друзей, что произошло на заводе, в городе, в мире за недели, которые он провел в полицейской части и в проходных казармах. Он и газет почти не видел это время. А события происходили действительно крупные.

— Выходит, весь рабочий Питер поддержал путиловцев? Сто пятьдесят тысяч забастовщиков... Такого еще не бывало во время войны. Глядишь, скоро дойдет до всеобщей стачки. Если уж кадет Милюков в думе заговорил о нашей забастовке, значит, здóрово они напугались.

— А ты что теперь собираешься делать? — спросил Петя Кирюшкин. — Обратно на завод? Полиция тебя не забыла, между прочим, спрашивают о тебе, я слышал, — куда, дескать, его отправили, не появлялся ли дома? Пристав Любимов узнáет, что вернулся, будет ему подпорчена пасха.

— Посмотрим, тут всё-таки к заводу ближе, чем в селе Медведь.

Он уже понимал, что снова поступить на Путиловский вряд ли удастся, а вскоре понял, что и в другом месте устроиться будет не просто. Рабочие-то нужны,

но для него заводские ворота закрыты. Полиция снова ищет его.

Пасхальная ночь была единственной, которую он спокойно провел дома. Сидели до утра, спорили, даже песни пели: «Из-за острова на стрежень» или «Среди долины ровныя». Народные песни Вася знал и пел так, что лица ребят становились растроганными и светлели.

Другие песни пели негромко: «Выпьем мы за того, кто писал «Капитал». Пели и прихлебывали чай, налитый из остывающего самовара. Напитков покрепче не было, да они такие напитки и не признавали.

— А тобой одна барышня интересовалась...

Ваня Тютиков лукаво поглядел на друга:

— Может, догадываешься, кто?

— Настя? — Вася быстро повернулся к нему: — Как она живет?

— Живет-поживает. Увидитесь — она тебе больше расскажет, чем мне...

Голос Тютикова стал немного грустным. Тоненькая голубоглазая Настя нравилась не одному Васе. Тютиков тоже был к ней неравнодушен. Но Настя предпочитала другого, и этот другой был его лучшим товарищем.

Вася познакомился с Настей незадолго перед арестом. В Путиловской больничной кассе работала ее сестра. Настя частенько забегала к ней, а Вася был там своим человеком.

В больничной кассе прочно утвердились большевики. Рабочие отдавали им голоса на выборах — знали, кто сможет за них постоять. В больничную кассу обращались в трудную пору: при болезнях, увечьях, смерти близких, а трудная пора настала теперь для многих, — жили что ни день хуже, работали всё тяжелее. В кассе бывало полно народу. В толпе с теми, кто

получал пособие, приходили и подпольщики. Вася бывал там тоже.

Правда, полиция не обходила своим вниманием больничную кассу. Облавы, налеты, аресты повторялись очень часто. Но Петербургский комитет большевиков присылал новых товарищей, и работа продолжалась. В больничной кассе Вася познакомился с Андреем Андреевым, Семеном Рошалем и другими видными большевиками.

В кассе он встретился и с Настей. Она не была партийной, просто девушка из рабочей семьи — немного пугливая и стеснительная, тянувшаяся к тому бунтарскому миру, который окружал в больничной кассе ее сестру, и вместе с тем еще боявшаяся его.

Молодые рабочие, заходившие в кассу, часто заговаривали с Настей, шутили, — она была хороша собой, но девушка отмалчивалась и краснела. А с Васей разговорилась, точно была с ним давным-давно знакома.

Они скоро установили, что могут и правда считать себя знакомыми давно — в одно время бывали в Ушаковской школе. Как это сразу не узнали друг друга?

Вышли из кассы вместе, и, так уж получилось, Вася пошел с Настей по Шелкову переулку в сторону, противоположную своему дому.

— Когда зайдешь в кассу еще? — спросил он, прощаясь.

На улице было уже совсем темно. Зимой дни короткие, да они, оказывается, бродили по улицам не один час.

— Как-нибудь зайду.

Она помолчала. — Послезавтра, а может быть, и завтра.

Они встречались несколько раз, гуляли по улицам заставы. Потом Васю арестовали.

— Сходим к ней завтра домой, — предложил Вася Тютикову.

— Сходим, похристосуемся, — весело отозвался тот и смешался под сердитым Васиным взглядом. — Можно сходить, если хочешь...

Они сидели тогда у Алексеевых на кухне до самого утра и разошлись, когда на дворе было уже светло. Вася проводил друзей за калитку, несколько минут постоял на тихой улице деревни. Никого не было вокруг. В покрасневшем небе над городом всходило солнце, в ближних кустах пронзительно щебетали птицы. Вася улыбнулся радостно и удивленно...

После той ночи он бывал дома уже не часто. Поспав часок, он быстро пил чай и собирался.

— Ночевать, наверно, не приду. Вы, маманя, не удивляйтесь.

Так началась его кочевая жизнь. По существу он перешел на нелегальное положение. Ночевал то у Вани Тютикова и Коли Андреева, то у других ребят.

Как-то друг его Коля забежал к Алексеевым:

— Тетя Анисья, не тужи. Он сыт, а ночует на Овсянниковской даче. Рубаху чистую просил прислать.

Вася появился дома неожиданно, постучал в дверь, когда Анисья Захаровна уложила детей и собралась уже спать сама.

— Ты как, сыночек?

— На лодке я приехал, маманя. В деревне никто не видел.

Мать долго смотрела на него. Похудел, лицо усталое и неспокойное.

— Голодный?

— Немножко. Я сегодня переночую, маманя.

Потом забега́л изредка и на минуту:

— Маманя, нет ли яичек вареных?

— Маманя, дайте двугривенный.

Как-то Анисья Захаровна сказала ему, чувствуя, что говорит не то, — очень уж горестно было на душе, жаль сына и обидно, что всё так выходит:

— У меня ведь, Васенька, лишних двугривенных нет. Отец много ли получает? А семья, сам знаешь, какая. Раньше и ты рублей восемь приносил в дом — всё легче нам было. Теперь тебе двугривенные давай...

— Я понимаю, — сказал он, — всё понимаю. Да такой уж мне вышел путь...

Он проходил без работы всё лето. Никуда не сунешься — нелегальный. Паспорт можно было достать другой. Он сам помогал Ивану Грязнову делать паспорта. А Грязнов считался специалистом, знал, какими составами смыть старые записи, мастерски вписывал новую фамилию, подделываясь под писарский почерк. Но такой паспорт было рискованно давать в прописку. В полиции разобрались бы. Да и трудно было Васе жить за Нарвской заставой по чужому паспорту. Слишком многие его там знали.

Но объяснить всё это матери он не мог.

Уже осенью он как-то ночевал дома. Тоже затемно приехал на лодке и прошел задами. Утром сунул матери сверток:

— Бумаги тут нужные, вы припрячьте.

И пропал. Никак не мог он в те дни забежать в Емельяновку. За Нарвской было снова неспокойно. Завод волновался. Царские власти предали военно-полевому суду группу кронштадтских матросов-большевиков, обвиняя их в подготовке к бунту. Матросам грозила смертная казнь, и рабочий Питер поднялся на их защиту.

Петр Алексеевич пришел домой хмурый:

— Бастуем, началось у нас снова. Митинг на заводе, да я не остался...

Как началось, Анисья Захаровна узнала от других. Вся Емельяновка говорила об этом.

— Василий твой объявился, — шепнул Анисье Захаровне сосед Петр Степанович. — На митинге его видели. А народу было знаешь сколько? Почитай, ползавода.

— Не случилось с ним чего? — Анисья Захаровна прижала руки к груди.

— Не допустили полицию, гайками и болтами ребята отбились. Потом и булыгу из мостовой выворачивать стали. Околоточного, слышь, так шарахнули — с кобылы слетел. Ушел твой Василий, не иначе ушел. Там ведь такое было... Солдаты на полицию пошли в штыки.

— Войско на полицию? Да ты что-то плетешь, сосед...

На душе у нее было тревожно. Хотелось бежать куда-то, искать сына. Но где искать?

Анисья Захаровна уже еле слушала, что рассказывал Петр Степанович. А то, что он говорил, было истинной правдой, хотя прежде такого никогда не случалось за Нарвской. Даже в пятом году.

Два отряда полиции — конный и пеший—пытались разогнать митинг на заводском дворе. Рабочие встретили их градом гаек, болтов, обрезками железа и выгнали за ворота. Схватка разгорелась уже на Петергофском шоссе. В это время мимо завода двигалась воинская часть.

Толпа рабочих загородила дорогу, и солдаты стали.

— Вперед, шагом марш! — командовали офицеры, но движение не возобновлялось.

Увидев солдат и рассчитывая на их поддержку, полиция осмелела. Она стала теснить толпу.

— Братцы, — кричали рабочие, обращаясь к солдатам, — помогите, ведь свои же вы, тоже заводские!

Воинская часть состояла в самом деле из пожилых, недавно мобилизованных запасников, преимущественно рабочих. Они не могли равнодушно смотреть на расправу с путиловцами. Горячее сочувствие братьям, возмущение действиями властей, ненависть к войне, зревшая в сердцах солдат, — всё это, соединившись вместе, привело к мгновенному взрыву.

Солдаты скинули с плеч винтовки и пошли со штыками наперевес — не на толпу, а на полицию, отгоняя ее от рабочих. Напрасно офицеры размахивали револьверами и подавали команды. Их не слушали, солдаты открыто становились на сторону забастовщиков. Это уже был бунт.

Благодаря всем этим событиям Вася избежал ареста. Но шпики приметили его. Ночью в Емельяновку нагрянула полиция.

— Василий Алексеев проживает здесь?

— Здесь, — сказала Анисья Захаровна, — только нету его дома...

Она вспомнила: сверток с бумагами! Он лежит на кухне, сейчас попадется им на глаза. У нее зашлось сердце.

— Нет дома Василия, — проговорила она и вдруг добавила грубо, со злостью: — Как хотите ищите, а мне выйти надо, маюсь я животом.

Мимоходом она смахнула сверток в валенок и, прихрамывая, — нога в валенок не влезала, — пошла в сени. Потом трясущимися руками в темноте запихивала сверток за отставшую доску в уборной. Она сумела обмануть «фараонов» и на этот раз.

Утром Васин братишка прибежал на Овсянниковскую к Тютикову:

— Засада у нас, четверо городовых сидят. Васю ждут. Меня мать послала будто на рынок.

Полиция шарила в Емельяновке, а Вася чуть не попал ей в руки в другом месте. Пристав сам выпустил его.

Вася был в больничной кассе, когда началась очередная облава. Городовые окружили дом, заняли выходы. В кассе толпился народ, в это время как раз происходила выплата пособий. Полиция искала подпольщиков, — рабочие, пришедшие за деньгами, были ей не нужны. Тех, кто мог предъявить талон на получение пособия, выпускали. Те, у кого талонов не было, пытались скрыться. Один пробрался на чердак, городовые шли следом, и он вылез через слуховое окно на крышу. С чердака его было трудно заметить, но теперь его видели с улицы. У дома, где помещалась касса, собралась толпа. Люди были хмуры, они зло переругивались с городовыми, задирали их ядовитыми шутками и отводили глаза от крыши, чтобы не привлечь внимания к спрятавшемуся там человеку.

Вася пытался проскользнуть мимо городового, но тот схватил его за рукав:

— Предъяви квиток!

Пришлось вернуться в комнату. А там хозяйничали полицейские — рылись в карточках, ворошили бумаги и кидали на пол. Они всё перемешали.

На столе была рассыпана пачка оплаченных талонов. Вася взял один из них, постоял минуту, потом решительно подошел к приставу:

— Чего ваш городовой не выпускает меня? Я же за пособием пришел! Совсем хворый.

Он помахал талончиком перед носом Любимова.

— Выпустить его, пусть катится ко всем чертям, — сказал тот раздраженно. И Вася прошел мимо городовых, сердито бормоча себе под нос: держат, мол, ни за что ни про что.

«Счастье, что Любимов подслеповат», — думал он. Пристав не увидел, что на талончике стоял лиловый штамп «уплачено». И Васю не узнал. А ведь сам арестовывал его в феврале.

Так и жил Вася в тот год — преследуемый и бездомный. Каждую минуту он мог попасть в капкан — стоило сделать неверный шаг. Часто, уйдя с ночевки, он не знал, где проведет следующую ночь. Перехватив ломоть хлеба, не мог сказать, когда придется поесть в следующий раз. Товарищи охотно делились тем, что имели, но много ли было у них самих? И всё равно он постоянно был весел и никогда не лез за словом в карман. И всегда у него были новые песни.

— Не слыхали такую?

Отречемся, друзья, от марксизма,
От доктрины великой, святой.
Нам дороже кумир шовинизма,
Нам не надо борьбы классовой...

— С ударением тут не гладко получилось: классово́й... Надо что-нибудь придумать. А так правильно. Настоящая меньшевистская марсельеза. И под мотив подходит. Подарим ее оборонцам.

Ребята от души смеялись, а меньшевики, заслышав эту «марсельезу», приходили в ярость.

Всё больше партийной работы в районе ложилось на Васины плечи. Он устраивал сходки — в Поташевском лесу, у Дачного или на Канонерском острове, на взморье. Он вырос там, хорошо знал эти места и любил

их. Петя Кирюшкин или еще кто-нибудь отправлял лодки, Вася встречал их. Говорили, сидя у костра, спорили, а рядом лежала чья-то гармонь, валялись нарочно привезенные бутылки из-под политуры, — она шла у пьяниц вместо водки. Если нагрянут жандармы, появится вблизи морская полиция, можно быстро изобразить компанию подгулявших мастеровых...

Он бывал на Путиловском, выступал в мастерских. Проходил по чужому номеру. Не раз его видели на фабрике Кенига. Когда назрела забастовка на Российской бумагопрядильной мануфактуре, райком послал Васю туда. И на этой фабрике у него были знакомые— среди мюльщиков, ватерщиц; он встречался с ними в обществе «Образование», в Ушаковской школе. Всё-таки завести серьезный разговор оказалось нелегко. Многие работницы совсем недавно пришли из деревни. Они плохо понимали, зачем надо бастовать, а появление парнишки — одного среди сотен девушек — настраивало их на озорной лад.

— Чего ты про политику, — кричали Васе, — гляди, невест сколько! Любую выбирай, быстро свадьбу сыграем.

— Не выбрать, — отшучивался Вася, — больно уж все хороши. Красавицы... А надолго ли вашей красоты хватит, если столько работать да голодными ходить? Кто из вас ест досыта? Нет таких. Над кем не измывался мастер? Таких тоже нет. Так уж давайте в другой раз шутки шутить будем, сейчас всерьез поговорим...

— И то правда, — раздались голоса, — дело говорит парень...

Фабрика забастовала в тот же день.

Должно быть, мало кто понимал, как ему приходится тяжело, — даже из друзей. Но не в его харак-

тере было жаловаться. Да и зачем? Разве другим легко? В листовке, которую нарвские большевики отпечатали в своей подпольной типографии и распространяли на заводах, говорилось: «Страшный рост дороговизны, обусловливаемый беспримерной спекуляцией и продажностью властей, доведен до невыносимых пределов, а между тем заработок рабочего остается на одном уровне или падает. Общая же эксплуатация нашего труда на заводе оставляет за нами единственное право — право свободно умирать от голода, не отходя от станка».

Не Вася ли писал эту листовку? Он был членом исполнительной комиссии райкома, одним из руководителей большевиков заставы, а каково «право» умирать от голода, не отходя от станка, знал очень хорошо.

Впрочем, сам он долго был лишен даже права стоять у станка. Только к зиме ему удалось устроиться на заводе «Анчар». Завод этот возник уже в войну. Его наспех оборудовали в здании старого холодильника на Лифляндской улице. Выпускал он бронебойные пули. Для финансовых воротил дело оказалось доходным, оно развивалось. Рабочих и служащих принимали без особого разбора. Набрать людей было нелегко, — шел уже третий год войны. В заводской конторе нашлись большевики, которые и помогли Васе. Его занесли в список рабочих, но не прописали в полицейской части, как это требовалось по правилам. Таким образом, полиция о его поступлении на завод не узнала.

Вася стал работать токарем в механической мастерской — точил детали для станков. Оборудование завода было, что называется, с бору да с сосенки, оно часто ломалось, и де́ла ремонтникам хватало на весь

долгий день. Вася уставал на заводе, должно быть, больше других — давала себя знать неустроенная, кочевая жизнь, — но самые важные дела у него начинались после смены, когда он выходил за ворота завода. Порой это были довольно неожиданные дела.

Как-то утром, когда они вместе с Тютиковым собирались на работу — Вася чаще всего ночевал в то время у Ивана, — тот спросил:

— Опять придешь поздно, как вчера?

— Еще позже, наверно. Знаешь, куда мне вечером надо? В «Общество четырнадцатого года». Еще оно называется «Обществом борьбы с немецким засильем». Слыхал когда-нибудь о таком?

— Чего-то слыхал... — Голос Тютикова звучал неуверенно. — Куда тебя только не заносит! Борьба с немецким засильем... А кто же ведет ее там?

— Да уж не наш брат. Общество это организовали самые что ни на есть заядлые монархисты, черная сотня. Заправляют там всякие князья да графья — прямо из Царского Села. Ну и купцов, заводчиков там тоже немало.

— А тебе что делать с князьями и купцами?

— Они-то мне не нужны... — Вася рассмеялся. — Времена, видишь, теперь не те, что были, когда «Союз Михаила Архангела» учреждался. За черной сотней мало кто нынче пойдет. Ну, «Общество четырнадцатого года» либералов и эсеровскую публику приваживает, а те начинают заигрывать с рабочими. Кое-кого из заводских в это общество затянули...

— Многих, я думаю, не поймают.

— Всё равно. Не можем мы им рабочих отдавать, даже самых отсталых.

Вечером Вася встретился с несколькими путиловцами возле Нарвских ворот. Один из них уже бывал

в обществе и рассказывал, пока ехали в трамвае по Садовой:

— Господа там — ну я таких только в журнале «Нива» видел на картинках. Одни мундиры да крахмальные манишки. И обращение, знаешь: «Милостивые государи и милостивые государыни». Нашему брату улыбочки строят, а сами глядят, как бы не испачкаться об тебя.

Они сошли с трамвая, не доехав до Невского. Общество помещалось в богатом барском доме. У парадного подъезда стояло несколько карет и автомобиль, возле которого прохаживался шофёр в кожаной фуражке и шубе с большущим меховым воротником.

— Чей автомобиль? — поинтересовался Вася негромко.

— Князя...

— Кочубея, что ли?

Он знал, что Кочубей — председатель общества. Но шофёр отрицательно покачал головой и назвал другую, незнакомую фамилию.

В открытых дверях стоял здоровенный детина в ливрее с золотым галуном — не то лакей, не то швейцар. Он оглядел Васю и его друзей с головы до ног, наверно, заметил и рваные штиблеты, и свитер под черным пиджачком, и замасленную кепку. «Гнать вас надо в шею, оборванцев», — говорил его неприязненный взгляд. Но вслух детина не сказал ничего, молча он пропустил их в прихожую, за которой был большой, освещенный электрическими люстрами зал. По залу прохаживались богато одетые господа, дамы шуршали шелковыми платьями. Несколько рабочих стояли в сторонке. Путиловцы подошли к ним, и сразу же туда направился осанистый старик с длинной бородой и седой гривой почти до плеч.

— Господа, — сказал он хорошо поставленным адвокатским баском, — прошу рабочую группу проследовать со мной в другую комнату. Там будет наше заседание.

Он пожимал всем руки с видом гостеприимного хозяина и звучно называл свою фамилию, повторяя каждый раз:

— Кулябко-Корецкий, очень рад познакомиться.

Рабочих было десятка два. Они пошли за Кулябко-Корецким. Богатая публика молча расступалась, давая им проход.

— Я счастлив приветствовать в этих стенах представителей петроградских рабочих и считаю своим приятным долгом познакомить вас с целями нашей деятельности в обществе, которые несравненно шире, чем можно судить по названию. Мы не ограничимся борьбой с засильем немцев вокруг престола. В трудную для России годину мы видим свое призвание в сплочении сил народных для достижения глубоких перемен в самом существующем строе...

Кулябко-Корецкий говорил уверенно и гладко, сопровождая слова округлыми жестами. Всё выдавало в нем привычного оратора. Он хорошо владел голосом и явно наслаждался плавным течением своей речи.

— А какой строй вы хотите установить? — перебил оратора Вася.

Тот снисходительно посмотрел на него, оглядел сидящих в комнате, как бы давая понять, что с полной откровенностью высказываться тут не может, и стал говорить что-то о демократии, уже имеющей свои высокие традиции в ряде союзных России европейских государств.

— Так это же демократия для богатых, а что вы собираетесь дать простому народу?

Вася уже имел представление о благообразном старике со сладким голосом и наружностью патриарха. Полулиберал, полуэсер. Надо было, однако, чтобы все собравшиеся хорошенько разглядели этого зазывалу из малопочтенного заведения, каким было «Общество четырнадцатого года».

— Свобода — это благо для всех. Мы видим свою миссию в объединении самых широких слоев, самых разнообразных демократических сил и не желаем никаких ограничений, никаких партийных шор.

— А к войне как относитесь? Вы за войну или против?

На этот вопрос нельзя было ответить расплывчатыми и уклончивыми фразами.

— Мы считаем победу России в войне первейшим условием завоевания свободы и стремимся к объединению во имя торжества над врагом.

— Вот и выяснили...

— Ура, ура! Мы рады помереть за батюшку-царя,— насмешливо протянул кто-то из путиловцев.

В комнате стало шумно. Адвокатский бас потонул в гуле голосов. Только несколько человек поддерживали Кулябко-Корецкого. Большинство было с Васей. Это стало настолько явным, что Кулябко поспешил закрыть заседание:

— От имени правления общества я благодарю вас за участие. Мы еще соберемся позднее, чтобы более обстоятельно обсудить цели, стоящие перед рабочей группой.

Следующее заседание было незадолго до Нового года. Кулябко-Корецкий, видимо, основательно готовился к нему. У подъезда стояло еще больше карет и тот же автомобиль, что в прошлый раз. Рабочих собралось человек пятьдесят. Кулябко-Корецкий вошел

в комнату, почтительно пропуская перед собой какого-то господина во фраке. Он объявил, что к ним приехал один из главных руководителей общества депутат Государственной думы князь Мансырев, любезно согласившийся изложить перед собравшимися представителями рабочего класса свои мысли о целях общества.

— Прошу, ваше сиятельство, — обратился Кулябко к Мансыреву.

В комнате хмыкнули. Мансырев строго поглядел на собравшихся и стал говорить на тему о том, что любовь к России должна быть не покорной, а активной, побуждающей к сплочению, к укреплению власти, к жертвам на алтарь отечества.

— Авто ваше стоит у парадного? — спросил вдруг Вася.

— Автомобиль мой, только не понимаю, какое это имеет отношение к делу... — растерянно ответил князь.

— Отношение очень даже прямое. От нас вы требуете, чтобы мы последнюю рубашку с себя сняли для победы, а сами автомобиль не отдадите. Да еще шофёр вас катает, небось отсрочку от призыва выхлопотали ему...

В комнате одобрительно загудели. Кулябко-Корецкий поспешил на выручку князю. Он заговорил о высокой деятельности, которую тот неутомимо ведет, стремясь единственно к благу возлюбленной отчизны. Потом предложил перейти к конкретным решениям, избрать бюро для установления связи с военно-промышленным комитетом и «прогрессивными силами в Государственной думе».

— Нам с ними не по дороге, — громко сказал Вася, — рабочий класс их не поддерживает и никогда поддерживать не будет. И нечего с ними связываться. Мы не станем помогать им в обмане народа. Предла-

гаю принять резолюцию о том, что мы стоим за свержение самодержавия, за прекращение грабительской войны.

Нет, и на этот раз Кулябко-Корецкому не удалось провести заготовленные решения. После долгих споров он ушел вместе с князем, что-то сокрушенно гудя ему в ухо. Вася задержался в комнате. Там были товарищи с других заводов, хотелось с ними поговорить. Когда он выходил, Мансырев стоял у своего автомобиля с господином в богатой шубе. До Васи долетели обрывки фраз:

— Седовласый провокатор... зараза социалистического всечеловечества... Подрывают основы...

Князь очень сердился.

— «Седовласый провокатор» — это он Кулябку честит, — усмехнулся Вася. — Характеристика верная, между прочим. А уж тот старался, просто руки его сиятельству лизал...

НОВЫЙ ГОД

Новый год решили встречать за городом. Из-за этого неожиданно вышел спор.

— За городом даже шикарно, — сказал Ваня Тютиков, — совсем как аристократы.

Вася резко повернулся в его сторону:

— А тебе хочется подражать аристократам?

— Ну, они-то знают, как жить...

Вася вскипел:

— Вот сколько рабского еще сидит в нас! Что такое аристократия? Классовый враг, недостойный ни малейшего уважения. Это растленная свора, у которой был кумиром Гришка Распутин. Одни молились на него, потом другие прикончили и спустили под лед. Вот как они умеют жить! Так в чем же тебе хочется подражать им?

— Не горячись, — сказал Тютиков. — Я же и не знаю толком, как аристократы встречают Новый год.

— Всё равно! Есть это: собираемся революцию делать, а робеем перед офицерскими эполетами, перед цилиндром или котелком. Веками в нас рабское преклонение вколачивали. Пора освобождаться от него. — Он рассмеялся. — Ты же один лучше десятка этих господ.

Его вспышки проходили так же быстро, как начинались. А против поездки за город он ничего, конечно, не имел.

В Разливе жила сестра служащей больничной кассы Ольги Зильберберг. Она занимала отдельный домик, стоявший в стороне от поселка. Собраться там было удобно.

Вася позвал на встречу Нового года Настю. Она согласилась не сразу:

— Что дома скажут?

Но домашнюю баталию выдержала твердо. Отец и мать долго расспрашивали, кто будет, что за выдумка — ехать в лес.

— Стыдно это — порядочной девушке отправляться на ночь куда-то с парнями, — решительно сказал отец.

— Так ведь и девушки будут, а парни наши все, знакомые. Я с Васей поеду.

— Васька малый хороший, да в голове у него много лишнего. Женихом он тебе будет, что ли, Васька?

Настя залилась краской:

— Почему обязательно женихом? Хороший он, вы же сами говорите...

Вася нравился ей, кажется, и она ему нравилась, но они виделись редко, очень уж беспокойной была его жизнь. И говорил он всегда о политике, о забастовках, о положении на фронте. Разве женихи так говорят?

Но он готов был заговорить с ней и о другом.

В Разлив они ехали вместе — сперва на трамвае, потом, от Новой Деревни, на игрушечном поезде узкоколейки. Паровоз-кукушка, коротенький и шумный, тащил поезд медленно и подолгу стоял на станциях. Он ждал встречного, а казалось, что просто отдувается с дороги и набирает силу. На станциях входило и выходило много народу. В вагон врывался колючий ветер, и сразу становилось очень холодно, ноги стыли. Настя жалела, что поехала в ботинках. Надо было надеть валенки, да ей показалось, что неудобно.

— Слыхала, Петя-то Александров женится на Жене Федоровой, — сказал Вася. — Всё дразнили их ребята — жених и невеста. А они и правда! Скоро будем гулять на свадьбе. — Он помолчал минуту. — В церкви венчаться решили...

— А как же иначе?

— В том-то и загвоздка. В других странах люди записывают свой брак в мэрии, и всё. У нас обязательно в церковь иди... Женя говорит — дети родятся, их незаконнорожденными будут считать, на улице худыми словами обзывать станут... Всё это я понимаю, но в церковь никогда бы не пошел, что бы мне ни говорили. Как я пойду туда, если не верю в бога, если считаю религию злостным обманом?

— Но ведь Женя правильно говорит о детях. Разве дети виноваты?

— А ты думаешь, всегда будет так, как сейчас? Или мы зря работаем? Раз ты сознательный рабочий, то и строй сознательно всю свою жизнь. Я бы невесте сказал: «Если любишь меня, если мне веришь — не бойся. Всё хорошо будет. Придет время, мы заключим наш брак по новому закону, и дети наши станут самыми законными. А пока потерпи, недолго осталось».

Дом, где помещалась Путиловская больничная касса.

— Ты это серьезно, Вася, совсем серьезно?

Секунду назад ее плечо было рядом, а сейчас... Он почувствовал, что она отодвинулась от него.

— Я бы так не могла никогда. Что скажут отец с матерью? Как людям посмотришь в глаза?..

Они замолчали, думая каждый о своем. Или каждый по-своему об одном.

За новогодним столом было многолюдно и шумно. Пели: «Налей, налей бокалы полней, чтоб рабочих семья собиралась тесней».

— С бокалами ничего не выйдет, — засмеялась хозяйка, — обойдемся стаканами чая. А насчет тесноты, так, кажется, куда уж теснее, чем у нас?

— Да что там, всё очень хорошо, — сказал Вася,— просто песня просится.

Пели много, а еще больше говорили. Компания за столом была дружная. Был тут Степан Афанасьев, в последние годы работавший на Путиловском. Вася знал его как члена Петроградского комитета партии. Были другие большевики.

Говорили о приближающейся годовщине Кровавого воскресенья. Большевики готовили на этот день большую политическую стачку. Обсуждали убийство Распутина. Как оно отразится на политике царизма?

— Эта свора чувствует, что горит земля у нее под ногами, — сказал Афанасьев, — хотят убрать тех, кто особенно намозолил народу глаза. Но Распутиным им не откупиться...

Когда стрелки часов подошли к двенадцати, он встал:

— Товарищи, пусть новый, семнадцатый год будет по-настоящему новым для России и для всего мира. Пусть он будет годом революции и конца войны!

...В доме было жарко. Молодежь собралась гулять. Над темным ночным лесом светилось далекое звездное небо. Мохнатые лапы сосен отяжелели от снега. Кто-то из парней дернул большую ветку, и она рванулась вверх, окутав девчат белым облаком. Они разбежались с криками, смехом и визгом.

Вася поймал Настю за локоть и пошел с ней рядом:

— Ты и правда считаешь, что если замуж, то без церкви никак нельзя?

— Нельзя, Вася.

— А я часто думаю о нас, Настя. О тебе и о себе...

В Петроград возвращались утром. После бессонной ночи в голове был какой-то туман, всё окружающее виделось как через толстое стекло. Молодежь шутила, опять много пели. В вагоне, набитом людьми, кисло пахло несвежим тряпьем и хлевом. Молочницы везли большие, завернутые в старые одеяла бидоны, ехали в город немолодые солдаты и подгулявшие сестрорецкие обыватели.

Вася смотрел на утомленное и всё равно милое Настино лицо. Она подняла глаза и улыбнулась — грустно и смущенно. Она была еще рядом, но она отдалялась от него, и тут ничего нельзя было сделать.

* * *

Год начался бурно — демонстрации, митинги, забастовки. Несколько человек из компании, встречавшей Новый год в Разливе, были арестованы на следующий день. Полиция по-своему готовилась к годовщине 9 Января и хватала большевиков. Попали в тюрьмы Федор Лемешев, Люба Тарасова — руководители заставской организации.

Но по рукам уже ходили большевистские листовки. В рабочих семьях говорили о предстоящей стачке как о решенном деле. 9 Января весь Путиловский завод вышел на улицу — тридцать тысяч человек. К ним присоединились рабочие других заводов. Людской поток заполнил Петергофское шоссе, красные флаги вспыхнули над ним. Полиция отступала под напором рабочих. Конные разъезды стояли в переулках, не решаясь перерезать путь демонстрантам. Приставы и околоточные уговаривали рабочих разойтись. Пускать в ход оружие они не смели. Дело шло к взрыву, и это чувствовалось на заводах, в рабочих квартирах, в оче-

редях у продовольственных лавок, — всюду, где Вася бывал в эти дни.

Ко многим местам, где он привык бывать, в последнее время прибавилось еще одно — кооператив «Трудовой путь». Этот кооператив создали рабочие Путиловского завода и «Треугольника», и вскоре он стал не только организацией, снабжавшей продовольствием, но и очагом нелегальной партийной работы. Вася был членом культурной комиссии кооператива. Большевики взяли комиссию в свои руки. Она не только покупала для рабочих газеты, журналы, книги — она вела агитацию.

В это время комиссия решила развернуть агитацию в очередях. Чтобы достать хоть немного продуктов, приходилось становиться в хвост с ночи, мерзнуть на улице по многу часов. Женщины кляли тяжкую жизнь, ругали на чем свет стоит торговцев-обирал и царские власти, обсуждали всякие слухи — иногда верные, иногда нелепые и дикие. Правдивая, честная агитация среди них могла дать немалые плоды. Вася и его друзья стали часто ходить к лавкам, говорили женщинам, что избавиться от очередей, от дороговизны и нищеты можно только избавившись от войны, а заодно и от тех, кто ее начал, кому она выгодна.

Теперь Васин день начинался задолго до рассвета. Время надо было найти на всё, вот только на сон оставалось совсем мало.

Как-то Вася пришел к Тютикову, у которого собирался переночевать, уже около полуночи. На улице было по-февральски холодно. Падал мелкий колючий снег, ветер крутил его и гнал по дорогам. Вася подул на замерзшие пальцы и кинул снежком в темное окошко. Тютиков быстро открыл дверь:

— Наконец-то. А я уж боялся, что ты в Емельяновку пошел.

— Надо мне туда, давно маму не видал. Только сегодня мне нельзя было никак, — сказал Вася.

Не раздеваясь, он обхватил руками теплую печку:

— Ну и замерз я! Уже не человек, а кусок льда.

— Хорошо, что не пошел домой, — проговорил Тютиков, чувствуя только сейчас, как сильна была его тревога. — Там опять засада. Пришли за тобой.

— Быстро...

Вася отошел от печки и скинул свое пальтишко на «рыбьем меху».

— Ты знаешь, я ведь на «Анчаре» выступал сегодня. Большой митинг был, полная столовая набилась. Говорили про то, кому выгодна эта война. Значит, какой-то шпик уже в полицию сообщил.

— С утра голодный, наверно? — спросил Тютиков. — У меня вот хлеба немного есть да селедка.

— Черт с ней. Воды, чтобы запить, хватит ведь?

Он подсел к столу:

— На Путиловском опять забастовка начинается, слышал? Теперь дело пойдет. Всю заставу поднимем. Народ до крайности дошел. Сегодня на улице свалка с полицией была. Мальчишки конный разъезд из рогаток обстреливали. Городовые припустились за ними, так народ их булыжниками стал угощать. И ребята хитры, ничего не скажешь... Натянули поперек улицы стальную проволоку. Полицейские как погнались за ними, так на нее и наскочили. Лошади на дыбы, а двое городовых оземь... Событие, конечно, не очень крупное, но показательное, между прочим.

— Что ж, бастовать народ будет дружно, — заметил Тютиков, — не впервой. Настроение у всех боевое.

Он посмотрел на Васю, который прихлебывал из кружки холодный чай и развертывал газету.

— Спать-то будешь? Уж и вставать скоро.

— Ложись, я почитаю. За весь день не успел газеты по-настоящему просмотреть.

Он еще долго сидел за столом. Трехлинейная лампа начала мигать, и свет ее потускнел. Вася вывернул фитиль, но лучше не стало. Под едва заметным желтым язычком пламени были видны красные обугливающиеся нити. Вася встряхнул лампу.

— Керосин-то есть у тебя, Ванюшка?

Тютиков не ответил, он давно спал. Вася вздохнул, задул лампу и улегся на койку рядом с другом.

Из дому они вышли, когда было еще совсем темно.

— Ночевать придешь? — спросил Ваня.

— Не знаю. Если кто из моих забежит, скажи, что я предупрежден. Пусть засада сидит, а я не попадусь. И передай маме, что здоров я, беспокоиться не надо.

Он хлопнул друга по плечу и пошел — навстречу событиям, приближение которых чувствовал, хотя и не представлял еще ясно, когда и как они наступят.

Это было 17 февраля 1917 года. В тот день на Путиловском забастовала лафетно-штамповочная мастерская, а вечером Вася обсуждал со своими товарищами по Нарвскому райкому, какие следует принять меры, чтобы забастовка распространилась на весь завод и район. Вихрь событий захватил и закрутил его. Лишь изредка он вспоминал о засаде в отцовском доме. Не до того было. Он забежал в Емельяновку дней через десять, когда всё уже было другим.

Мать бросилась ему навстречу:

— Васенька! Живой, сыночек... А городовые всё ждали тебя. Вчерась и ушли только. Или позавчерась? Я уж и сбилась.

— Их счастье, что ушли, — рассмеялся Вася и поставил под иконы карабин, — а то бы я сам арестовал их. Именем революционных рабочих и солдат.

ГОРЯЧИЕ ДНИ

— Сейчас щей тебе налью. Наверно, уж отвык от горячего? И соберу бельишко переодеть... Да ты лег бы. Видать, совсем и не спал.

Мать беспокойно и радостно хлопотала, а Вася смотрел на нее воспаленными, слипающимися глазами. В кухне было натоплено, и его совсем разморило от усталости и тепла.

— Где-то вздремнул часок. Только вроде не в эту, а в прошлую ночь...

Он рассмеялся. Голос звучал так сипло, что Вася сам не узнал его.

— Революция, маманя. Не время спать.

— Так ночь уже, Вася. Как не спать? На себя ведь не похож.

— Я прилягу немножко, вы только разбудите пораньше.

Сколько недель он не ложился в свою кровать? Теперь под головой была прохладная, взбитая материнскими руками подушка.

Стеганое одеяло, сшитое из давно выцветших лоскутьев, легло надежной теплой тяжестью на грудь. Вася закрыл глаза, но сон, всегда охватывавший его сразу, потому что он постоянно не высыпался, сейчас не шел. Должно быть, слишком велика была усталость.

Взбудораженная память торопливо тасовала картины последних дней. Сколько было всего! Если бы понадобилось рассказать по порядку, он бы, наверное, не смог.

Вспомнилось заседание райкома в тот день, когда он расстался на рассвете с Ванюшкой Тютиковым посредине Петергофского шоссе. Тесная комната, набитая людьми. Озабоченные, встревоженные и вместе с тем торжественные лица товарищей. Представитель Петроградского комитета большевиков говорит раздельно и твердо, ударяя в такт словам ребром ладони по столу: «Пришло время решительных массовых действий. Надо поднимать весь рабочий Питер. Не только против голода. Против царизма, против войны!»

Разговор немногословный. Уславливаются, кто будет агитировать на заводах, кто в домах, кто в очередях у хлебных лавок. Все понимают, что наступает переломная пора.

Потом Вася видит себя на улице, в кипящей толпе. Женщины, закутанные в темные шали, стоят со скамеечками и корзинками в руках. Они провели в очередях всю ночь. Рабочие по пути на завод останавливаются возле очереди. Это мужья, сыновья, братья. Им не впервой отправляться на работу без хлеба, но терпения больше нет. Вася чувствует, как горячо принимает толпа его слова: «Всем бастовать! Всем выходить на улицу! Прибавок требовать — толку мало. Дороговизна через неделю перекроет прибавку. Надо кончать с войной!»

И другая толпа — огромная, края ей нет. Она бурлит перед запертыми воротами завода. Путиловский бастует, второй день он закрыт, и люди собираются здесь не затем, чтобы идти на работу. Им надо быть вместе, в этом их сила.

В зданиях у завода — войска. В угловом доме над магазином потребиловки и сзади во дворе макаронной фабрики стоят измайловцы; солдаты — в Шелковом переулке; за высоким забором беспокойно ржут казачьи кони. Но всё равно рабочие вышли на улицы, Петергофское шоссе и площадь у Нарвских ворот заполнены народом.

23 февраля[1] — Международный женский день, и на этот раз его отмечают все, мужчины и женщины вместе.

У Нарвской площади над толпой взлетают красные флаги, и городовые уже не бросаются на них. Городовых с площади точно ветром сдуло. Путиловцы рвутся на Невский, пробиваются через полицейские цепи на Садовой и Фонтанке, обходят вооруженные отряды, занявшие мосты, рассыпаются, чтобы собраться потом поближе к центру. Вечером они выходят на Литейный.

Другой бурлящий поток выливается им навстречу из-за Невы. Выборгская рабочая сторона встречается с Нарвской заставой.

Вася Алексеев все эти дни среди путиловцев. Больше года прошло с тех пор, как его уволили с завода, но разве он не путиловец от рождения, и разве не Путиловский завод — душа заставы? Где же быть Васе? Все приходят утром к закрытым воротам. Среди путиловцев Вася видит своих друзей с «Анчара». Они вме-

[1] 8 марта по новому стилю.

сте, одной лавиной двинутся отсюда в растревоженный город...

Толпа бурлит у закрытых ворот. Ни одного звука не доносится с той стороны, от мастерских, чей привычный грохот всегда наполнял заставские улицы. Но почему их не пускают? Разве это не их завод?

«Эй, кто там, отворяй!»

Никто не откликается, но ворота уже не могут выдержать напора, они падают, открывая дорогу на пустынный двор, и люди устремляются туда, топча пушистый, свежий снег.

Это идут сегодняшние хозяева. Всё происходящее меняет свой масштаб на глазах. Вчера еще говорили: демонстрация, стачка. Сегодня на устах у людей одно слово: революция.

Революция! И комитет, занявший невысокое деревянное здание конторы по делам рабочих и служащих, получает название Временного революционного комитета. Кажется, он возник сам собой — восставшему народу нужен вожак, и вот он появился. Но Вася знает: подпольный большевистский райком позаботился о том, чтобы в комитете были верные люди. Один из членов этого комитета — он, Василий Алексеев.

Не снимая шапок, не расстегивая пальто, рабочие собираются у канцелярского стола, заваленного какими-то бумагами. Еще несколько дней назад нельзя было сделать в этой комнате и шага за деревянный барьер. Там была «святая святых» капитана Фортунато, вершившего судьбы десятков тысяч людей. Молчаливые конторщики, сверяясь с записями, определяли, кого взять на завод, кого не пускать на порог. В шкафах лежат под замками «черные списки». Тем, кто попал туда, не было доступа в мастерские. Лежат

и карточки тайных соглядатаев капитана Фортунато, продававших начальству товарищей по работе. Сейчас еще не до этих шкафов, революционный комитет пока не разобрался в их содержимом. Но коричневый барьер повален, люди заполнили контору. Прибегают ребята из мастерских — они успели обежать, осмотреть весь завод. Никого не видно, начальство исчезло. Завод в наших руках!

Нет, еще нельзя сказать, что в наших. Солдаты стоят в большом здании строительного цеха, примыкающем к Шелкову переулку. И в Путиловском театре, по соседству. Как поведут себя солдаты?

«Надо действовать очень осмотрительно, — говорит кто-то из меньшевиков, — неосторожность с нашей стороны может толкнуть войска на выступление против рабочих. У солдат оружие». — «Теперь осторожничать поздно! — с сердитой веселостью откликается Афанасьев. — Рубикон перейден, так ведь пишут историки? Началось! И если солдат до сих пор не двинули против нас, значит, начальство не надеется на них. Мы должны пойти к солдатам, потребовать, чтобы они не мешали». — «Правильно! Надо действовать, не ждать!»

Заводские большевики единодушны. И рассудительный Степан Афанасьев, и горячий Иван Генслер, и другие считают, что времени терять нельзя. Иван снимает телефонную трубку. С воинской частью можно созвониться.

«Кто говорит? Дежурный офицер? Временный революционный комитет Путиловского завода желает установить связь с вашей частью. Не знаете о нас? Ставим в известность, что существуем. Сейчас наши представители к вам придут».

К солдатам идет несколько человек. Как их встретят? Будут слушать... Или залп предупредит слова?

От этих вопросов тяжело и гулко стучат сердца тех, кто остался в конторе. А они, делегаты, идут — головы подняты, ноги меряют двор большими ровными шагами.

«Солдаты, товарищи и братья, — говорит Вася, — рабочий Питер вышел на улицы. Больше невозможно терпеть эти мучения, войну и голод. Мы выступаем за то, чтобы вас не убивали на фронте, чтоб не рушили ваше хозяйство в деревне, чтоб рабочего в три погибели не гнули. Разве вы станете нам мешать? Вы в шинелях, но вы же крестьяне и рабочие — как мы».

Солдаты плотно обступили нескольких парней в черных пальтишках. Офицеры молчат, и солдаты еще не заговорили. Они еще не решаются перейти открыто на сторону рабочих. Но они скоро решатся. А против они не выступят ни за что.

«Мы передадим путиловцам, что вы не пойдете против нас». — «Передавайте», — отвечают из толпы солдат.

Голосов слышно немного, но Вася читает ответ на лицах. И то, что написано на этих лицах, убедительнее слов.

Рабочие уходят, зная, что взяли верх. Им не выстрелят в спину.

Азарт борьбы владеет тысячами людей и счастливое предчувствие победы.

«Оружия!» — требуют ребята, прибегающие в контору, — пушечники, башенщики, судостроители. Свои ребята, со многими Вася знаком по подпольным кружкам. Тут и Андрей Афанасьев, и Василий Васильев, и Коля Андреев, и Петр Степанов...

«Где взять оружие?» — «У полиции ищите, — говорит Вася. — В участке много оружия. Забирайте!»

И они забирают оружие, штурмуя участок, разоружают городовых.

Это было уже после того, как они побывали на Знаменской площади у Николаевского вокзала. Пулеметные очереди, ударившие из окон, не погасили пламени, охватившего народ. Они только заставили искать оружие для боя.

На Знаменской площади по рабочим стреляла учебная рота лейб-гвардии Волынского полка, а на следующее утро еще затемно толпа рабочих идет к казарме волынцев. Надо объяснить им, в кого стреляли, надо сказать — пусть берутся за ум.

«Берегитесь, — предупреждают путиловцев, когда они, перейдя Литейный, приближаются к казармам. — Там пулеметы и пушки». — «Так ведь у пушек солдаты — мужики и заводские. Сговоримся».

Они стоят перед мрачным зданием казармы. Никого не видно, даже часовых. Но за стенами казармы тысячи солдат.

«Волынцы, революция! Бейте офицеров, выходите к народу!»

Какой-то гул доносится из казармы. Он смолкает, потом поднимается снова. Похоже, кричат «ура». Только кому?

И, словно отвечая на этот вопрос, раздаются во дворе казармы одиночные выстрелы, рев множества голосов, топот. Ворота раскрываются. Солдаты бегут навстречу рабочим, машут папахами, высоко поднимают винтовки над головой.

Вася вскакивает на каменную тумбу у панели. С ее высоты он видит, как прибывает и прибывает толпа. Перемешались черные пальто и серые шинели.

«Ура волынцам! Да здравствует революция! Долой войну!»

Вася говорит, и толпа всё теснее окружает его. Рослый кареглазый унтер-офицер в шинели нараспашку — под ней видны георгиевские кресты — жмет Васе руку. «Кирпичников, — называет он себя. — Куда пойдем, товарищи? Сейчас мы командира штабс-капитана Лашкевича порешили. Это он вчера приказал стрелять на Знаменской площади. Солдаты всё равно стреляли вверх. Только за пулеметами офицеры лежали».

Возбужденно и торопливо он рассказывает, как в казарме не спали всю ночь. Решили, что больше не выступят против народа. Лашкевич приказал построить роту в семь часов, а он, Кирпичников, построил в шесть. Уговаривать никого не пришлось. Лучше самим умереть, чем убивать рабочих. А Лашкевича угомонили пулей...

Путиловцы обнимают Кирпичникова. «Пошли выводить другие полки!»

Вместе с солдатами разных полков они идут на Выборгскую. Нужно только прорваться через Литейный мост. Выборгская сторона в руках рабочих...

Днем кто-то разыскал Васю у завода: «Давай быстрее в кооператив «Трудовой путь». Важное дело».

Он бежит на Обводный. В кооперативе уже Иван Генслер и Степан Афанасьев, народ всё время подходит.

«Звонили из Таврического, — говорит Генслер. — Собирается Совет рабочих депутатов. Сказали, чтоб мы выделили представителей от Нарвской заставы».

Их выделили тут же: Афанасьев, Алексеев, Генслер, Александров. Были и меньшевики. Представители их партии в думе прежде всего оповестили своих.

В Таврический ехали кружным путем на грузовике. На улицах народ стоял стеной. Стоило грузовику

задержаться, сразу начинался митинг. И Вася, и Афанасьев, и Генслер, наверно раз по десять выступали.

До Таврического добрались уже ночью. Шпалерная улица была забита солдатами, пришедшими выразить свою преданность революции, а перед ними произносили речи осанистые думские депутаты. Вася узнал грузного толстяка Родзянко — председателя думы. Тот говорил звучно и гладко.

Вася даже схватил за рукав Генслера: «Гляди-ка, и этот слуга престола революционером заделался. Видно, царь совсем пошел на дно».

Совет рабочих депутатов заседал в левом крыле дворца. Выступал меньшевик Чхеидзе, говорил о революции, о том, что власть перешла в руки Временного комитета Государственной думы.

Путиловцы не выдержали:

«А Совет? При чем здесь дума, в ней царских прислужников полно!»

Чхеидзе предпочел избежать спора и не ответил. Всё это было странно, и путиловцы долго обсуждали между собой: почему власть хотят отдать думцам, когда революцию делают рабочие и солдаты?

Ночью Вася с товарищами ездил на заводы. На улицах было темно. Неожиданно перед машиной вырастали вооруженные патрули, солдаты наводили винтовки в упор: «Стой! Предъяви документы!»

Показываешь пропуск, а чувство такое, точно становишься под расстрел. Кто его знает, этот патруль, чей он? Может быть, правда, революционные солдаты, а может, жандармы, — известно, что их переодели в солдатскую форму. Но раздумывать некогда — винтовки наведены и щелкают затворы...

Так проходит эта ночь — какой уж там сон! Под утро город снова наполняется народом — задолго

до рассвета. На Нарвской площади опять тысячи людей.

На краю площади — большая телега с дощатой серой вышкой. Она служит для починки трамвайных проводов, но это же прекрасная трибуна! Вася быстро взбирается на вышку, и сотни людей поворачиваются к нему. Он говорит горячо и страстно, не мешает и заикание, не мешает и то, что голос стал совсем хриплым, — сорван во время уличных выступлений. Он говорит о революции, о том, что она свершилась, о том, что она должна совершить...

Все эти картины мелькают в его памяти, прежде чем он засыпает наконец. Где-то хлопают выстрелы, порывистый теплый ветер пробует рамы в окнах. Ветер, как эта революция, — предвестник весны.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Большевистский райком обосновался на Новосивковской. Невысокий одноэтажный дом смотрит на улицу двумя окнами — свет в них не гаснет и ночью.

Вечером большая комната райкома становится клубом. Возвращаются агитаторы, выступавшие по путевкам райкома на заводах, в казармах, на улицах, забегают на огонек товарищи из партийных коллективов, заходят рабочие и солдаты, тянущиеся к большевикам. У всех за день накопилось много впечатлений, новостей, которые хочется обсудить, и вопросов, на которые надо получить ответ.

Прежде в этом доме была чайная. От нее остался большой бильярд с вытертым до белых ниток сукном. На бильярде давно уже никто не играет. На суконном поле свалены кипы газет, плакаты и какие-то бумаги. Но вокруг толпится народ. Кто сидит на скамей-

ке, кто устроился на самом бильярде, перекинув ноги через массивный борт. Здесь можно увидеть Станислава Косиора, парторганизатора района, совсем недавно вернувшегося из ссылки. Здесь частые гости Володарский, Толмачев и другие товарищи из ПК и Центрального Комитета.

Ребята с Путиловского, «Тильманса», «Кенига» знают, что, если нужно найти Васю Алексеева, следует заглянуть сюда. Целый день он носится по заставе. Он бывает на заводах, произносит речи на митингах, спорит в Совете с меньшевиками, а через несколько минут дирижирует на улице импровизированным хором — размахивает свернутой в трубку газетой и запевает «Интернационал». Вчера еще это была запрещенная песня, теперь ее поют везде...

Но где бы он ни был днем, вечером Вася обязательно забежит на Новосивковскую. «На минуточку», — скажет он товарищам — и сразу же ввяжется в спор. И застрянет, как другие, может быть, до утра.

Он будет обсуждать последние события — за Нарвской заставой и в мире.

— Ну, Вася, а новый стих сочинил на события дня? Прочитал бы, — скажет кто-нибудь. — И еще прочитай снова то, что написал после встречи Владимира Ильича.

И Вася не станет отказываться. Он не придает большого значения своим стихам. Они не для хрестоматий, просто хочется вылить свои чувства. Но раз написано, почему не поделиться с людьми?

Ты слышишь гул? Весенний гул...
Он нас к борьбе сейчас зовет,
Он нас в храм света поведет,
Он сгонит ночи злую тень...
Ликуй, мой друг, восходит день!

Вася впервые читал это стихотворение здесь, в шумной комнате райкома, возле бильярда. Оно сложилось само собой, когда они возвращались ночью от Финляндского вокзала. Шли по пустым улицам, было тихо и темно, но в ушах еще стоял ликующий и грозный гул тысячных толп народа, услышавших из ленинских уст, куда идти, как продолжать революцию и строить социализм на земле. Ночь, озаренная тревожным светом факелов, встреча революционного Питера с Лениным и Ленин на броневике — всё это врезалось в память и в сердце так, что уж никогда не сотрется и не забудется...

Время спешит в этой накуренной комнате, точно ему передалась владеющая людьми страстная и нетерпеливая устремленность вперед. Лишь далеко за полночь кто-нибудь взглянет на часы и даже присвистнет от удивления: скоро утро... Спорщики чуть виновато взглянут друг на друга и начнут укладываться — кто на огромном бильярде, кто на стульях и столах. Надо отдохнуть часок-другой перед новым нелегким днем.

Что же удивительного, если Ваня Скоринко и Саша Зиновьев, когда им нужно повидать Васю, спешат на Новосивковскую? Дело у них такое, что ждать нельзя, а дорога в большевистский райком им хорошо знакома.

Светлый вечер середины апреля. Весеннее солнце еще не успело высушить немощеные улицы заставы. Друзьям не терпится, и Ваня Скоринко, разбегаясь, перемахивает через лужи, хохочет, когда брызги веером разлетаются из-под его каблуков.

— Поберегись! — озорно кричит он, подражая извозчику-лихачу.

Скоринко высок и худ, глаза смотрят из-под выступающих вперед резко очерченных бровей. Его лицо

казалось бы тяжеловатым, если бы не постоянно вспыхивающая лукавая улыбка. Она преображает Ваню и располагает к нему. Одет он небрежно — темная косоворотка, потрепанные штаны. Идет по улице заводский парнишка, каких тут тысячи, веселый и бесшабашный, готовый помочь своим, осмеять чужаков, ввязаться без раздумий в драку, если дерутся «наши».

— Расскакался, — ворчит Саша Зиновьев, наблюдая за его прыжками и обходя лужи.

До чего же они не похожи друг на друга! Почти ровесники, но рядом с порывистым Скоринко Саша — сама степенность. И ему хочется скорее поговорить с Васей Алексеевым, но всё же идет он ровным шагом солидного человека и прыгать через лужи ни за что не станет. Те, кто ходит в отутюженных костюмах-тройках, в английских рубашках с отложным воротничком, кто носит черные картузы и ботинки, начищенные так, что хоть смотрись в них, — не прыгают на улицах. Вымытое с мылом лицо Саши блестит почти так же, как волосы, над которыми он немало потрудился. Насмешник Скоринко утверждает, что семья Зиновьевых скоро разорится на деревянном масле — не столько у них этого масла сгорает в лампадах, сколько выливает на свою голову Саша.

Вот какие они разные, а тем не менее друзья. Оба работают на Путиловском в башенной мастерской, оба были в подпольном кружке. Это они когда-то поразили Васю Алексеева, предложив простейшим способом свергнуть самодержавие, — требовалось только перебить городовых, и друзья были готовы начать немедля...

Тогда Васе пришлось экспромтом читать лѐкцию об индивидуальном терроре, потом рассказывать о социалистических союзах молодежи в западных

странах. Они долго говорили, что хорошо бы создать союз молодежи и у нас. Давно это было, пожалуй, больше года назад. Но дело, заставляющее Скоринко и Сашу искать сейчас Васю Алексеева, связано с тем давним разговором. Времена переменились. Год назад союз молодежи был для них только мечтой, теперь пора приниматься за его создание.

Станислав Косиор.

На Новосивковской много народу, несмотря на поздний час. В большой комнате райкома шумный разговор. Поминают Багдатьева и еще кого-то, не желающих понять, что революция должна идти вперед, к социализму.

— Теперь, когда приехал Ленин, всё становится ясно. В его тезисах сказано то, о чем мы много думали, только выразить не всегда умели, — как действовать дальше, каким курсом идти.

Говорит Станислав Косиор. Скоринко чувствует: разговор серьезный, надо послушать. И вместе с тем ему не терпится скорей поговорить с Васей. А Вася действительно здесь. Он сидит на подоконнике, внимательно слушает Косиора. Апрельские тезисы — это программа революции, их надо хорошенько понять.

Скоринко и Саша осторожно пробираются к Васе. Разговор в комнате меняет русло и растекается несколькими ручейками. В одной группе продолжают говорить о Багдатьеве и Каменеве, которые всё тянут не туда. В другой группе заходит речь о подозрительном поведении министра иностранных дел Милюкова, ярого сторонника империалистической войны. Впрочем, чего еще ждать от кадета.

Вася подвигается, освобождая место на подоконнике для Вани и Саши:

— Как, ребятки, дела?

— Читаешь «Новое время»? — говорит Скоринко, хлопая рукой по газете, которую держит Вася. — «Правду» сегодня видел?

Вася берет его за рукав:

— До «Нового времени» я, видишь, к ночи добрался. Что замышляет реакция, тоже знать надо. А «Правдой» начинаю день. Советую и тебе внимательно ее читать.

— Про то и разговор. Вот это объявление видел?

Скоринко достает из кармана смятый номер «Правды», показывает на строчки, напечатанные мелким шрифтом. 13 апреля в пять с половиной часов вечера на Выборгской стороне, в столовой завода «Русский Рено», состоится общегородское собрание представителей заводской молодежи.

— Да, — замечает Вася. — Я это видел. Поехать вот не мог. Мне надо было на митинге выступать.

— А мы там были. До чего здóрово, ты бы знал!

Скоринко говорит, торопясь и жестикулируя, а Саша Зиновьев степенно кивает головой. Он вынимает черную книжечку, похожую на те, в которые приказчики мануфактурных лавок записывают проданный товар.

— У меня тут всё. Я тебе расскажу по порядку. Устроили это собрание представители от Выборгского района...

— А ты знаешь, как мы туда попали? — перебивает его Скоринко. — Нам ведь в мастерской не разрешали. Меньшевики и эсеры из цехового комитета уперлись, как козлы. Поругались мы с ними, страсть! Еще издеваются. «Вам бы, — говорят, — устроить митинг тех, что на ночных горшках сидят. А то соберите всемирную конференцию новорожденных. Только пеленки запасите...» За это ведь и по шее отвесить можно, ты как, Вася, считаешь?

— Можно. Только вы расскажите толком, что и как там было.

Наконец всё-таки они начинают рассказывать более или менее спокойно. Говорит преимущественно Скоринко. Саша Зиновьев смотрит в свою записную книжку и уточняет:

— Это не Бурмистров предложил. Это господин Шевцов.

— Какой еще, к чертям, господин? Студент? Ну, пусть он, от этого не легче, — отмахивается Скоринко.

Постепенно Вася узнаёт о событиях дня.

Началось с того, что Ваня Скоринко взял в цеховом комитете свежий номер «Правды», развернул и натолкнулся на объявление.

«Сашка, гляди! Надо и нам представителей выбирать. Какое может быть без путиловцев общегородское собрание?» — «Пойдем в цеховой комитет договоримся о выборах делегатов», — согласился Саша.

Но цеховой комитет запретил собирать молодежь. Хватит, мол, что вы вместе со взрослыми на собрания ходите. Пускают вас — и будьте благодарны. А отдельные собрания вам ни к чему.

— Ну ты объясни мне, пожалуйста, почему они против молодежи? Что мы, теленка у них съедим? — горячится Ваня Скоринко.

— Тут, знаешь, бо́льшим, чем теленок, пахнет, — смеется Вася. — В вашей мастерской собрание молодежи в том месяце было? Было. И в других тоже. Молодежь прав для себя требует. Она требует, чтобы ей прибавку давали, как взрослым, и чтобы ей рабочий день сократили. Бо́льшая часть заводских ребят за наши большевистские лозунги стоит. Что же ты хочешь, чтобы меньшевики и эсеры помогали молодежи проводить большевистскую линию? Этого от них не дождешься.

— Ну, мы на «Рено» всё равно пошли. Потолковали с ребятами в мастерских, они говорят: идите. Я Сашке мандат подписал, что он представитель от путиловской молодежи, а он мне.

— А что же там всё-таки было, на «Рено»?

— Собрались в столовой. Название у нее шикарное — «Зимний сад», но, между прочим, ничего особенного, даже довольно темно. Народу было тоже не очень густо, зато из разных районов: кто из-за Невской, кто с Петроградской стороны, кто с Васина острова. Больше всего выборгских пришло.

Постепенно для Васи проясняется картина этого собрания. У выборжцев возникла хорошая мысль — пусть молодежь выйдет на первомайскую демонстрацию самостоятельными колоннами, пусть она идет со своими собственными знаменами впереди района. Это будет первая свободная маевка в России, и заводская молодежь открыто, так, чтобы все слышали, скажет о своих требованиях и стремлениях. Выборгские большевики поддержали ребят, посоветовали вести агитацию по всему городу. Надо объединять молодежь. Вот

для этого и устроили собрание в столовой завода «Русский Рено».

— Толковые ребята были? — интересуется Вася.

— Разные. В общем-то свойский народ, — говорит Скоринко, — хотя в голове не у всех ясно. Сам понимаешь, ученики, совсем еще зеленые ребята — лет по пятнадцать—семнадцать. Я одного там приметил сразу, как мы пришли. Бегает, суетится, кричит, не разобрать что. «Ну, — говорю Сашке, — не иначе анархист. Или психический или анархист». Верно сказал я так, Саша?

— Сказал, правда. Только давай Васе по порядку о собрании расскажем.

— Сейчас по порядку. Но про того парня, между прочим, я точно определил. Анархистом и оказался.

— Что же там решили?

— Ты меня послушай, — говорит Саша Зиновьев. Он медленно листает черную книжечку. — Во-первых, о молодежных колоннах. Чтобы они шли Первого мая впереди каждого района...

— А с какими лозунгами, говорили?

— Из-за лозунгов больше всего и шуму было, — снова оттесняя Зиновьева, говорит Скоринко. — Бурмистров, анархист, с «Нового Лесснера», предлагал такой лозунг: «Трепещите, тираны, молодежь на страже!»

— Да, это на них похоже, — замечает Вася. — Грозно и неопределенно. А еще?

— Еще эсеры надрывались. У них лозунг: «Молодежь, в борьбе обретешь ты право свое». Но сколько ни кричали, а в конце концов ребята признали то, что предлагали большевики. Главное — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а потом: «Да здравствует

шестичасовой рабочий день!» Это для учеников, конечно, шестичасовой, для тех, кому лет мало.

— А кто от большевиков выступал?

— Большевики и взрослые были. Во-первых, Чугурин. Он нас, молодежь, от имени Выборгского районного Совета приветствовал, и еще Крупская. На учительницу похожа.

— Крупская, Надежда? — переспрашивает Вася. — Да ведь это жена Ленина, Владимира Ильича. Что она говорила, запомнили?

Вася знает Ивана Чугурина. Тот появился в Питере в шестнадцатом году, поступил жестянщиком на завод «Промет». От Путиловского до «Промета» далеко, через весь город надо ехать — на Выборгскую сторону. Но и путиловским большевикам имя Чугурина стало вскоре известно. Особенно хорошо его узнали после февральских дней. Член Петроградского комитета партии и Выборгского райкома, Чугурин вел большую работу в Совете. А 3 апреля, в тот незабываемый вечер, когда питерские рабочие встречали Владимира Ильича Ленина, Вася видел Ивана Дмитриевича Чугурина на Финляндском вокзале. Это Чугурин, взволнованный и торжественный, подошел тогда к Ленину.

«Владимир Ильич, — сказал он, — я товарищ Петр. Мне поручено в ознаменование вашего возвращения на родину вручить вам партийный билет. Большевики-выборжцы считают вас членом своей организации».

Чугурин вручил Ленину партийный билет № 600 большевистской организации Выборгского района.

Они были уже знакомы с Лениным, и Владимир Ильич узнал его: «Благодарю вас, товарищ Петр. Мы с вами встречались в Лонжюмо».

Ленин обнял Чугурина и крепко расцеловал.

Потом Васе рассказывали, что Чугурин, хоть и не

стар, давно участвует в революционном движении, член партии с 1902 года. Он — друг Якова Михайловича Свердлова, вместе работали в Нижнем, вместе сидели в тюрьмах, вместе были в Нарымской ссылке. Чугурин помогал Свердлову организовать побег.

Рассказывали, что в тюрьмах Чугурин прошел основательный курс политических наук. А настоящей академией была для него партийная школа во французской деревне Лонжюмо. Там он познакомился с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Каждое утро в крестьянском сарае собирались слушатели школы. Владимир Ильич прочитал им десятки лекций по политической экономии, по теории и практике социализма, по аграрному вопросу. Ленин был с ними на занятиях и в часы, когда они отдыхали...

Если партия послала на собрание заводских мальчиков таких своих работников, как Крупская и Чугурин, очевидно, она придает ему большое значение. Еще в марте Петроградский комитет большевиков подчеркивал в своем решении, что партийные организации должны заботиться о политической работе среди рабочей молодежи. И партия ведет эту работу, поручает ее видным, известным товарищам.

— О чем же говорила Крупская? — переспрашивает Вася товарищей.

Ее выступление они запомнили хорошо.

— Первым делом передала привет заводской молодежи от партии большевиков, — сообщает Скоринко. — Потом говорила, что молодежь обязательно должна объединиться в свой союз. Рассказала про социалистические союзы молодежи в европейских странах. Я еще вспомнил наш кружок, как он в деревне Волынкиной собирался. Ты нам тоже тогда про

эти союзы говорил. Сказала она и про Социалистический Интернационал Молодежи. Собрание и решило, как она предлагала, создать союз рабочей молодежи и чтобы он входил в Интернационал, в союз, значит, молодежи разных стран.

— С Крупской на собрание еще иностранный товарищ приехал, из союза молодежи, датского, что ли, — вставляет Саша Зиновьев, листая свою записную книжку. — Этот товарищ объяснял, как они у себя в Дании работают, а Крупская переводила, что он по-своему говорил. Их так и засыпали вопросами. Целый час на них отвечали, а то и больше. У иностранного товарища, видать было, даже воротничок мокрый стал.

— Какого вы студента еще вспоминали? — спрашивает Вася. — Что там был за студент?

— Шевцов по фамилии, — отвечает Зиновьев.

— Ох и говорун! — вмешивается Скоринко. — Такие речи закатывал, просто держись. Вообще выступлений было много.

— Вы-то выступали? — спрашивает Вася.

— Я выступил. Как услыхали, что от путиловцев, так аплодировать стали. Я даже не знал, куда деваться. Здо́рово хорошо приняли в общем...

Скоринко пожимает плечами немного растерянно и смущенно:

— Вот только что́ я говорил, убей — не повторю сейчас. Может, ты, Сашка, записал?

— Ну, тебя я не записывал. По-моему, правильно говорил — что путиловская революционная молодежь уже объединяется, что мы давно хотели создать свой союз молодежи и теперь будем в первых рядах. Ну еще, что требуем права выбрать своего представителя в исполком районного Совета — от молодых рабочих. А подробнее ты сам должен помнить.

— Как выдуло из головы... Всё-таки мне еще никогда на таких собраниях говорить не приходилось.

— Ничего, — улыбается Вася. — Выступать теперь часто придется. Это же замечательно, что молодежь везде стремится к объединению.

Ребята рассказывали довольно сбивчиво, но Вася понял, — собрание было очень важным. Поводом для его созыва послужило предложение мальчиков завода «Русский Рено» организовать на демонстрации Первого мая отдельные колонны молодежи. Большевики поддержали эту идею. Организация молодежных колонн, конечно, поможет сплочению заводских ребят, станет важным шагом к созданию союзов молодежи.

— Надо действовать, — говорит Вася. — Первое, что нам нужно, — это собрать молодых рабочих по заводам и в районе.

Он вдруг вскочил с места:

— А времени-то, братцы, совсем мало. До Первого мая — пять дней. Да и не пять, четыре только, сегодняшний уже прошел... Посоветуемся с товарищами в райкоме партии, и завтра — за дело...

Утром Скоринко и Зиновьев снова пробовали завести разговор в цеховом комитете башенной мастерской. Им надо освободиться на несколько дней для общественной работы. Но разговор опять ни к чему не привел.

— Вот еще деятели нашлись! — пожал плечами председатель цехкома. — Какие это вы отдельные юношеские организации придумали? Баловство, и ничего больше...

Расстроенный, Скоринко передал этот разговор Васе.

— Мы своего добьемся, — ответил тот. — А что говорит ваш председатель — это ерунда. Меньшевистская ерунда!

Через день на заводском дворе появилось объявление. Оно извещало, что после работы в проходной конторе будет общее собрание рабочей молодежи. Возле объявления всё время стояли группы людей — и мальчиков и взрослых. Обсуждали, зачем собрание, надо ли молодежи объединяться. Впрочем, сомневающихся в этом было немного. Молодежь говорила о предстоящем объединении с восторгом.

И на собрание народ валил валом. Пришло тысячи три юношей да еще, чего Вася и его друзья не ждали, примерно столько же взрослых.

Конечно, проходная была мало приспособлена для собраний, да еще таких многолюдных. Залов на шесть тысяч человек во всем Питере, пожалуй, нельзя было найти. Но поместились. Стояли плечом к плечу, задние дышали в затылок тем, кто был впереди. И не расходились до ночи.

Вот и пришлось Скоринко делать доклад перед тысячами людей. Правда, о положении рабочей молодежи, о задачах ее будущего союза и о праздновании Первого мая сказал Вася. После него говорить было уже легче. Что должен представлять собой союз, чем заниматься? Вася говорил обо всем этом ясно и подробно.

— Задача союза — бороться за экономические и политические требования молодежи. Мы никогда не смиримся с тем, что ее ограничивают в правах. Разве можно терпеть, что заводских мальчиков заставляют работать, как взрослых,—не только днем, но и ночью— и платят за одинаковую работу меньше? А почему молодежи не выплачивают прибавки на дороговизну? Какое же это равенство, хотели бы мы знать? И какое тут равенство, какая свобода, если молодым рабочим даже не дают права участвовать в выборах. Рабо-

тать можно, а выбирать, выражать свою политическую сознательность и волю нельзя? Мы с этим будем непримиримо бороться.

Вася говорил о том, что союз посвятит себя социалистическому воспитанию рабочего юношества.

Ваня Скоринко рассказывал о собрании на «Русском Рено». Что-то, может быть, упустил, но его дополнил Саша Зиновьев, вышедший на трибуну со своей записной книжкой.

Не всем пришлось по душе сказанное Васей и его друзьями. В те дни эсеры и меньшевики пользовались влиянием на заводе. Вылез на трибуну и анархист Зернов. На его нечесаной гриве сидела засаленная панама, надвинутая на самые глаза. Они были черны как угли. Черно было и лицо, давно не видавшее воды. Зернов выступал путано и шумно.

Спорили много, но решения приняли те, которые предлагал Вася Алексеев. Собрание призывало рабочую молодежь объединяться в коллективы, провести в ближайшие дни районную конференцию для создания союза. За то, чтобы выйти на первомайскую демонстрацию самостоятельной молодежной колонной со своим знаменем, голосовали все.

После собрания народ хлынул из заводских калиток таким густым потоком, точно окончилась смена.

На улице было тепло и ясно.

— Погодка какая! — засмеялся Вася. — Небеса и те приветствуют создание союза рабочей молодежи.

Он поднял, как дирижерскую палочку, свернутую в трубку газету, взмахнул ею:

Пусть красное знамя собой означает
Победу рабочего люда...

Ребята подхватили песню, и она понеслась над Петергофским шоссе.

Так они и шли — те, кому надо было к Нарвским воротам, и те, чей путь лежал в противоположную сторону. Не хотелось расставаться.

— Завтра на другие заводы, — говорил Вася. — Я займусь «Анчаром», потолкую с молодыми большевиками. Времени мало. На каждый завод надо комунибудь пойти. Созывайте ребят, пусть выбирают делегатов на районное собрание молодежи.

Он оглядел друзей:

— Ты, Ваня, давай на фабрику Кенига. С этими девчатами не просто, подход надо иметь. Ну, ты парень боевой, не сробеешь.

И другие тут же получили задания:

— Тебе на «Треугольник» идти.

— Тебе — к «Тильмансу».

— Тебе на Екатерингофскую мануфактуру...

Кто-то из ребят деловито осведомился:

— А если не пустят?

— Очень может быть, что где-нибудь и не пустят. Завкомы, в которых сильны эсеры и меньшевики, наверно, будут против. А вы с молодежью связывайтесь. Пройти в цеха не сможешь — заводи разговор у ворот, сагитируй тамошних ребят. Знакомых парней найдешь потолковее, ну и объясни, в чем дело. Пусть тогда сами устраивают собрание. Но это на крайний случай. Важно, чтоб и твое слово услышали. Ты же не от себя будешь говорить — от путиловской молодежи.

Устраивать собрания оказалось в самом деле нелегко. Завком «Треугольника» отказал путиловскому делегату, просившему созвать молодых рабочих. И в мастерские ему пройти не разрешили: «Нечего баламутить».

Было такое и в других местах. Но всё равно собрания на заводах проходили, хотя и против воли меньшевистских завкомов. Все крупные заводы и фабрики прислали своих делегатов на первую петергофско-нарвскую конференцию рабочей молодежи. К семи часам вечера в назначенный день парни и девушки заполнили зал ремесленного училища Путиловского завода. Получить это помещение тоже было не просто, но тут помог путиловский завком. Не зря его председателем был большевик Антон Васильев, — уговаривать его не пришлось.

Открыть конференцию поручили Саше Зиновьеву. «За солидность», — сказал Скоринко. Действительно, «солидность» Саши бросалась всем в глаза. В зале было шумно и весело. Ребята с разных заводов тут же знакомились и через минуту разговаривали так, словно знали друг друга с самого рождения. Все были между собой на «ты». Только Саша Зиновьев был «вы». К нему на «ты» ребята не обращались.

Пока Саша говорил положенные слова об открытии конференции, Вася смотрел в зал. Он давно не был тут, с тех пор как учился в ремесленном. Тогда их приводили в этот зал для молитвы. Они стояли, не смея шелохнуться под пронизывающими взглядами мастера и попа. Теперь все парни и девушки в серой, поношенной одежде чувствовали себя здесь как хозяева. Бледные лица свидетельствовали о том, как мало достается ребятам свежего воздуха и сытной еды и как много тяжелой работы. Но в глазах было веселое, нетерпеливое ожидание и непреклонная решимость.

Долго разглядывать зал Вася не мог. Через минуту он должен был взять руководство конференцией в свои руки. Его выбрали председателем, ему принадлежало первое слово — для приветствия от районного комитета

партии большевиков, он делал на конференции и основной доклад: о текущем моменте и задачах объединения молодежи.

И здесь, как на Путиловском заводе, доклад вызвал бурю. Одни неистово аплодировали, другие, настроенные на эсеровский и меньшевистский лад, шумели о «единении сил». Зернов выбежал к столу президиума с криком: «Протестую!» Против чего он протестовал, было трудно понять. Он ругал социалистов, поносил всякую власть, восхвалял анархию — «мать свободы». Кому-то из ребят, еще не искушенных в политике, он, наверно, казался самым большим революционером. Другие хохотали, глядя, как он мечется на трибуне. Собрание одобрило доклад Васи Алексеева и приняло резолюцию большевиков.

Потом еще долго спорили, как назвать руководящий орган нового союза. Предлагали: исполком, районный комитет...

— Больно это громко — комитет. Заважничают! — закричал какой-то парень.

Его слова встретили неожиданную поддержку. Всё-таки большинству участников было по четырнадцать—шестнадцать лет.

Решили назвать — организационное бюро.

— Ладно, бюро так бюро, организационное так организационное. Занималось бы делом, — сказал, успокаивая товарищей, Вася.

Важно было, кто войдет в бюро. Выбрали трех членов большевистской партии — Васю Алексеева, Ваню Скоринко, Сашу Зиновьева, четырех беспартийных, левого эсера Васильева, анархиста Зернова и двух меньшевиков.

— Беспартийные ребята пойдут за нами — наше большинство будет, — заметил Вася.

В тот вечер Вася рано пришел домой. Даже младшие ребята еще не спали.

Анисья Захаровна обрадовалась:

— Вот хорошо, хоть сегодня посидишь с нами, уж и не помню, когда вместе чай пили.

— Мне опять уйти надо, маманя. — В его голосе звучала извиняющаяся нотка. — А к вам просьба... Погладили бы мне пиджак, очень уж вид неважный. Да чистую рубашку бы мне на завтра.

Анисья Захаровна не привыкла к таким просьбам, на одежду Вася никогда не обращал внимания. Она подняла внимательные, вопрошающие глаза. В конце концов, парню двадцать исполнилось. Она была уже замужем в его годы.

И Вася, как всегда, понял, о чем думает мать. Он рассмеялся весело и легко, обнял Анисью Захаровну за плечи:

— Нет, невестку я вам пока не приведу. Не приглядел еще. Вы же знаете, мама, завтра Первое мая. Хочется поаккуратнее одеться для праздника.

Мать грустно и ласково глядела на него:

— И правда, уж время мне внуков нянчить. А ты только демонстрации и собрания знаешь. Ладно, принарядим тебя... Вот и брюки залатать надо, только я это утром пораньше, когда спать будешь. Брюк-то у тебя ведь нет на смену.

Но как ни рано поднялась Анисья Захаровна на следующее утро, ей не удалось привести Васину одежду в такой порядок, как хотелось. Работы, сказать по правде, было много, а он тоже вскочил ни свет ни заря.

— Спасибо, маманя, хватит. Я и так буду франтом.

Не терпелось скорее на улицу. Он вышел из дому, когда весеннее солнце только вставало над городом, золотя край бледно-синего неба. В непривычной тишине громко и празднично щебетали птицы. Всё сулило ясный, теплый день, и от этого еще радостнее и торжественнее становилось на сердце.

У моста через Емельяновку Васю окликнул Петя Кирюшкин. Он тоже выглядел не так, как обычно: надел белую рубашку, начистил до нестерпимого блеска сапоги.

— Не спится? Куда спешишь, Папаня?

Он назвал Васю детским прозвищем, как его давно уже никто не называл. В этом была душевная ласковость, необычная для Петра. Но Вася не удивился. Ведь и день был необычным. Впервые они шли на маевку, не думая о нагайках и ружейных залпах, шли на праздник, а не на бой. Но и этот праздник обещал

быть боевым. Они шли отстаивать свои лозунги, свои знамена.

— Хочется же всё посмотреть, — как анчаровские собираются и как путиловцы. Молодежь, знаешь, своей колонной пойдет, впереди района. — Он улыбнулся другу: — Да и чего спать в такое утро? Ты вон тоже не утерпел.

Они пошли вместе, с жадным интересом глядя вокруг. Улица оживала на глазах. Из ворот заставских домишек люди выходили семьями, отцы и матери вели за руки ребят. Еще не было семи, времени до начала демонстрации оставалось много, но, видно, не только Васе и Кирюшкину не сиделось дома. Возле ворот Путиловского уже чернела толпа, громко звучали песни. А народ всё шел.

Это была праздничная толпа — те самые люди, которые выходили гулять на Петергофское шоссе на пасху и в рождество, но они были сейчас совсем другими. Что-то новое читал Вася на лицах. Их выражение было торжественным и вместе с тем настороженным. Люди шли на свой рабочий праздник, право на который оплачено кровью. Они завоевали это право, но не были вполне уверены, что смогут воспользоваться им. Они чувствовали — одни ясно и отчетливо, другие смутно пока, — что за это право им еще надо будет бороться, как за все права, которых они добивались.

Потом, когда колонна выстроилась, Вася оглянулся и не увидел конца. Изгибающаяся вдоль шоссе, звенящая песнями и музыкой, путиловская колонна двигалась, плыла через заставу под красными парусами знамен. Сорок тысяч рабочих вышли с женами, детьми, стариками.

— Тут населения на губернский город, — сказал Петя Кирюшкин, следя за взглядом друга.

— Путиловская губерния, — рассмеялся Вася, — другой такой во всей России не сыщешь.

А во главе «Путиловской губернии» шла молодежь, ребята четырнадцати—семнадцати лет. Вася хорошо знал эту озорную заставскую вольницу. Он видел ее совершающей набеги на огороды, и он видел ее под огнем пулеметов штурмующей полицейские участки в февральские дни. Сейчас она несла знамена и самозабвенно пела еще недавно запрещенные песни. «Отречемся от старого мира...» — выводили юношеские голоса. Днем это пение услышал на Марсовом поле Максим Горький.

«Да, они, наверно, найдут в себе силы отречься от старого мира, очистить души от его ядовитых влияний», — с надеждой сказал он.

Вася всё смотрел на ребят. Они шли организованно, они несли знамена, дорогие его сердцу. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — было написано на красных полотнищах. Они требовали: молодежи политические права, шестичасовой рабочий день, бесплатное обучение! То были требования большевиков.

Но долго стоять и разглядывать колонну ему не пришлось.

— Здравствуй, Вася! Вася, к нам! — кричали со всех сторон.

— Вася, рассуди, — просил парнишка, ростом немного больше аршина, — почему мне не дают нести знамя? Что я, хуже их?

Он выразительно кивнул в сторону ребят, крепко державших древко.

— Вон нас сколько на каждое знамя, — оправдываясь, заговорил один из знаменосцев, — не разорвать же на всех.

— Рвать, положим, было бы действительно глу-

по, — засмеялся Вася. — Но по очереди нести можно. Каждый из вас тогда будет знаменосцем.

— Только меня пусть не последним в очередь назначают! — крикнул мальчишка. — Я скорей хочу.

Кругом были знакомые, кругом были друзья. С каждым хотелось переброситься веселым словом, обменяться шуткой. А демонстрация шла вперед — мимо Нарвских ворот, через Фонтанку, обогнула Покровский рынок...

Застава осталась далеко позади. Тут город выглядел по-другому. На Петергофском шоссе не было зрителей. Все, кто вышел из домов, присоединялись к демонстрации. Чем ближе к центру, тем больше народу заполняло тротуары. Обыватели прикололи к лацканам пиджаков пышные красные банты. Одни приветственно махали демонстрантам руками, другие заискивающе улыбались. Третьи выжидательно молчали. На их лицах было тревожное недоумение. Они словно приготовились к тому, что вот сейчас произойдет нечто немыслимое и ужасное, и были удивлены, почему это ужасное не начинается.

День по календарю был будний, но все магазины, лавки и лавчонки стояли с закрытыми ставнями, с пудовыми замками на дверях. Даже уличных торговцев, всегда шмыгающих по тротуарам с плетеными корзинами на голове, не было видно. Даже асфальтовое полукружие возле Покровской церкви было свободно от лотков, которые заполняли его по утрам, образуя серый полотняный городок с мясными, рыбными, овощными, мануфактурными улицами, переулками и тупиками. Одни торговцы тоже праздновали, другие были напуганы этим праздником.

Только неустрашимая рать мальчишек-газетчиков осталась верной своим обычаям. Они бежали резвой

рысцой, выкрикивая названия газет и сенсационные сообщения, которых, впрочем, в газете можно было и не найти, читай ее хоть целый день подряд. Вася просматривал газеты на ходу и делился впечатлениями с друзьями. Тон буржуазной печати был заискивающим и лицемерным, как физиономии торговцев и чиновников, которые стояли на тротуарах между Покровским и Александровским рынками. Буржуазные газеты слащаво твердили о всенародном единении. Для них революция была окончена, поскольку правительство, пришедшее к власти, было их правительством. Они не хотели продолжения внутренней борьбы. Им нужно было, чтобы продолжались военные действия на фронте.

— А вот наш ответ! — Вася показал на плакат, который несли солдаты-запасники пехотного полка, прикрепив к штыкам высоко поднятых винтовок. «Война до полной победы над буржуазией!» — было написано на плакате.

— Уточнили лозунг на рабочий и крестьянский лад!

Городские улицы, казалось, были не способны вместить людское половодье. Демонстрация часто останавливалась, а в переулках теснились другие колонны, готовые влиться в нее. Путиловцы шли на Исаакиевскую площадь. Там происходил митинг. Летучие митинги возникали и по дороге — во время остановок.

Васе хотелось, чтобы все обратили внимание на плакат, который несли солдаты.

— Товарищи! — закричал он, взобравшись на крышу парадного одного из домов. — Вот как надо поступать с лозунгами буржуазии! Будем поворачивать их, как оружие, против нее!

Район, через который они проходили, был заселен ремесленниками, торговцами, служилым людом. По-

добные речи были у них не в чести. Упитанные господа морщились и отходили. Кто-то кричал: «Долой!». Васю обозвали немецким шпионом, пробовали стащить с подъезда. Но сейчас тут были путиловцы, тут были солдаты, — и господам самим пришлось убираться прочь.

Во время одной из остановок к Васе протолкался Зернов:

— Здравствуй, Алексеев. Что у вас тут за митинг?

— Митинг уже окончился. Танцы хотим устроить. Плясать умеешь? Выходи в круг.

Действительно, в кругу, образованном демонстрантами, кто-то уже пошел вприсядку.

— Я сюда не танцевать явился...

Зернов посмотрел на хорошеньких девчат из шрапнельной, пустившихся в пляс, потом махнул рукой и стал доставать из кармана мятые брошюрки.

— Чем плясать, почитали бы лучше. Тут про анархизм написано.

— От такого чтения только муть в голове, — сказал Вася. — Ты бы умную книжку взял.

— Читаю, может, не меньше твоего.

— Читаешь, я знаю. Только что — вот вопрос. Нет, ты мне скажи, ну какую книгу вчера читал?

— Вчера?—Зернов взглянул на Васю с вызовом.— Представь себе, Пинкертона читал. Запретишь ты мне, что ли? Вчера Пинкертона, в другой раз Кропоткина...

— Вот у тебя Пинкертон с Кропоткиным и перемешались. Прямо сказать, ядовитая смесь.

Кругом засмеялись, и Зернов с яростью поглядел на ребят.

— Видал? — проговорил он, поднося кулак к носу стоявшего рядом парнишки. — Каждого угощу этим, кто посмеет смеяться над анархизмом.

— Сильный аргумент у тебя, — сказал Вася. — Может быть, еще револьвер вытащишь? Тогда все сразу перейдем в анархистскую веру.

— Ты не перейдешь, а другие еще встанут под черное знамя.

Зернов показал на похоронно-мрачный флаг, который несла группа анархистов. «Трепещите, тираны, молодежь на страже!» было написано на флаге, выделявшемся, как черный обломок, в море красных знамен.

— Я думаю, по-другому будет, Зернов. Будет так, что те ребята тоже сменят черное знамя на красное. Это же рабочий народ.

В последнее время Вася присматривался к Зернову. Анархистов за эти недели развелось немало. То была очень шумная и пестрая публика. Анархистом успел объявить себя и Ванька Бык — главарь заставских хулиганов. В февральские дни Бык со своей шайкой разграбил квартиру генерала Дубницкого — директора Путиловского завода. Дубницкого они зарубили и бросили в Обводный канал. Бык вырядился в генеральскую одежду, щеголял в лакированных сапогах и перепоясался блестящими ремнями, на которых висела сабля с золотым эфесом, и что-то вопил об анархизме.

Вася был в путиловском революционном комитете, куда рабочие привели Быка. Дубницкого путиловцы ненавидели, но какого он заслуживал наказания, решать было не Ваньке Быку. Революция делалась чистыми руками. Приговор вынесли единодушно. Мародера расстреляли на Петергофском шоссе возле заводского забора.

Зернов был человеком иного рода: очень горячий и нетерпеливый парень. Он работал на заводе, читал действительно много и беспорядочно, проглотил мас-

су бульварной литературы. Книги описывали жизнь князей и графов, а Зернов рос в гнетущей, беспросветной нищете, и описания красивой жизни богачей вызывали в нем лютую ненависть. Он ухватился за анархизм, позволявший, как ему казалось, быстрее всего разделаться с теми, кто жил за народный счет. Его девизом было «Смерть сытым!». Как лучше устроить жизнь голодных, — об этом он задумывался меньше. Зернов стал завсегдатаем дачи Дурново, где устроили свой штаб петроградские анархисты. Туда он старался завлечь и товарищей.

— Ты еще не был в Дурново? — спрашивал он обычно, знакомясь с каким-нибудь рабочим парнем. — Чудак, там знаешь, как интересно! Обязательно сходи. И почитай, кто такие анархисты.

С этими словами он всовывал в руку новому знакомцу одну из тех брошюрок, которыми были набиты его карманы.

Зернов был страстной и беспокойной натурой. Он оказывал влияние на часть заводских ребят. Потому его и выбрали в организационное бюро союза молодежи. К созданию союза он отнесся с жаром, но Вася понимал, что с Зерновым еще будет много хлопот.

— Рабочий народ силен тем, что все вместе, а если каждый станет орать на свой лад и размахивать кулаками... Без организации, без порядка и цех прахом пойдет, тем более государство. Глупо спорить — нужна ли власть. Надо ее брать в свои руки.

Вася говорил не столько для Зернова, сколько для ребят, окружавших его.

Между тем демонстрация Петергофского района уже вливалась в широкую и просторную чашу Исаакиевской площади, освещенную ярким горячим солнцем. Посредине площади стояли грузовики,

превращенные в трибуны. На здании Мариинского дворца был натянут большой красный плакат: «Да здравствует Интернационал!»

— Ну и корежит, наверно, министров, когда они это читают! — засмеялся Петр Кирюшкин.

— Пускай знают, что думает и чего хочет рабочий класс!

С одного из грузовиков выступал щеголеватый поручик. Он говорил цветисто, голос у него был высокий, царапающий слух. Он ратовал за войну до победного конца. Новенькие портупейные ремни на плечах поручика громко скрипели. Перед грузовиком остановились солдаты и вызывающе подняли плакат, на котором было написано: «Помещики — в окопы!»

С Исаакиевской площади пошли на Марсово поле, где было больше всего народу. Там с трибуны говорил Ленин. Толпа, заполнявшая поле от казарм до самого Летнего сада, всё время двигалась, накатывалась на основание импровизированной трибуны. Тысячи людей слушали, воспринимали всем сердцем ленинские слова о пролетарском празднике, о путях революции.

Как всегда, ленинские слова отвечали на самые важные, коренные вопросы, волновавшие народ. Февральская революция не дала ни мира, ни хлеба. Чтобы выйти из империалистической войны, завоевать подлинную свободу, получить землю и хлеб, надо вырвать власть у буржуазии.

— Долой войну! Да здравствует мир и борьба за пролетарскую социалистическую республику!

Так закончил свою речь Ленин.

Он звал вперед, он указывал путь. Великий сеятель бросал добрые семена в почву, где они должны были дать могучие всходы.

Это был необыкновенно яркий и памятный день.

СОЮЗ НАЧИНАЕТ ЖИТЬ

Всего через три дня после Первого мая Вася вместе с товарищами снова шел на демонстрацию в колонне тысяч путиловцев, анчарцев, рабочих «Треугольника» и «Лангензиппена».

Те же улицы, по которым они проходили Первого мая, те же заполненные зрителями тротуары... Но многое изменилось за три дня. Вокруг знамен, провозглашавших: «Вся власть Советам!», шли красногвардейцы с винтовками. Знамена надо было защищать. Сытая публика в центральных кварталах уже не улыбалась демонстрантам прежней льстивой улыбкой. На тротуарах стояли хорошо одетые господа, офицеры и великовозрастные гимназисты. Они встречали рабочих откровенной злобой, осыпали их бранью. Откуда-то доносились выстрелы. Несколько раз юнкера, выскакивая из боковых улиц, налетали на демонстрантов, пытались вырвать из их рук

знамена. Приходилось вступать в рукопашные схватки...

Народ узнал о ноте Временного правительства, официально заверившего союзников, что оно будет соблюдать все обязательства, данные царем, что оно готово продолжать войну до полной победы. И разразилась буря. Вася Алексеев вместе с другими ребятами приходил в Петергофско-Нарвский союз рабочей молодежи прямо с собраний и демонстраций, еще разгоряченный схватками с меньшевистскими и буржуазными ораторами.

Союз молодежи в эту пору делал свои первые шаги. Работа в нем была важным партийным делом, требовавшим много внимания, сил.

Васю избрали председателем организационного бюро союза, секретарем — Скоринко. Два большевика стояли во главе организации, но были там и меньшевики, эсер, анархист. Их противодействие чувствовалось постоянно. Споры возникали по каждому поводу и часто продолжались до утра. Молодая горячность спорщиков еще больше обостряла разногласия, а точки зрения по всем коренным вопросам расходились.

Забот появилось много. Большое и малое переплеталось, и как было их разделить?.. Следовало думать о политической линии союза — и о том, чтобы найти комнату, где бы он мог обосноваться. Это тоже оказалось не просто. Сдавать помещение организации рабочей молодежи домовладельцы не хотели. Одни прямо отказывали, другие заламывали очень высокую плату. Ребята и не пробовали торговаться. Денег организация не имела. В районном Совете верховодили меньшевики и эсеры. На их содействие рассчитывать было трудно. Ребята всё же обратились туда, но, занятые высокой политикой, руководители Совета долго не хотели даже

говорить с ними. Потом свели весь разговор к шуточке:

— Да разве вам можно отдельное помещение давать? Малы, шалить станете...

Зернов бушевал:

— Экспроприировать помещение — и точка! Займем вооруженной силой. Пусть попробуют нас прогнать. А то можно напасть на какой-нибудь банк. Возьмем деньги у капиталистов и снимем шикарную квартиру.

Его предложения не принимались всерьез, но Зернов от этого кипятился еще больше.

— Жалкие рабы священной частной собственности, — кричал он, — буржуев тронуть боитесь! Разве они не грабители?

— Они-то грабители, но мы грабителями не станем. Будет наша власть — придет частной собственности конец. Только возьмет ее в свои руки народ, рабочий класс, а каждый не станет рвать по куску, как ты предлагаешь.

Вася не только сдерживал Зернова, — в конце концов именно Вася нашел помещение. Поговорил в райкоме большевиков, и там согласились: помочь ребятам надо, начато важное дело. Возможности райкома были тоже ограничены. Потеснились и отдали союзу молодежи одну комнату в доме на Новосивковской. Комната была маленькая, проходная, но и партийная организация жила тесно — занимала всего две комнаты.

Зернов снова пришел в ярость.

— Протестую! — кричал он. — От имени фракции анархистов. Мы в кабалу к большевикам не пойдем!

Эсер Васильев тоже протестовал. Он обычно шел за Зерновым, хотя они и принадлежали к разным

партиям. Меньшевики мялись. Ничего определенного они предложить не могли, а где-то поместиться союзу было необходимо.

Беспартийные члены оргбюро поддержали Васю, и через несколько дней организационное бюро устроилось на Новосивковской. Зернов с Васильевым, сменив гнев на милость, тоже пришли туда. Лица у них были надутые, но оба старались вести себя так, точно ничего не случилось.

Заседали в союзе по вечерам, — днем все были на заводах. И на этот раз заседание было назначено на семь часов. Как обычно, пришли не только члены организационного бюро. В комнате стало тесно. Ребята стояли вдоль стен, сидели на полу. Скамеек не хватало.

Вопросов надо было решить много. Это были разные вопросы, и среди них такой, как название союза и его лозунг.

Вася Алексеев говорил о том, что союз — организация рабочей молодежи. Для чего мы объединяемся? Чтобы отстаивать свои интересы, добиваться прав, которые нам необходимы. В союз идут юноши и девушки разных взглядов, многое им не ясно, им надо учиться, чтобы стать полноценными борцами, но все они стремятся к светлому будущему, а это светлое будущее — социализм.

— Хоть мы и пришли на Новосивковскую, а в большевики себя записывать не позволим! Протестую от имени фракции анархистов! — кричал Зернов.

— Никто тебя в большевики записывать не собирается. Еще семь раз подумали бы, если б ты и просил. Организация у нас самостоятельная, молодежная. Большевики на ее самостоятельность не покушаются. А цель свою мы определить должны. Эта цель — сде-

лать из молодых рабочих хороших социалистов, которые сумеют бороться за социализм и строить его. Так или нет?

— Так, так, Вася! Правильно! — зашумели ребята.

— Конечно правильно. Другие придумывают ничего не говорящие названия, вроде Союза заводских мальчиков или Объединения рабочих-учеников. Всерайонную организацию хотят назвать «Труд и свет». А много ли говорит это название? Им можно прикрыть что угодно. Знаете общество «Маяк»? Кадетская организация, живет на деньги русских и американских буржуев. Капиталисты деньги зря не дают, особенно американцы, а обществу «Маяк» их отпускают щедро. В чем же дело? Говорят, что «Маяк» приобщает молодежь к спорту и к культуре, а на самом деле он отвлекает ее от революционной борьбы, настраивает против социализма. Вот что скрывается под названием «Маяк». И под названием «Труд и свет» можно скрыть нечто в этом роде. А нам нужно название, которое сразу бы говорило, какая у нас организация и к чему она стремится. Мы предлагаем назвать ее Социалистический союз рабочей молодежи.

Со всех сторон требовали слова. Одни решительно поддерживали Васю, другие еще не имели определенного мнения, но всё равно хотели говорить. Зернов, по обыкновению, оглашал «декларацию от имени фракции анархистов».

— Никакого социализма! Предлагаю назвать союз «Свободными юношескими федерациями». Мы будем всеми средствами бороться за это название.

Кто-то поддакнул Зернову, он стал шуметь еще громче:

— Я в Социалистическом союзе быть не могу. Если примете такое название — уйду. У меня другой путь!

Название, предложенное Васей, приняли подавляющим большинством голосов. Зернов сидел, отвернувшись от товарищей и, запустив руку за ворот расстегнутой рубахи, ожесточенно скреб грудь. Почесывался он постоянно. Друзья Зернова утверждали, что это от раздумья, другие говорили, что просто надо чаще ходить в баню, тогда и раздумья не будут одолевать. Как бы то ни было, Зернов скреб грудь и сидел на месте. Уйти он мог, но многие ли пошли бы за ним?

Час был уже поздний. Воздух в комнате стал сизым от табачного дыма.

— Поесть бы чего,—мечтательно заметил кто-то,— всех вопросов до утра не перерешаем, а в животе давно уже пусто.

Есть хотелось, конечно, каждому, и раз уже зашел об этом разговор...

— Устроим перерыв, — сказал Вася. — У кого есть деньжата? Может, чего-нибудь раздобудем...

Начали рыться в карманах. Деньги выкладывали на стол.

— У меня ни копейки, — поджав губы, сказал Саша Зиновьев, — совершенно без средств.

— На портфель копишь? — поинтересовался Ваня Тютиков.

Портфель был мечтой Зиновьева, и ребята знали о ней.

— А может, новой порки боишься?

Саша высокомерно посмотрел на товарищей. Его круглое лицо стало багровым:

— Попросил бы без глупых шуток. Тем более на заседании.

Кругом хохотали. Трудно было представить себе важного Сашу Зиновьева в положении школяра, которого отец дерет ремнем, но случай такой был, и со-

всем недавно. Зиновьев сам сгоряча рассказал о нем Ване Скоринко, а тот не стал держать эту историю в тайне...

Потом Зиновьев убеждал себя, что порки ему нечего стыдиться. Он пострадал за убеждения. Когда союз только создавался, Зиновьев много ходил по фабрикам и заводам, организуя собрания молодежи. Меньшевики из цехового комитета отказались признать это общественным делом. Зиновьеву и Скоринко, который тоже тогда почти не работал, за пропущенные дни не заплатили. Пришлось уйти от кассы ни с чем. У обоих были вечером неприятные разговоры с родителями, но отец Зиновьева разговором не ограничился: он взял ремень и выдрал Сашу. Парню шел уже девятнадцатый год, а выглядел он значительно старше своих лет. Для товарищей Саша был воплощением солидности, но отца очень боялся...

Кругом смеялись, и сколько ни убеждал себя Зиновьев, что порка не могла повредить его авторитету, раз он пострадал за идею, в глубине души он не был в этом уверен, потому и сердился всё сильнее.

— Ладно, Саша, чего обижаться, — потянул его за руку Сеня Минаев, один из самых молодых ребят в организационном бюро. Он держал большой жестяной чайник, взятый у райкомовского сторожа. — Пошли за кипятком, а то трактир закроют.

Через несколько минут они вернулись, неся чайник, из носика которого валил пар, несколько леденцов без бумажек и черные лепешки. Зиновьев аккуратно разрезал лепешки на председательском столе. Заседание продолжалось. Надо было решить вопрос о лозунге. Вася Алексеев предложил принять слова Коммунистического Манифеста — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», давно уже ставшие боевым кличем

передовых рабочих. Это вызвало новый приступ ярости на «скамьях анархистов».

— Долой! — кричал Зернов. — Я не позволю ставить на наш союз социал-демократическую печать!

— Не шуми, Анархо-реклама, — союз у нас социалистический. Так и в названии утвердили, — пытался его осадить Скоринко. Он назвал Зернова прозвищем, которое за ним прочно утвердилось. Но сейчас это только добавило масла в огонь.

— Не признаю! Я смою ваше название кровью!

Зернов выхватил револьвер и направил его на Скоринко:

— Доставай оружие! Будем стреляться!

— К порядку! Прекрати хулиганские выходки, — призывал председатель. — Тоже дуэлянт нашелся.

Ребята навалились на Зернова. В свалке он успел стукнуть кого-то рукояткой револьвера.

— Вздӯть его, чтобы помнил! — весело кричал Скоринко, тесня Зернова в угол.

Не сразу удалось водворить порядок. Пока председатель, за неимением колокольчика, стучал карандашом по жестяной кружке, Зернову изрядно намяли бока. Наконец ребята, отдуваясь, стали рассаживаться по местам.

— Всё равно я протестую, — бормотал Зернов.

Трудно было понять, против чего он протестует — против полученных тумаков или против лозунга, предложенного Васей. Но разговор с ним был еще не окончен.

— Есть предложение исключить Зернова на два заседания. Чего он тут дуэли устраивает? Исключить за графские замашки и хулиганство, — сказал Скоринко.

— Не имеете права! — снова вскочил Зернов.

Но предложение поддержали. За него проголосовали без прений.

— Значит, на два заседания? — переспросил Зернов. — А присутствовать я могу?

— Без права голоса. Чтоб тебя, значит, не слышно было.

Зернов сел и больше не проронил ни слова, даже когда большинством голосов утвердили лозунг, с которым он никак не мог примириться: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Он только ерзал на скамейке, почесывался и сверлил товарищей глазами. Рта не открывал. Юридически он на заседании не присутствовал. А в этом анархисте странно сочетались крикливая неорганизованность и глубокое почтение ко всяким правилам парламентской процедуры.

ПЕТР ШЕВЦОВ

Когда Петр Шевцов приехал из Воронежа в Петербург, он еще не представлял себе ясно, как завоюет столицу. И кем он станет, тоже еще не решил. Среди его знакомых много говорили о Столыпине. Шевцов разглядывал его портреты, печатавшиеся в журнале «Нива». Лицо у Столыпина было самоуверенное, властное, и Шевцову хотелось стать таким же самоуверенным, властным и могущественным, как Столыпин.

Но в том году на маленькой станции Астапово, в глубине России, умер Лев Толстой. Его имя было у всех на устах, оно произносилось почти с молитвенным восхищением. Вчерашнего воронежского гимназиста Шевцова это захватило. Он еще в старших классах чувствовал склонность к писательству. Учитель словесности хвалил его слог, знакомые барышни переписывали в альбомы его стихи, восторгаясь их изысканностью

и богатством чувства. «Что вы, какой я поэт, — говорил Петя, потупясь, — просто мое отношение к вам немыслимо выразить будничными словами». Теперь он мечтал о славе писателя, о том, что проживет долгую-долгую жизнь, как Толстой, а когда умрет, вся Россия пойдет за его гробом, осознав, какое яркое светило померкло.

Впрочем, представляя себя то Столыпиным, то Толстым, он хотел избежать крайностей, которые, как он считал, допускали оба великих человека. Он не был бы так жесток в расправах с революционерами, как Столыпин, не стал бы вступать в конфликт с государством и церковью, как Толстой. Прежде, в младших классах гимназии, Шевцов думал, что может сделаться знаменитым революционером, русским Маратом или Дантоном. В 1910 году он уже об этом не помышлял. В той среде, где он рос, революция стала немодной.

Пока, однако, надо было считаться с волей родителя, желавшего видеть своего первенца врачом. Шевцов поступил в Военно-медицинскую академию. Тут были свои пути к славе. Он видел себя уже великим хирургом, как Пирогов, или лейб-медиком императорской фамилии, как профессор Федоров. Кто знает, не ему ли суждено спасти от смерти наследника — цесаревича Алексея, страдавшего тяжелым недугом — гемофилией. Как будет прекрасно, если именно Петр Шевцов остановит роковое кровотечение у Алексея, который к тому времени станет, может быть, уже императором всея Руси.

Этой надежде не суждено было осуществиться в силу разных причин. Алексей не стал царем, а Шевцов врачом. Через два года он писал: «Неизменно гнетущим образом действующие на психику анатомические

работы над трупами вынудили меня выйти из числа студентов Военно-медицинской академии». У него оказалась слишком тонкая и впечатлительная натура. А в остальном он был примерным слушателем, и ротмистр Максимов, надзиравший за будущими военными врачами, написал свидетельство, что Петр Григорьевич Шевцов «ни в чем предосудительном в стенах академии замечен не был и поведения был отличного».

Война с Германией застала Шевцова студентом университета. Он был уже и сотрудником «Маленькой газеты», о которой говорили, что она только называется маленькой, а в действительности большая дрянь. Газета была бульварная, но платила хорошие гонорары. И к тому же с ее помощью можно было получить отсрочку от призыва в армию, что было весьма существенно в военное время. Шевцов счастливо избежал окопов, а свои горячие верноподданнические чувства каждодневно выражал на страницах «Маленькой газеты» и, кроме того, написал трагедию «Бельгийцы», героем которой сделал короля Альберта.

Трагедия успеха не имела, но дела Шевцова шли, в общем, неплохо. Он снимал квартиру на Большой Дворянской, вращался в обществе литераторов-декадентов, модных адвокатов и врачей с богатой практикой. К двадцати семи годам он привык носить сюртуки и визитки от хороших портных, а если прежние товарищи видели его в студенческой тужурке, это было просто данью демократизму.

Слава что-то задерживалась, но в конце концов всё еще было впереди.

Февральскую революцию Шевцов принял с восторгом, совсем забыв, что собирался идти по столыпинской стезе. Он, правда, не участвовал в демонстрациях,

не штурмовал полицейские участки, но с готовностью приколол к тужурке большой красный бант.

Он понял: пришло его время. Знакомые адвокаты рванулись к общественной деятельности, занимали видные посты в министерствах.

Кумиром Шевцова стал Александр Федорович Керенский. Шевцов подражал его походке и жестам, манере речи, посвящал ему полные восторга корреспонденции в «Маленькой газете». Впрочем, газета перестала его удовлетворять. Надо было найти более прямой путь к общественному признанию и успеху.

Поэт Бердников, входивший в организованный Шевцовым литературный кружок, сказал как-то, что собирается на завод «Новый Парвиайнен», где будет собрание рабочей молодежи.

Шевцов сразу заинтересовался:

— Я бы хотел пойти с вами. Собрание заводских мальчиков — это очень интересно! Мы просто обязаны быть внимательными к молодежи из народа, особенно в нынешнее бурное время.

Он подумал, что перед ним открывается долгожданный путь. А что если он призван стать вождем молодого поколения рабочих?

На собрании Шевцов был необычайно оживлен и любезен. Ребят собралось в тот раз немного. Они еще плохо знали, что следует делать. Шевцов был старше их всех, он был начитан и очень хотел произвести впечатление. Ему это удалось. Гриша Дрязгов — молодой токарь, тянувшийся за меньшевиками, смотрел на него восхищенно. А Шевцов, чувствуя себя в ударе, с пафосом говорил о святом долге прогрессивных сил прийти на помощь молодым братьям из рабочего класса в их прекрасном стремлении к свету, самоусовершенствованию и счастью.

После собрания — оно было недолгим — Гриша Дрязгов провожал Шевцова домой, смущенно улыбался, когда тот клал ему на плечо руку и называл юным другом. Шевцов сказал, что с интересом посетил бы общегородское собрание рабочей молодежи, которое будет завтра в «Зимнем саду» завода «Русский Рено», и Дрязгов сразу пригласил его, не без гордости заметив, что он — один из организаторов этого собрания.

— Значит, до завтра, — сказал, прощаясь, Шевцов. — Может быть, вы зайдете за мной перед собранием? Поедем туда вместе. Извозчик будет ждать.

Дрязгов с благодарностью кивнул головой.

Так Шевцов попал в организацию рабочей молодежи. Его речь в «Зимнем саду» была несколько туманна, но зато полна красивых слов всё о том же стремлении к самоусовершенствованию, свету, о вековечных основах и красоте жизни.

Шевцов предложил образовать общегородской центр — Всерайонный совет рабочей молодежи — и любезно согласился войти в него в качестве деловода, как он сказал. Ребята не очень хорошо поняли, что это значит — «деловод». Если вроде делопроизводителя, то пост невелик, но Шевцов собирался вести *все* дела.

Районы на первом общегородском собрании были представлены неполно, своих представителей во Всерайонный совет выделила только Выборгская сторона.

Это были Григорий Дрязгов и Павел Бурмистров — меньшевик и анархист.

Вошел еще в совет и Анемподист Метелкин, ученик токаря с «Русского Рено», — круглолицый подросток в заломленной панамке, с живыми бегающими глазами. Ростом он был так мал, что, выступая, должен был становиться на стул, иначе его не видели. Он жаждал деятельности, но взгляды его были еще довольно

сумбурны. Ему не исполнилось тогда и шестнадцати лет.

После собрания Дрязгов опять пошел провожать Шевцова, позвав и Бурмистрова с Метелкиным. Они говорили о своей дальнейшей деятельности. Шевцов был полон энергии.

— До Первого мая надо выпустить воззвание к молодежи. Написать его беру на себя. Прошу пожаловать вечерком семнадцатого числа[1]. И вообще, пока наш совет не имеет своего помещения, можете свободно располагать моей квартирой...

Вечером семнадцатого они пошли к Шевцову. Бородатый швейцар, стоявший в парадном, подозрительно оглядел плохо одетых мальчишек. Дверь открыла хорошенькая горничная в белой наколке. Члены совета топтались на площадке.

— Петр Григорьевич здесь живут? — неуверенно спросил Бурмистров. Он как-то утратил свою шумливость.

— Барин, к вам, — громко сказала горничная куда-то в глубину квартиры.

Шевцов уже выходил в переднюю, застегивая потертую студенческую тужурку, надетую поверх белой пикейной сорочки.

— Рад видеть вас, друзья. — Он повернулся к горничной: — Даша, подайте чай в кабинет.

Первомайское воззвание лежало на письменном столе. Шевцов взял листок и стал читать — выразительно, по-актерски. Всё было как в его речах — красиво и расплывчато.

Анемподист Метелкин пытался сделать какие-то поправки:

---

[1] Первое мая праздновали 18 апреля (по старому стилю).

— Чтоб ясней было, за что бороться.

Шевцов остановил его:

— Мне кажется, общие наши идеалы нашли свое выражение. Более конкретно вряд ли стоит говорить в воззвании. У нас будет программа. И учтите, следует избегать вмешательства в вопросы, служащие предметом политической борьбы. Здесь присутствуют люди разных убеждений. Есть товарищи, близкие к меньшевикам, есть сочувствующие эсерам и анархистам. Я — внепартийный социалист. Но... — он простер руки, словно хотел прижать юношей к своей тужурке, — мы должны быть едины, невзирая на партийные расхождения. Революция свершилась. Царизм свергнут, капитализм рушится. Об окончательной победе над ним пусть позаботятся наши отцы и матери. Мы — молодежь, и объединяемся движимые не враждой, а любовью и надеждой. Нас соединяет жажда жизни, исполненной красоты. Мы хотим сделать себя просвещенными гражданами и тружениками — артистами своего дела. Об этом, как вы слышали, и говорится в воззвании.

Метелкин снова попробовал что-то возразить.

— Да, я понимаю, — Шевцов снисходительно улыбнулся. — Воззвание можно бы отшлифовать, обогатить мыслями, которых так много у каждого из нас. Но мы ограничены местом. И временем. Надо напечатать листовки к завтрашнему утру. Я имею договоренность с Народным домом. Нам предоставят ротатор, но идти туда следует немедля. Скажете, что от Петра Григорьевича, и вас проведут в канцелярию. А бумага у меня приготовлена.—Он достал из жилетного кармана часы и сокрушенно вздохнул. — Сожалею, что не могу идти с вами. Увы, обременен делами.

Он проводил их, любезно улыбаясь, до дверей.

Только в Народном доме, перечитывая пачкающие краской первые листки с ротатора, Метелкин обратил внимание на подпись, стоявшую под воззванием: «Петроградская пролетарская юношеская организация «Труд и свет».

— А почему «Труд и свет»?

Никто не мог ответить.

— Красивое название, — неуверенно сказал Дрязгов. — Петр Григорьевич писатель, он понимает. А вообще можно позвонить ему по телефону...

Но Шевцова дома не оказалось.

— Кто спрашивает? — поинтересовалась горничная. — Ах, это вы, что давеча приходили?

Дрязгову послышались в голосе горничной насмешливые нотки.

— Барин в гости уехали. Раньше утра не вернутся.

Дрязгов смущенно повесил трубку. Время было позднее, ждать они не могли и стали снова печатать...

Так появилось название «Труд и свет».

Вася Алексеев его истории не знал. Он еще не встречался с Шевцовым, только слышал о его выступлении от Вани Скоринко и Саши Зиновьева. Но название настораживало, и Вася говорил об этом товарищам без обиняков.

28 апреля спор о названии возник в «Зимнем саду» завода «Русский Рено». Всерайонный совет собрался там на свое первое заседание. Всерайонным он фактически еще не был. От многих районов не пришло ни одного представителя — не успели прислать. Выборгскую сторону в совете представляли пять человек, и все они тогда шли за Дрязговым. А Дрязгов шел за Шевцовым. От Нарвско-Петергофского присутствовали только двое — Скоринко и Зернов. На следующий день у Васи Алексеева произошел с ними крупный разговор.

Вася был возмущен тем, что утвердили название «Труд и свет».

— Что же вы глядели? Не могли объяснить ребятам, куда их тянут?

— Объясняли. Я говорил, что нам такое название не подходит, — оправдывался Скоринко. — Мы свое предлагали — Социалистический союз рабочей молодежи. Да Шевцов стал доказывать, что, мол, не надо связывать себя ни с какими партиями. Молодежь должна быть вне политики...

— А вы не понимаете, что это тоже политика, только не наша, а кадетская? — разволновался Вася.

— Не послушали нас...

— Эх, надо было пересчитать этому Шевцову зубы... — оживился Зернов.

— Ну, ты только и знаешь кулаки. Они голову в политике не заменяют, — проговорил Вася. — А за Социалистический союз мы будем бороться.

РАЗНОГЛАСИЯ ОБОСТРЯЮТСЯ

Это была пора, когда бурно развивалось движение рабочей молодежи. Молодежь чувствовала себя обездоленной еще сильнее, чем взрослые, а Временное правительство и не думало идти ей навстречу в самых насущных нуждах и требованиях — ни прибавки, ни сокращения рабочего дня, ни избирательных прав... В рабочих районах создавались юношеские организации. Называли их по-разному, социалистическим назывался пока только один союз — Петергофско-Нарвский, но боевой дух рабочей молодежи давал себя знать повсюду. Правда, в организациях было еще немало меньшевиков, эсеров, анархистов, но они не могли повести массу рабочих ребят по дороге, на которую толкали шевцовы, — в сторону от политической борьбы.

В Петергофско-Нарвском районе возникли даже две молодежные организации. Социалистический

союз рабочей молодежи объединял подростков до восемнадцати лет. Юноши от восемнадцати до двадцати одного года создали свой клуб. Назывался он культурно-просветительным и социалистическим клубом Нарвско-Петергофского района. Его организовали молодые рабочие Путиловского завода и верфи: А. Афанасьев, В. Смирнов, Устинов, Тихонов, П. Степанов, П. Толстов и другие. Часть их еще до революции входила в кружок Васи Алексеева.

Организаторы клуба ходили по заводам и фабрикам, собирали молодежь, обсуждали с ней, как должен работать клуб. Средств не было никаких. Исполнительная комиссия по организации клуба просила оплатить товарищам хотя бы потерянное рабочее время. Председатель путиловского завкома большевик А. Е. Васильев поддержал просьбу, но, когда дело дошло до председателя районного Совета, тот написал: «По принципиальным соображениям отказать».

Районный Совет отказал и в средствах, и в помещении. По тем же «принципиальным соображениям», которые выдвигались меньшевиками, — мол, отдельные организации молодежи не нужны.

Помог снова большевистский райком. По его настоянию клубу разрешили разместиться в школе на Старо-Петергофском, в доме 28. Потом клуб стал получать от районного Совета и кое-какие средства. На этом тоже настояли большевики.

А главной заботой было то, чтобы клуб по-настоящему политически просвещал молодежь. Под его крышей начали было свивать гнезда анархисты и эсеры. Тогда большевистский райком поручил Васе Алексееву и Ване Тютикову активно заняться клубом. Вася и Тютиков стали там постоянно бывать. Иван работал в правлении. Вася ходил на лекции, на танцы, на спек-

такли драматического кружка. А если в какой-то день и не мог заглянуть в клуб, он всё равно знал, что там делается.

Однажды в клуб позвали какого-то либерального деятеля — читать лекцию о литературе. Вася устроил такую головомойку организаторам лекции, что даже самоуверенный скандалист Зернов почувствовал себя виноватым. Разволновавшись, Вася изрядно выругал их. Как же это? Ведь им доверили просвещать молодежь, а они позволяют сбивать ее с толку. Разве можно терпеть, чтобы всякие кадеты проповедовали здесь свои взгляды?

Зернов растерянно смотрел на Васю и чесал затылок. Кадетов и он терпеть не мог, хотя выражал это по-своему, анархистски: устраивал налеты на отделение кадетской партии за Нарвской заставой, скандалил там на собраниях и буквально терроризировал почтенных инженеров из управления завода и лабазников, посещавших кадетские сборища... После этого случая организаторы клуба уже не забывали посоветоваться с Васей, какого пригласить лектора и о чем читать лекции.

Вскоре клуб объединился с Социалистическим союзом молодежи.

...Через годы, вспоминая то время, товарищи поражались, какую неимоверную нагрузку нес Вася Алексеев. Тогда это как-то не бросалось в глаза. Он не сетовал, что занят, принимал с готовностью каждое поручение. Его карие глаза горячо глядели на мир, на лице часто появлялась добрая улыбка. Дел хватало и на «Анчаре». Надо было создавать Красную гвардию и добывать для нее оружие, воевать с дирекцией, налаживать работу заводского комитета, заниматься расценками и финансовыми делами...

— Ну что ж, — говорил Вася. — Теперь восьмичасовой рабочий день. Хоть явочным порядком, а ввели его. Можем и общественными делами заняться.

Однако почти каждый день приходилось бывать на других заводах, выступать на митингах, в районном Совете... Всё это отдалило встречу Васи с Шевцовым, прямую схватку между ними. Но она должна была произойти неизбежно.

На некоторое время связь между Социалистическим союзом рабочей молодежи Петергофско-Нарвского района и организацией «Труд и свет» совсем прекратилась. Скоринко и Зернов ушли оттуда, хлопнув дверью. Очень уж явно старался Шевцов со своими «оруженосцами» оторвать рабочую молодежь от политической борьбы.

Путиловцы возмущались, слушая, как он отговаривал заводских представителей от участия в демонстрации молодежи. Она всё-таки состоялась — вопреки его стараниям — в середине мая. Молодые путиловцы вышли на Марсово поле. Навстречу двигались колонны ребят с «Лесснера», с Обуховского, «Сименса-Шуккерта», с Пороховых. Красные знамена спускались на площадь с выгнутой спины Троицкого моста, колонны демонстрантов выносили их из устья широкой, как река, Миллионной улицы, из стиснутого горла Садовой.

На плакатах были требования: «Шестичасовой рабочий день для подростков!», «Всеобщее бесплатное обучение!», «Долой эксплуатацию детского труда!», «Мир — хижинам, война—дворцам!», «Да здравствует социализм!»

Иван Скоринко раздельно и громко, во весь голос, читал лозунги, написанные на плакатах, то и дело оборачиваясь к друзьям.

— Эх, ну где, вы только мне скажите, этот Шев-

цов? Пусть поглядит, чего требует молодежь. Скучно станет ему...

Высокий, остроглазый Иван зорко оглядывал поле, заполненное девушками и подростками:

— Вон синюю хоругвь несут. Ей-богу, одна на всю демонстрацию, а красных знамен не пересчитать.

По-ораторски выкидывая руку, он говорил, подражая Шевцову:

— Мы должны хранить свою беспартийность, как девицы целомудрие... Красные знамена несут кровь, и мы пойдем под синими, потому что синий—это цвет неба, цвет свободной морской стихии. Синие блузы — у рабочих, синие петлицы — у студентов... Чего там еще синее, ребята? Я думаю, физиономия у Шевцова сейчас синяя от злости. Не вышло! Рабочая питерская молодежь идет под красным знаменем.

Недели через две, как ни старался предотвратить это Шевцов, вопрос о правах, о требованиях молодежи возник и на Всерайонном совете.

На заседании путиловцы познакомились с Петром Смородиным. Невысокий коренастый парень, с непослушным чубом, падавшим на большой, широкий лоб, вошел в комнату, широко распахнув дверь. На секунду остановившись, он быстро оглядел всех зорким взглядом из-под насупленных бровей. Потом, присмотрев себе место, уселся и как-то легко и просто вступил в разговор, словно давно знал, о чем идет речь.

В нем совершенно не чувствовалось стесненности, робости, которые сковывали многих ребят. Напротив, он и через порог переступил словно говоря всем своим видом: «Вот и я! Разве такое дело может обойтись без Петьки Смородина?».

Петр был постарше многих собравшихся на заседание, почти ровесник Васи Алексеева. Он уже обладал

определенным политическим опытом, товарищи смотрели на него как на вожака, но он меньше всего походил на «юных лидеров» вроде Дрязгова, старавшихся всячески подчеркнуть, какое бремя «общественного долга» они несут на своих плечах. Нет, Смородин был истинным сыном рабочей окраины — бесстрашным и озорным, любящим крепкую шутку. Свою биографию он, не без вызова, излагал короткими словами:

— Кухаркин сын.

Отца у него уже не было — Иван Смородин пропал без вести на фронте, а мать в самом деле работала кухаркой у господ без малого восемнадцать лет. Впрочем, ко времени революции Петя Смородин обладал и собственной немалой биографией.

Его детство прошло в деревне. После трехклассной школы, совсем еще ребенком, он батрачил в помещичьем имении, а в четырнадцать лет приехал в Питер и поступил учеником на фабрику Шаплыгина. Фабрика Шаплыгина на Петроградской стороне выпускала медицинский инструментарий для госпиталей. Была она небольшой, Петя Смородин звал ее «шарагой», но круг интересов его давно не ограничивался фабрикой.

За два года до революции Смородин стал членом революционного кружка молодежи, возникшего на Петроградской стороне. Боевой по природе, горячо интересовавшийся всем, что рассказывали ребятам пропагандисты, он быстро обратил на себя внимание товарищей. Его выбрали председателем кружка.

Организация рабочей молодежи на Петроградской стороне возникла немного позже, чем в Петергофском и Выборгском районах. Запевалами в ней были ребята с трикотажной фабрики «Керстен» — самого большого из районных предприятий. Молодежи на фабрике работало много, условия труда там были очень тяжелые.

Юноши и девушки решительно предъявляли свои требования и не хотели терпеть никаких проволочек. Они с возмущением отвергали все уловки соглашателей из фабкома, обещавших рассмотреть нужды молодежи «немного погодя». На своем собрании шестьсот молодых рабочих фабрики предъявили фабрично-заводскому комитету «ультиматум». В нем говорилось:

«Рабочая молодежь фабрики «Керстен» требует, чтобы представитель фабисполкома молодежи входил в фабком рабочих с правом решающего голоса. Ваш же представитель к нам должен входить с правом совещательного голоса, так как никакая организация не может вмешиваться в дела молодежи и ее исполком — вполне самостоятельный орган».

Ребята давали фабкому двухдневный срок, угрожая стачкой. Об этом случае знали и на Путиловском заводе.

В мае на Большой Монетной улице проходило первое собрание фабрично-заводских исполкомов молодежи Петроградской стороны. Больше всего на нем было керстеновцев. Пришли и представители заводов Гейслера, Дюфлона, «Вулкана», гардинной фабрики и других. Фабрика Шаплыгина среди всех этих предприятий была, пожалуй, самой маленькой, но когда стали выбирать председателя районного бюро союза, все единодушно называли именно представителя фабрики Шаплыгина. Петю Смородина знали в районе. В эту пору он уже вступил в партию большевиков.

На заседании Всерайонного совета Скоринко и его товарищи сразу почувствовали в Смородине надежного союзника и единомышленника.

Петр Смородин и был одним из тех, кто заставил включить вопрос о шестичасовом рабочем дне, о политических правах молодых рабочих в повестку заседания Всерайонного совета. Выступал он недолго, без

ораторских приемов, которыми щеголяли многие ребята в ту митинговую пору, — спокойно и твердо говорил о том, что надо действовать, и немедля. У рабочего класса есть своя организация — Советы рабочих депутатов. Им должна принадлежать власть в стране. Через Советы пролетарская молодежь добьется выполнения своих требований, политических прав.

Спорили долго. Шевцов разглагольствовал о молодой горячности, о том, что не следует поддаваться разыгравшимся страстям:

— У нас есть правительство, Временное правительство, созданное революцией, ему доверено решать дела государства. Если вы считаете, что надо возбудить эти вопросы, что ж, не станем возражать. Но давайте обратимся к Временному правительству. Оно, без сомнения, прислушается к нашему голосу и сделает всё, что возможно. В правительстве есть министры-социалисты, мы можем всецело положиться на них.

— Знаем этих социалистов. С буржуями за одним столом сидят, одну песню поют. Нет им доверия!

В комнате зашумели. Скоринко горячо поддерживал Смородина. Зернов вскакивал со стула, топал ногами:

— Хватит, чего там говорить! Ввести шестичасовой день с завтрашнего дня! Отработал шесть часов — бросай инструмент и за ворота! Кто не пойдет, с тем, как со штрейкбрехером, короткий разговор. Таким — по загривку или гайкой угостить, враз поумнеют.

Шевцов поднимал руки, призывая к порядку, и тряс председательским колокольчиком. Он был теперь официальным председателем исполнительной комиссии, главой всей организации. «Вот тебе и деловод...» — с удивлением подумал Скоринко.

Вообще с исполнительной комиссией получилось как-то странно. Она возникла точно сама собой. Кто

ее выбирал? Бо́льшая часть районов тогда еще и своих представителей не успела прислать, а тех, кто был, хотя бы петергофцев Скоринко с Зерновым, тоже не спросили — преподнесли готовое. Вот, мол-де, наши вожди: Шевцов — председатель, товарищ председателя — Дрязгов, казначей—Метелкин и еще Бурмистров, Цепков да Кузнецов. Два анархиста, эсер, меньшевик, один играющий во «внепартийность» и один мальчонка, который еще сам не всегда знает, чего хочет.

Теперь эти «вожди» произносили длинные речи, в которых осуждали «крайности» и расхваливали предложение Шевцова. В самом деле, мол, Временное правительство не зря только что создало министерство труда с социалистом Скобелевым во главе. Оно полномочно разрешить вопросы, которые нас волнуют. Обратимся же со своими просьбами, со своими нуждами к нему, и всё возможное будет сделано.

— Перед буржуйскими прихвостнями шапку ломать?

Всё-таки большинство во Всерайонном совете поверило исполнительной комиссии. Решили писать министру.

Вскоре после того дня Шевцов составил послание — высокопарное и туманное. Там было много слов о свете надежд, о вековечных основах, на которых зиждется человечество, и довольно мало о том, чего требует рабочая молодежь. Дрязгов с Метелкиным и Бурмистровым понесли это послание Скобелеву, но господин министр к ним даже не вышел.

Когда обескураженные и смущенные делегаты вернулись из министерской приемной, представителей Петергофско-Нарвского района уже не было во Всерайонном совете. Они ушли в знак протеста против обращения с просьбами к Временному правительству.

ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО

Сказать по правде, они тогда не придавали особого значения связям с Всерайонным советом. Время было бурное, наполненное событиями, в которых каждый ощущал поступь истории. Молодые рабочие участвовали в этих событиях вместе со всей многотысячной путиловской массой. Особенно памятным стал для путиловцев день 12 мая.

На 12 мая был назначен общезаводский митинг. Задумали его эсеры и меньшевики. Они чувствовали, как падает их влияние, видели, что рабочие начинают от них отворачиваться, и решили призвать на помощь «главные силы» своих партий. От эсеров должны были выступать на митинге министр земледелия Временного правительства Чернов и один из организаторов их партии Авксентьев, от меньшевиков — Грибков и Вайсберг. Надежды на них возлагались большие, но всё повернулось со-

всем не так, как рассчитывали эсеры и меньшевики. О предстоящем митинге путиловские большевики сообщили в Петроградский комитет:

— Давно мечтаем, чтобы к нам приехал Ленин. Вы обещали похлопотать. Сейчас момент подходящий.

Когда Иван Генслер на заводском автомобиле приехал в ПК, ему сказали, что Владимир Ильич уже ждет представителя завода. И в самом деле Ильич сразу поехал с ним на Путиловский.

А на заводе уже шел митинг. Больше двадцати тысяч рабочих заполнили огромный двор у прокатных мастерских. Узнали о митинге и на Путиловской верфи. Оттуда тоже пришло много рабочих. Вася Алексеев видел с трибуны, как люди облепили стоявшие во дворе вагоны и платформы. Молодые рабочие взобрались на выступы и крыши ближних зданий. Особенно много ребят было на крыше старой конторы. С ними Вася поддерживал «зрительную связь». Так уж было у них заведено. Ребята слушали ораторов и поглядывали на Васю. Он им перед митингом сказал:

— За кепкой моей следите. Как нахлобучу ее на глаза, так и устраивайте концерт...

Первым выступал Чернов. Он старался убедить рабочих, что Временное правительство денно и нощно печется о них, и требовал, чтобы путиловцы отливали больше пушек для фронта.

Собравшиеся угрюмо молчали. А Чернов между тем начал атаку против большевиков. Он вспомнил сказку о рыбаке и рыбке и стал уверять, что рабочие под влиянием большевиков ведут себя так, как старуха из этой сказки, — мол, чем больше Временное правительство старается для них, тем больше они требуют от него.

Тут уж собравшиеся не выдержали, раздались многочисленные выкрики:

— Довольно нас сказками кормить!

— Скажи лучше, когда войну кончите?!

— Когда землю дадите крестьянам?!

Вася Алексеев нахлобучил кепку, и ребята, сидевшие на крыше, сразу приняли сигнал. Они завели известную песню:

Ночь пройдет — настанет утро,
Пройдет утро — будет день...

Песня не отличалась глубоким содержанием, зато имела другое бесспорное достоинство: ее можно было петь без конца.

Шум всё нарастал, выкрики становились всё резче, и Чернов, потеряв самоуверенность, скомкал свою речь. Несколько эсеров подхватили его под руки, окружили и повели сквозь совсем не доброжелательно настроенную толпу...

Ленин приехал после выступления Чернова. Представители заводского комитета встречали его у ворот, а по двору уже разнеслась весть о том, что на заводе Владимир Ильич. Многотысячная масса людей всколыхнулась. Всем хотелось увидеть Ленина. Не только ребята, но и пожилые рабочие полезли на деревья, на крыши. Навес над входом в заводский комитет даже обвалился под тяжестью взобравшихся на него людей. Рабочие всё теснее окружали трибуну. Радостные приветственные возгласы неслись над толпой.

Ленин не слышал выступления Чернова, но первые же слова Ильича разбивали вдребезги доводы эсеровского лидера. Ленин говорил о политике соглашателей, идущей вразрез с интересами народа. Ленин говорил об империалистическом характере войны, он гово-

рил о том, что было важнее всего, что глубоко волновало рабочих. Мир! Земля! Власть Советам! За это Владимир Ильич призывал бороться.

Он говорил просто, и каждое слово доходило до десятков тысяч людей. Он говорил так, что всё сказанное до него эсеровским министром казалось водой, пробежавшей под ногами. А слова Ленина захватывали и зажигали, в сердцах людей закипала жажда борьбы.

Ленин кончил речь, и снова радостно, взволнованно загудела площадь. Не было конца приветственным крикам. С трибуны пытался говорить меньшевик Грибков, но его и слушать не хотели. Рабочие огромной толпой двинулись к воротам, провожая Владимира Ильича.

— Да здравствует Ленин! — неслось над двором.

Солдат Судаков из шрапнельной мастерской поднялся на трибуну, оттесняя меньшевистского оратора. Перед тысячами людей он снял со своей груди Георгиевские кресты и медали, полученные на фронте.

— Эти награды, что я заработал кровью, отдаю на ленинскую «Правду»!

Солдат на митинге было много. «Георгии» посыпались в шапку, подставленную молодым рабочим. Некоторые снимали с себя нательные кресты и тоже бросали туда:

— Пригодятся на нашу газету!

Старый рабочий Белоусов, которого эсеры незадолго перед тем уговорили вступить в их организацию, вечером пришел в помещение трактира «Марьина роща» (там заставские эсеры устроили свой штаб):

— Вы меня, старика, обманом завлекли сюда, а Ленин меня просветил. Вы обманываете народ. Ноги больше моей у вас не будет.

И среди молодых рабочих не было других разговоров, кроме как о речи Ленина. Она взволновала всех. Немало ребят, шедших до того за эсерами, меньшевиками или анархистами, говорили Васе Алексееву:

— Правда, выходит, ваша. Теперь мы видим.

Те, кому не удалось быть на митинге, жадно расспрашивали товарищей. Они хотели, чтобы им повторили каждое ленинское слово, и сокрушались, что не слышали сами, своими ушами. Был среди этих ребят и Ваня Скоринко.

— Как же так, как же так? — твердил он. — Я должен, я обязательно должен увидеть Ленина!

Для тысяч и тысяч людей этот день был поворотным в их жизни.

* * *

Вася не для красного словца говорил, что начинает свой день чтением «Правды». Он интересовался и другими периодическими изданиями. В Петрограде выходило в ту пору много газет. Васе хотелось знать, что пишет каждая, да еще он просматривал и газеты Москвы и других городов. Порой он сидел над ними до глубокой ночи. Газеты давали представление о сложной, бурной и пестрой политической жизни тех дней, о замыслах, о политике разных классов и партий. Но прежде всего, конечно, внимательнее всего читал он «Правду». С ее страниц, как на недавнем путиловском митинге, ясно и громко звучало ленинское слово, слово партии большевиков.

«Правда» рассказывала и о том, как бурно развивается движение рабочей молодежи. Порой это были коротенькие сообщения, всего в несколько строк, или даже объявления на последней странице.

В клубе «Просвет» состоится собрание делегатов юношей и девушек, не достигших восемнадцатилетнего

возраста... На петроградском Орудийном заводе — собрание выборных от учеников всех заводов Первого городского района... Во дворе Морского училища на Васильевском острове — детский митинг. Среди докладчиков Александра Коллонтай и Вера Слуцкая... Поступило приветствие товарищу Ленину от инициативной группы молодых рабочих по организации союза социал-демократической рабочей молодежи Киева...

Молодые рабочие всюду стремились объединиться. Надо было помочь им. Разве все они знали, как это сделать, какой выбрать путь?

Именно в это время в «Правде» стали появляться статьи Надежды Константиновны Крупской о союзе молодежи. «Союз молодежи» — так называлась первая статья, напечатанная 14 мая. Вася читал ее, когда в ушах еще звучал голос Ленина, услышанный на митинге путиловцев, — после митинга прошло всего два дня. Что с программной статьей о союзе молодежи выступает Крупская — жена, друг и соратник Ленина, — представлялось особенно важным. Конечно, она знала, что думает Владимир Ильич об организации молодежи, советовалась с ним.

Надежда Константиновна писала, что буржуазия всюду старается подчинить молодых рабочих своему влиянию, создает свои союзы, воспитывающие молодежь в духе шовинизма, уважения к частной собственности, презрения к другим нациям. Потому «не всякий союз молодежи хорош, есть союзы молодежи, которые, может быть, доставляют много удовольствия детям, но которые развращают их».

Васе не трудно было понять, что имеет в виду Крупская, что тревожит ее. Разве не в такой союз хотел превратить «Труд и свет» этот господин Шевцов?

«Есть другое гражданское воспитание. Это гражданское воспитание, которое дает рабочей молодежи жизнь. Она воспитывает в них великое чувство пролетарской классовой солидарности, делает для них близким, дорогим, полным глубокого смысла лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ставит их в ряды борцов «за братский мир, за святую свободу!». Рабочая молодежь всех стран образовывает свои пролетарские союзы молодежи. Они объединены в единый «Интернационал молодежи», который идет рука об руку с рабочим классом, ставит себе те же цели».

К созданию такого союза и призывала статья.

Прошло всего три дня — и в «Правде» появилась новая статья Крупской. Она начиналась словами: «За кем рабочая молодежь — за тем и будущее». Надежда Константиновна хорошо понимала, какой важный момент переживает движение рабочей молодежи.

«Организация рабочей молодежи в России только складывается. Первые шаги самые важные, самые ответственные. От них в значительной степени зависит то, по какому пути пойдет всё движение...»

Надежда Константиновна опять предупреждала, что буржуазия и ее политические деятели хотят отвлечь рабочую молодежь от ее насущнейших дел. А путь рабочей молодежи — это революционный, пролетарский путь, она должна идти рука об руку с рабочей организацией своей страны. На этом пути петроградской организации рабочей молодежи «предстоит, вероятно, почетная роль — сплотить около себя всю рабочую молодежь России...»

7 июня Надежда Константиновна выступила в «Правде» снова на эту же тему.

«Со всех концов России в «Правду» обращаются с запросами, как организоваться рабочей молодежи.

Желание организоваться у молодежи горячее, но так как дело это новое, то молодежь часто не знает, как за него взяться...»

В этой статье Крупская говорила, каким должен быть устав союза молодежи.

Вася рассказывал ребятам о статьях Надежды Константиновны, читал их с ними вместе, устраивал обсуждения. Еще после первой статьи в Нарвско-Петергофском районе был долгий разговор. Приняли резолюцию, в которой говорилось, что юный пролетариат района приветствует большевистскую партию за ее заботу о воспитании молодежи и полностью одобряет статью «дорогого товарища Крупской».

А вскоре Вася поехал к Надежде Константиновне. Ему хотелось обстоятельно поговорить с ней. Но где найти Крупскую? Вася решил, что лучше всего направиться в редакцию «Правды». Уж там она наверняка бывает, да и редакция была ему знакома.

Однако Крупской в «Правде», когда пришел туда Вася, не оказалось.

— Она в Выборгском районе, может задержаться, — сказал работник редакции и посмотрел на свернутый в трубочку листок бумаги, который Вася держал в руке. — Резолюция? Можете оставить, я передам.

— Нет, я лучше дождусь.

Вася уселся на подоконник. Он ждал около часа, и Надежда Константиновна действительно пришла. Высокая, как показалось Васе, женщина с чуть выпуклыми глазами внимательным и добрым взглядом оглядела всех, кто был в комнате. Одета она была очень просто: черная длинная юбка и белая старенькая, но очень чистая блузка. Такой Крупскую и описывали те, кто ее знал.

Вася сразу направился к ней. Он заговорил о союзе молодежи. Надежда Константиновна обняла юношу за плечи и повела в другую комнату. Разговор был важен и для нее. Они говорили о союзе — как и чем в нем заниматься, — об этом больше всего. Говорили о том, как живет молодежь заставы, и еще о многом. У Надежды Константиновны нашлись поручения, которые она тут же дала Васе. Надо было найти толковых ребят, которые занялись бы распространением «Правды» — не просто как газетчики, а как агитаторы, настоящие помощники партии. Вася обещал, что найдет таких ребят и пришлет их к Крупской. Он это действительно делал потом. Но, конечно, самым важным было то, что они говорили о молодежном движении.

А вскоре в районе вновь было собрание молодежи, шумное и боевое.

Разговор начался с того, что молодежь должна участвовать в выборах наравне со взрослыми. Потом стали говорить обо всем вперемешку: о фокусах заводского начальства, о том, что генералы готовят наступление на фронте, чтобы утопить революцию в солдатской крови, о «разгрузке» Питера. Только допусти ее — вовсю ударят по рабочему классу. Не раз вспоминали «Труд и свет»—организацию, которая подпевает Временному правительству. Революционная молодежь должна от нее отмежеваться.

Ребята тесно сидели на скамейках и на подоконниках. От цигарок бежал к потолку едкий дым. Лузгали семечки, кричали, поддерживая ораторов: «Так их!», «Правильно!», «Давай, братва!»

Представитель партии меньшевиков, пришедший, чтобы «упрочить узы идейной связи с молодежью», уговаривал подождать решения «коренных вопросов»

Учредительным собранием. Ребята топали ногами, из рядов неслось «долой!» и кое-что покрепче.

Меньшевик обиделся и ушел. Зернов улюлюкнул вслед и пообещал сделать из него котлету.

Выступали по нескольку раз, список требующих слова не был исчерпан до ночи. На следующее утро Скоринко принес Васе Алексееву резолюцию, принятую на собрании. Он сам писал ее.

— Здо́рово у тебя вышло, — похвалил Вася. — Писатель...

Он, конечно, не думал тогда, что Скоринко в самом деле через несколько лет станет писателем. В тот момент это и не имело для него особого значения — так же, как то, что он сам был поэтом. Важно было другое, — резолюция получилась горячая. Как кипяток! В ней не было гладких и круглых слов. Скоринко обладал воображением, он находил сильные эпитеты, чтобы сказать о меньшевиках, «которые продолжают сожительствовать с буржуазией». Ну и о самой буржуазии и обо всем остальном тоже.

— Надо отвезти резолюцию в «Правду», — предложил Вася.

— Чего ж, очень просто. Доставим.

Скоринко бывать в «Правде» еще не доводилось. По дороге, стоя на площадке скрипучего переполненного трамвая, он всё обдумал — как войдет и что скажет. Было приятно представить себе, что, может быть, завтра написанное им прочтут тысячи, а то и сотни тысяч людей. Резолюцию, конечно, напечатают четким броским шрифтом и дадут ей название покрепче. «Молодежь Нарвской заставы требует!» Или что-нибудь в этом роде.

Всё-таки, войдя в редакцию, он почувствовал себя не очень уверенно, хотя обстановка там была совсем

не официальная. Редакция помещалась в небольшой и довольно темной квартире. Старые обои местами отставали от стен, на них были видны бурые следы плесени, — видно, не успели переклеить после прежних хозяев. «У Шевцова на одного квартира богаче, чем у всей нашей „Правды"», — подумал Скоринко.

В прихожей пахло табаком и солдатской одеждой, входная дверь то и дело хлопала, пропуская посетителей. В первой комнате за столами сидело несколько человек. Одни читали, что-то исправляя, другие писали на узких — в половину ширины обычной тетради — полосках бумаги. Третьи разговаривали деловито и горячо. О чем именно, Иван сразу не мог разобрать. Он только подумал, что всем здесь сейчас не до него. Потоптался в дверях и решил заглянуть в другую комнату.

Выбирать особенно не приходилось. Квартира состояла всего из двух комнат. Та, в которую он зашел, была совсем маленькая. За столом сидел человек, державший перед собой влажный газетный лист с широкими, неровно оборванными краями.

«Тоже занят, видно», — подумал Скоринко, остановившись на пороге. Но человек отложил газету.

— Здравствуйте, юноша, — сказал он так, точно ждал Скоринко. — Откуда и с чем пришли к нам?

Он протянул руку к бумажке, которую держал Иван.

— Садитесь, пожалуйста. Значит, с Путиловского. Прекрасно. Собрание было вчера? А сколько присутствовало молодежи? Сколько выступало? Как приняли резолюцию?

Он читал, то и дело поглядывая на собеседника, и засыпал его вопросами — о заводе, о районе. Как работает молодежь, как настроена? Охотно ли вступает

в Красную гвардию? Как относится к большевикам? Как к другим партиям?

Потом сказал с едва приметной улыбкой:

— Свое отношение к «Труду и свету» вы выразили предельно ясно.

— У нас с ними отношений нет. Были, да кончились. На дворе революция, а они нас тянут куда? За вас, говорят, всё Керенский Александр Федорович решит...

— Чем же они предлагают заниматься вам?

— Как чем? Самоусовершенствованием. Танцами можно или художественной гимнастикой, домоводством, хоровым пением... Только от политики подальше. Шевцов там такой есть, студент, что ли. Может, слыхали?

— Слыхал немного. А как, по-вашему, он пользуется влиянием на молодежь?

— Влияет на тех, у кого в голове неразбериха. Храните, говорит, в чистоте свою беспартийность. Что же нам, от большевиков, от Ленина храниться?

В глазах человека, сидевшего за столом, мелькнула искра веселого смеха:

— Нет, этого я вам, разумеется, советовать не стану. Но как вы думаете быть с организацией «Труд и свет»?

— Что думаем о ней, мы в резолюции написали. А больше и думать нечего. У нас с ней дел нет, хлопнули дверью и ушли. Теперь уж туда ни ногой.

— Так, значит, и ни ногой?

Человек, сидевший за столом, повернулся к Скоринко всем корпусом и оглядел его быстрым внимательным взглядом:

— Вы хлопнули дверью, а другие туда ходят?

— Только не из нашего района.

— Из вашего или из других, но ходят. Так ведь? Значит, соглашатели и либералы имеют возможность влиять на рабочую молодежь. Вы ушли и думаете, что поступили архиреволюционно. А на деле вы просто-напросто уступили противнику поле боя. Добровольно, без сопротивления. Революционно же было бы противостоять влиянию буржуазных прихвостней на молодежь. И не только противостоять, но и, конечно, наступать на них. Всеми силами наступать! Бороться за молодежь, показывать ей, что шевцовы говорят на чуждом ей языке, вырвать ее из-под влияния соглашателей и либералов.

Он снова улыбнулся, как бы ободряя смущенного собеседника:

— Я не хочу вам навязывать никаких готовых рецептов. Молодежи нужна самостоятельность. Знаете, нередко бывает, что люди пожилые, старые не умеют подойти как следует к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму не тем путем, не в той обстановке, как ее отцы. Организационной самостоятельности молодежи боятся оппортунисты. А мы за нее стоим безусловно. Без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед.

В комнату вошла женщина в синем халате и остановилась возле дверей.

— Извините. Еще одну минуту, — сказал ей человек, сидящий за столом. — Обещаю, что не задержу вас.

Он провел рукой по влажному газетному листу и снова повернулся к Скоринко:

— Мы за полную самостоятельность организаций молодежи, но и за полную свободу критики их оши-

бок. А в данном случае, на мой взгляд, совершена явная ошибка. Подумайте об этом. А за критику не взыщите...

Сколько длился их разговор, Скоринко потом не мог сказать. Ему казалось, что он пробыл в редакции совсем недолго. И вместе с тем было такое чувство, что он шел в «Правду» давно-давно и очень многое произошло с тех пор, очень многое изменилось. То, что он услышал от человека, сидевшего за столом, заставляло по-новому думать, по-новому взглянуть на происходящее.

Он вышел на Невский. Вечер был теплый. По тротуарам медленно текла густая толпа. Господа в котелках перемежались с офицерами, которые шли, тесно держа под руку нарядных барышень в белых платьях. Молодые люди в полувоенных, с иголочки, френчах из добротного английского сукна небрежно размахивали стеками. Это были сынки богатых отцов, должно быть, за взятки избавленные от военной службы. На Невском они чувствовали себя героями.

Ване Скоринко нечасто случалось бывать здесь в такую пору. Публика, двигавшаяся по тротуару, была ему чужда и противна. В другой раз он обостренным ненавистью глазом подметил бы в ней много такого, о чем можно зло и забавно рассказать ребятам. Сейчас было не до того. Полный впечатлений от недавнего разговора, он быстро шел через толпу гуляющих, иногда задевал плечом какого-нибудь господина. Вслед ему отпускались ядовитые фразы о «неумытых товарищах», от которых даже на Невском не стало покоя. Но Скоринко не обращал внимания. Всё это сейчас просто не имело значения. Надо было скорее добраться за Нарвскую к Васе Алексееву, к друзьям, передать разговор, который был в «Правде».

В райкоме на Новосивковской Васи не оказалось, и Скоринко зашагал в Емельяновку. На этот раз ему повезло. Вася сидел на кухне — пил чай и что-то читал. Скоринко даже поздороваться с другом забыл.

— Ты знаешь, что мне в «Правде» сказали?

— Наверно, что-нибудь интересное, если ты так бежал. Здóрово запыхался.

Скоринко стал рассказывать. Вася слушал, забыв о чае.

— Подожди, как ты сказал? Уступаем поле боя?

На щеках Васи проступил румянец.

— Нет, ты подробнее. Это очень важно, постарайся вспомнить каждое слово.

Он вскочил из-за стола:

— Очень верно—про путь молодежи к социализму. И вообще... Ведь так ясно. Как мы этого не поняли сами?

Вася говорил, сильно заикаясь:

— Ты подожди. А какой этот человек из себя? Не с бородкой? А лет ему сколько на вид? Глаза какие, голос?

Он схватил Скоринко за плечо:

— Эх ты! Всё надо было разглядеть, всё запомнить. А если это был Ленин?

— Ленин? — оторопело переспросил Скоринко. — Я с Лениным говорил?

— А что, очень возможно. Очень!

— Я побегу. — Скоринко вскочил с табуретки. — Может, он еще там, не уехал...

— Спохватился. Сколько времени прошло. Да и зачем ты пойдешь сейчас? Ведь он сказал тебе то, что нужно.

ВАСЯ АЛЕКСЕЕВ И ГОСПОДИН ШЕВЦОВ

Перед заседанием Всерайонного совета ребята сидели группками — о чем-то говорили, хохотали над смешными историями, пели песни... Вася Алексеев ходил от группы к группе, смеялся вместе со всеми. Знакомых тут было немного, но он чувствовал себя легко среди этих заводских ребят.

Организационное бюро Петергофско-Нарвского социалистического союза рабочей молодежи собралось на следующий же день после того, как Ваня Скоринко побывал в «Правде». Решили немедленно послать представителей в «Труд и свет». Выделили четверых: Васю Алексеева, Сеню Минаева — энергичного и толкового парня, тянувшегося к большевикам, и Скоринко с Зерновым, которые входили во Всерайонный совет прежде.

Теперь, придя на заседание, Вася внимательно присматривался к представителям других районов,

стараясь выяснить, с кем можно будет действовать вместе, с кем надо драться. Единомышленники у него тут были, он это быстро почувствовал. Петр Смородин обрадовался приходу нарвцев.

— Нашего полку прибыло, — сказал он, пожимая Васину руку.

И Ваня Канкин с Семянниковского тоже был рад. Его Вася уже знал. Канкин приезжал в Петергофско-Нарвский район, советовался, как лучше организовать рабочих ребят. Союз молодежи Невского района во многом следовал примеру нарвцев.

Петя Смородин и Ваня Канкин познакомили Васю с другими ребятами, близкими к большевикам. Но и тех, на кого соглашатели могли пока довольно твердо опираться, тут было немало. Вася в этом вскоре убедился.

Началось заседание. Шевцов произносил речь. Вася слышал его впервые, но рассуждения о «внепартийности», о всечеловеческой культуре и прочем были ему известны. Он знал, из каких они почерпнуты газет.

— Слушай, — сказал он в перерыве Дрязгову, взяв его за плечо. — Слушай, этот Шевцов не из общества «Маяк», часом?

— Что ты, он замечательный человек, настоящий вождь молодежи!

— Я уж вижу, чем он замечателен.

После перерыва Вася попросил слово.

— Мы рады, что представители Нарвской заставы отказались от своей прежней позиции и пришли к нам, — любезно улыбаясь, заявил Шевцов.

Он смотрел на Васю настороженно. И тот сразу ответил ему:

— Нет, мы своей позиции не изменили. Наша позиция — это позиция классовой борьбы. Мы на ней

стояли и стоим. И мы не к вам пришли, господин Шевцов. Мы пришли, чтобы бороться с вами. Мы будем бороться за кровные интересы рабочей молодежи, рабочего класса. Мы против тех, кто хочет увести молодежь в сторону, кто затуманивает сознание сладкими обещаниями и лживыми сказками...

После заседания долго ходили по набережной Невы — Вася, Скоринко, Минаев и новые их друзья из других районов.

— Здóрово ты Шевцову врезал — в лоб! — восхищенно сказал Канкин.

— Ему нужно при каждом случае врезать. Пусть все ребята увидят его лицо. Он маскируется хитро — носитель культуры, миротворец... Но если будем на каждом собрании поднимать коренные, принципиальные вопросы — о войне, скажем, о защите прав молодежи, об отношении к Временному правительству, о власти Советов, ему придется снять маску и показать, кто он такой.

— Гнать надо этого Шевцова, — горячо сказал Канкин. — Взять метлу и гнать.

— Гнать, — согласился Вася, — но сперва надо лишить его влияния на ребят. Сегодня за ним еще идут, но заядлых сторонников у него, я гляжу, не так уж много. Остальные просто еще не разобрались. Разберутся и будут с нами. Тогда и выгоним Шевцова. Его выгоним, и он никого от нас увести не сможет. Так в Петроградском комитете партии советуют.

Товарищи стали расспрашивать Васю о Крупской. Теперь ее имя было им всем хорошо знакомо. Статьи Надежды Константиновны в «Правде», посвященные молодежному движению, они читали.

Вася рассказывал товарищам о встречах и беседах с Надеждой Константиновной. Он говорил о ее

простоте и душевности, о том, как она внимательно слушает, когда приходишь к ней, как умеет дать нужный совет.

Надежда Константиновна подробно интересовалась делами района. Иногда она присылала к Васе ребят с просьбой познакомить их с работой союза, дать поручение. Ребята приходили всё хорошие, на которых можно было положиться.

...По набережной, цокая подковами, пролетали рысаки, запряженные в пролетки на пухлых, как подушки, дутых шинах. Изредка с громким урчанием проезжали, блестя медью, громоздкие автомобили. На тихой и белесой под вечерним небом Неве черномазый буксир тянул неповоротливую желтую баржу с дровами. Прохожих становилось всё меньше, и по этому только можно было догадаться, что час уже поздний. Ребята шли веселой ватагой, не замечая наступившей белой ночи. О многом нужно было поговорить. Вася расспрашивал, что делается в союзах молодежи других районов, как связаны они с партией. Петроградский комитет выделил группу сильных товарищей для работы в юношеских организациях. В Петергофском районе перед молодежью выступают лучшие агитаторы: В. Володарский, М. Урицкий, А. Луначарский.

Ребята рассказывали о товарищах, помогающих им в районах. Называли И. Рахью, Г. Пылаева, А. Слуцкого, А. Скороходова, Л. Менжинскую, П. Михайлова и многих других. Всё это были видные большевики.

— А как ты смотришь на лекции об искусстве, на посещение музеев? У нас некоторые напирают на это, а я считаю — вредное дело, — говорила девушка, шедшая рядом с Васей. — Мы ведь объединяемся для по-

литической борьбы, и культурничество надо изгонять из союза.

На девушке было коричневое платье, похожее на гимназическое, а голову она повязала платком, видимо для того, чтобы в самом деле не принимали ее за гимназистку. Синие глаза строго глядели из-под сдвинутых бровей.

Вася взял девушку под локоть и почувствовал, что рука у нее стала негнущейся, деревянной.

— Я спрашиваю серьезно...

— Вот и я серьезно. У тебя в голове, так сказать, трамвай немного с рельсов сошел. Ребята хотят культуры, разве же это плохо? Плохо, когда либералы пользуются их интересом, чтобы отвлечь от главного, от политической борьбы. Вот это вредное дело. А мы будем культурно просвещать юношество и сплотим его для политической борьбы, привлечем к нашему союзу. Разве же это не на пользу дела?

— Может быть, и танцы устраивать?

— Не говори,— вмешался Ваня Скоринко и сделал страшные глаза. — Ты же не знаешь, что Вася у нас первый танцор. На всю Нарвскую заставу известен. Гроза вечеров!

Он обернулся к ребятам:

— Знаете, я вам расскажу что? У нас в мастерской есть парень такой, Саша Зиновьев. Может, кто помнит, мы с ним на первое собрание в «Зимний сад» приходили. Сейчас он от союза отставать стал. Купил себе кожаный портфель и собирается в министры, что ли. С молодежью уже ему тесно. Ну да черт с ним, не о том речь. Этот Сашка мастер устраивать вечера. Оркестр пригласит, буфет устроит. Шикарно! Леденцы, лимонад, а то даже яблоки со Щукина рынка. В общем, заставские девчонки так и тают. А Вася

наш придет на вечер... Кавалер! Даже гаврилку — галстук нацепит. «Разрешите, — говорит, — пригласить вас на падепатинер».

— Танцор, значит? — хмыкнул Петя Смородин. — Не знал.

Девушка в коричневом платье окинула Васю гневным и недоумевающим взглядом.

— А что, — рассмеялся он, — разве худо потанцевать?

— Как на чей взгляд, — заметил Скоринко. — А то станцует Вася этот падепатинер или краковяк, скажем, посмеется с девчатами, а через полчаса вокруг него митинг. Ну и пошел! Музыканты играть перестают. Сашка Зиновьев даже расстраивается, — за музыку-то деньги плачены.

— Что ж, и музыкантам отдых нужен.

Вася снова взял девушку под локоть:

— По правде сказать, танцую я паршиво, — всё времени не хватало научиться. Но вот в марте — еще Союза у нас не было и клуба тоже, — тогда мы, правда, часто ходили на танцульки. Иной раз полночи проводили — на Шереметевской даче или в других местах. Молодежи собиралось много — и гимназисты, и своя заводская братва. Одни танцуют, с другими разговоры ведешь. С хорошими ребятами я познакомился там! Теперь работают в союзе. А раз мы вечер действительно сорвали. Какие-то дылды-гимназисты стали речи говорить в перерывах между танцами — «за победу, значит, не пожалеем крови». И всё такое. Мы тоже молчать не стали. Высказались и увели молодежь, так что вечер лопнул.

Ребята стали понемногу расходиться, кивали головами: «Пока! До встречи!». Парень и девчонка остановились у гранитного парапета лицом к реке.

Парень что-то оживленно говорил, обняв девчонку за плечи.

— Весна, — заметил Сеня Минаев, — любовь!

— Может быть, это тоже правильно, — сердито спросила девушка в коричневом платье, — революция и любовь?

— Если любовь, тогда почему же неправильно? Революция против всего дурного. И за всё прекрасное! А настоящая любовь — это разве не прекрасно?

— Да что ты говоришь такое? Любовь... Тогда и революция уже не важна? Ведь любить можно и при Временном правительстве, да и при царизме.

Девушка снова отстранилась от Васи.

— Нет, у тебя действительно в голове трамвай сошел с рельсов, это я правильно сказал. Пойми, революция нужна и для того, чтобы люди могли по-настоящему любить друг друга. Конечно, любовь есть при любом строе, но капитализм ее калечит, уродует, убивает. Любовь — это счастье, а угнетенные, бесправные люди быть счастливыми не могут.

— Значит, у них не будет счастья? — Девушка кивнула в сторону пары, стоявшей у гранитного парапета. — Тогда зачем любовь?

— Они будут уже при другом строе любить друг друга. Мы и для них стараемся, свергая капитализм.

— Там, между прочим, агитация идет, — сказал со смешком Скоринко. — Малец наш, а девчонка за Шевцова голосовала. Вот он ей и просветляет мозги. А в остальном у них полное согласие.

Этот шустрый парень был обо всем осведомлен...

* * *

Утром чуть свет вскакивая с постели и торопливо умываясь у рукомойника, Вася прикидывал, что

предстоит переделать за день. Ох, как много всего предстояло! Обычно в его кармане уже лежала путевка на выступление. Вася быстро просматривал ее. Так, значит, будет очередная схватка. Сегодня митинг у солдат, вчера было собрание в клубе, третьего дня на текстильной фабрике, а завтра, может быть, пошлют делать доклад перед ломовыми извозчиками или в трамвайном парке... Всюду должны слышать большевистское слово! И всюду надо с поднятым забралом нападать на соглашателей, разоблачать оборонцев, показывать, в какую яму тащат они революцию и народ. Лживых фраз и лозунгов они сеют много, но правда одна, и надо, чтоб люди ясно понимали — эта правда у большевиков.

Он бежал на завод и обдумывал, как будет выступать, что скажет. А потом, после схватки, надо забежать в райком рассказать, как всё было, получить новую путевку... Но ведь следует еще заняться делами анчаровского завкома, предстоит крупный разговор с директором: опять задерживают рабочим зарплату. Говорят — нет денег. Уловки! Им любой повод хорош, лишь бы прижать рабочий класс. Посмотрим, если слишком уж будут упрямиться, можно показать, что время нынче не такое. Раз уж он «превысил власть» — поставил у директорского кабинета двух красногвардейцев с винтовками, а директору объявил без обиняков: «Будете под арестом, пока не покроете долг перед рабочими полностью!»

Директор кричал о беззаконии, названивал по телефону, а потом стих, вызвал бухгалтера, пошептался, — и к вечеру выдали получку.

Вот так, воюй, выступай на собраниях, неси правду людям. И надо самому постигать эту правду революции всё полнее и глубже. Апрельские тезисы Ле-

нина были огромным уроком, который не забудешь. Ленин дал партии смелую программу борьбы — против империалистической войны, за власть Советов; он показал, какие большие и решительные шаги надо делать немедля, чтобы Россия могла встать на социалистический путь. Трудно было охватить сразу всё то новое, смелое, что так уверенно и мудро выдвинул Ленин. Вася понял это не сразу. Лишь постепенно, думая, споря, вчитываясь в каждое слово, увидел он, какие чудесные дали открываются на пути, указанном Владимиром Ильичем.

И надо было направлять по этому пути молодежь. Борьба за нее шла на заводах, в районах. Там и надо было работать...

Сережа Соболев, литейщик с Балтийского, рассказывал, как нелегко приходится их ученическому комитету. Он объединяет заводских учеников, юный рабочий класс, а поначалу комитет прозвали «Ноевым ковчегом»: всякой твари по паре, в том числе и «нечистых». Райком партии помогает разобраться, Вера Слуцкая наставляет на правильный путь. Соболеву, видно, хорошо запомнились ее слова, что рабочая молодежь не может стоять в стороне от борьбы рабочего класса.

Сережа стал частенько заходить к Слуцкой в райком. Из этого парня выработается настоящий вожак молодежи...

А вот в Гавани происходит какая-то кутерьма. Организация «Труд и свет» заслала туда своего «эмиссара» — ребята его «гусаром» зовут, — но этот «гусар» повел за собой какую-то часть молодежи, организация раскалывается...

За Невской заставой складывается хороший, боевой союз. Там Канкин, Лепешкин — дельные парни,

у них большевистская линия. Но кому-то эта организация встала поперек горла. В последнее время появляются в районе листовки, подстрекающие молодежь к хулиганским поступкам, оскорбляющие фабричных девчат, видно, хотят оттолкнуть их от союза. Что это — шутки, хулиганские выходки? Нет, похоже, что продуманная провокация. Райкому молодежи пришлось печатать в «Правде» объявление с призывом не верить этим лживым бумагам, которые издаются именем союза молодежи.

Васильевский остров от Петергофского района далеко, и Невская застава тоже, — тамошние дела вроде не имеют к Васе прямого отношения... То есть, как это не имеют? Дело революции — не цеховое и не районное дело. Значит, надо думать и о Васильевском острове и о Невской заставе — обо всем, что происходит в молодежном движении. Адреса тут ничего не решают.

И, конечно, с Всерайонного совета нельзя спускать глаз. И там идет острая борьба за рабочую молодежь, за будущее.

Теперь уже не было ни одного заседания Всерайонного совета, на которое не приходили бы Вася Алексеев и его друзья. И на каждом заседании случались острые схватки с Шевцовым. Минуло время, когда Шевцов чувствовал себя хозяином. Всё чаще он срывался. Давно была выбрана и обдумана во всех подробностях красивая роль вождя молодого поколения, чье вдохновенное слово жжет и наполняет восторгом юные души. Теперь Шевцов забывал об этой роли. В его речах и репликах прорывались раздражение, злость.

Вася вступал в схватки весело и охотно. Это был лучший способ показать соглашателей такими, какие

они есть. Как-то придя на заседание, Вася достал из кармана «Правду».

— Читали? Есть интересная статья о союзах молодежи. Крупская написала. Тут и примерный устав союза помещен. Прямо сказано, что должна делать молодежь.

Он читал о том, что цель союза — подготовить свободных, сознательных граждан, достойных участников той великой борьбы, которую им предстоит вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитала.

— Видите, как раз обратное тому, что хотят внушить нам здесь!

Шевцов не выдерживал:

— Мы оберегаем чистоту союза от политики, а вы, Алексеев, хотите бросить молодежь в пучину бушующих партийных страстей.

— Политика и у нас и у вас. Только мы свою политику не скрываем. Мы говорим: она служит рабочему классу. А у вас... Кому ваша политика служит? Капиталу. Только сказать об этом вы никогда не решитесь.

Шевцов начинал терять самообладание:

— Вам, Алексеев, всё не нравится. Зачем же вы ходите сюда? Вам сколько лет? Скоро двадцать один? Вы взрослый, и вам незачем быть в организации, объединяющей девушек и юношей. Вы должны уйти отсюда.

Красивое лицо Шевцова покрывалось пятнами.

— Вы можете устраивать заседания на своей квартире, но права хозяйничать в организации это вам не дает, — говорил Вася. — Если уж кому уходить отсюда, так это вам, господин Шевцов. Тут рабочая молодежь, а вы к ней никакого отношения не имеете.

И лет вам побольше, чем мне. А самое главное: вы стараетесь увести молодежь от борьбы, которая только и может дать то, к чему она стремится. Следовательно, вся ваша деятельность — во вред молодежи.

Дрязгов и другие «оруженосцы» Шевцова, как звал их Вася, бросались на выручку. Они кричали, что всецело доверяют Петру Григорьевичу, ему одному.

— Жизнь и вам откроет глаза, — отвечал им Вася. — Всё-таки вы не кроты, я надеюсь.

Он поворачивался к Шевцову:

— А вам действительно придется уйти. И скоро. Что для вас союз молодежи? Поприще, где вы можете проявить свои ораторские способности, возвыситься, — не больше того. А для нас это жизненная необходимость, и мы не откажемся от нее никогда.

Во Всерайонном совете становилось всё больше Васиных единомышленников. Они были уже и в делегации Выборгской стороны. Выборжцы большевики Коля Фокин и Леопольд Левенсон шли вместе с Васей, Петей Смородиным, Ваней Канкиным.

— Напрасно Шевцов и Дрязгов говорят от имени молодых выборжцев, юные пролетарии нашего района не с ними, — заявлял Левенсон. — Молодежь считает своими лозунгами лозунги большевиков, она никогда не станет служить идеям, которыми пытаются отравить наше сознание господа вроде Шевцова.

Левенсон был рабочим с завода «Эриксон», но знали его на многих предприятиях. Горячий, энергичный, он поспевал всюду, выступал на многочисленных митингах и собраниях, громил соглашателей. Так вел он себя и на заседаниях Всерайонного совета.

Коля Фокин не отставал от товарища. Этому мальчику весной 1917 года еще не исполнилось четырна-

дцати лет. Необыкновенно живой и подвижный, он никогда не был безразличен к происходящему—подавал реплики, часто выступал и прежде всего спешил разъяснить, что у него с соглашателями нет и не может быть ничего общего.

Леопольд Левенсон.

Коле хотелось бы выглядеть хоть немного старше своих лет. Он аккуратно расчесывал волосы на прямой пробор, носил исправную, хоть и ветхую, ставшую ему тесной курточку полувоенного покроя. Его большие карие глаза смотрели весело и решительно. Но роста он был очень маленького. И голос у него совсем по-детски ломался. А развит он был не по-детски и не по-детски видел жизнь.

Сын рабочей окраины, он вырос в семье ткачей. И отец и мать работали на текстильной фабрике. Он тоже поступил на Сампсониевскую мануфактуру, едва окончив три класса начальной школы. С него спрашивали как со взрослого, и он быстро повзрослел в тяжелом труде, а смелое и чистое сердце мальчишки было готово вспыхнуть от первой искры. Революция зажгла его, совершив с Колей Фокиным одно из тех чудес, которые она во множестве творила

Николай Фокин.

ежечасно. В тринадцать лет этот мальчик был революционным бойцом, вожаком, за которым шли другие.

На Сампсониевской мануфактуре Колю выбрали председателем комитета молодежи и членом фабричного комитета. Он работал там как равный. Он ездил по фабрикам и заводам, выступал на уличных митингах, и слушателям даже не приходило в голову посмеяться над тем, что оратор едва аршинного роста.

Питер в те дни бурлил. Митинги и собрания проходили на заводах чуть ли не ежедневно. Конечно, заводская молодежь не могла стоять в стороне.

Рабочие требовали, чтобы Всероссийский съезд Советов, проходивший в Питере, взял власть в свои руки. Пролетариат столицы готовился к демонстрации под большевистскими знаменами.

Шевцов тратил пыл на то, чтобы доказать, будто молодежь участвовать в демонстрации не должна. Он даже не говорил обычного «пусть борются отцы», выражался выспренне, но довольно откровенно:

— Молодежь будет верна благородному порыву к

высотам всечеловеческой культуры. Она не должна бежать за красной тряпкой.

Тут даже Зернов не выдержал.

— Что же это, братцы? — закричал он. — За такое ведь бьют! Он народ оскорбляет...

Шевцову и Дрязгову было не просто добиться, чтобы Всерайонный совет запретил своим членам идти на демонстрацию.

— Вы еще можете принимать такие решения, — заявил Вася, — но как их слушаются, мы увидим на улицах.

А на улицы Питера 18 июня вышли полмиллиона рабочих и солдат. Со всех концов города людские реки хлынули на Марсово поле. Такой демонстрации еще не видела столица. Не газеты, не партийные вожди с трибун — сама народная масса говорила, кому она верит, к чему стремится. На сотнях плакатов и знамен были лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!» Лишь на мгновение, как щепки в бурном море, мелькнули в толпе призывы к доверию Временному правительству. Мелькнули и исчезли. Рабочие заставили убрать их.

Вся заводская молодежь Нарвской заставы вышла на демонстрацию. Она была в шеренгах и в красногвардейских цепочках, двигавшихся по бокам колонн. На Марсовом поле Вася увидел, что молодежи так же много и в колоннах других районов.

Над широким входом на площадь ночью меньшевики повесили плакат с призывом «доверия». Он болтался высоко над мостовой, прикрепленный к крышам домов. Ребята и до него добрались. Сорванное полотнище упало к ногам демонстрантов, и тысячи людей прошли по нему.

ЖАРКИЙ ИЮЛЬ

На заставских улицах было не продохнуть от пыли и заводского дыма. Июльское солнце неистово пекло, словно забыв, что здесь побережье Финского залива, а не Черного моря.

В центральных кварталах города дворники в холщовых рубахах по нескольку раз в день скатывали с неуклюжих деревянных барабанов длинные шланги, шипящая водяная струя била по торцовому паркету мостовых и плитняку панелей. В тени высоких каменных домов сохранялась прохлада. И всё же петербуржцы жаловались на жару. Степенные господа ходили по улицам в чесучовых костюмах, спрятав головы под низкими круглыми шляпами из плетеной соломы, твердыми и желтыми, как доски. Барынь на улицах было мало. Барыни с детьми сидели на дачах.

Немощеные улицы заставы никто не поливал. Пыль вздымалась

облаком от каждого шага, от каждого удара лошадиных копыт. И негде было укрыться от пыли и жары. Ломовые кони понуро тащили телеги. На конях, как на господах с Невского, тоже были соломенные шляпы или полотняные панамы, только с прорезями, сквозь которые торчали уши. Заставские жители ходили в своем обычном темном платье, в засаленных шапках. Белая одежда рабочему человеку не годилась.

В былые времена Вася улучил бы часок, чтобы сбегать с друзьями на залив, накупаться вволю. Залив близко от дома, а речка и вовсе рядом. Сейчас купаться не было времени. Потный, в расстегнутой косоворотке, он всё время спешил. Надо было попасть во много мест, встретиться со многими людьми. Никогда в жизни он еще не был так занят.

Всё-таки тот июль запомнился Васе Алексееву и его друзьям очень жарким не из-за погоды. Это было время, когда в революции произошел крутой поворот. Его возвестили ружейные залпы на улицах Питера, его обозначила кровь рабочих, окрасившая мостовую в день 4 июля. Путь к мирному развитию революции оказался закрытым. Контрреволюция взяла власть, вырвать которую у нее предстояло вооруженной рукой.

В те дни и ночи — 3—5 июля — Вася Алексеев был всё время на улицах. Он шел в голове демонстрации по Садовой, когда застучали пулеметы, спрятанные на чердаках, засвистели пули и люди стали падать на землю.

А на следующий день после июльского расстрела нужно было снова браться за агитационную работу, вспоминать то, чему научило подполье. Большевистские газеты не выходили, надо было распространять листовки. Временное правительство грозило разору-

жить рабочих — и они прятали винтовки, пулеметы, патроны. И нужно было поспевать на митинги, на собрания, происходившие всюду: в мастерских, на заводских дворах. Рабочие ждали слова большевиков.

После июльских дней меньшевистские и эсеровские лидеры не рисковали выступать на Путиловском. Соглашателей встречали гневными криками, гнали с трибуны. Прежние единомышленники публично отказывались от них, объявляли о выходе из соглашательских партий. Случалось, рабочие собирали полные шапки эсеровских и меньшевистских партийных билетов и сжигали в заводских печах.

Рабочие требовали ораторов, которых знали, которым верили, — большевиков. Одним из любимых ораторов заставы был Володарский, слушать его приходили тысячи людей. Меньшевики и эсеры боялись его острого, меткого слова даже в те времена, когда их влияние на заводе было сильно. Теперь на рабочих собраниях они просто не решались вступать с ним в споры. Позднее с огромным вниманием, доверием, интересом слушали на заводе Серго Орджоникидзе. Путиловцы хорошо помнили приезд Ленина, его речь на митинге, так много открывшую рабочей массе. После июльских дней Ленин не мог приехать на завод, — он был в подполье. Тем внимательнее слушала рабочая масса тех, кто нес ленинское слово, ленинскую правду.

Рассчитывать только на ораторов, присланных Петроградским комитетом большевиков, было нельзя. Митинги и собрания происходили очень часто во всех мастерских, на улицах, в воинских частях. Молодые ребята, только вчера приобщившиеся к политической жизни, начинали сами выступать перед рабочей массой.

По Басиному предложению всех активистов союза обязали сообщать о собраниях, которые назначались на предприятиях. Союз посылал агитаторов, и Вася разговаривал с каждым из них:

— О чем будешь говорить? Как думаешь построить выступление?

Иные поначалу обижались:

— Не маленький, нечего проверять!

— Постой, — Вася брал упрямого за плечо. — Ты от себя лично говорить будешь или от союза молодежи? Ну, раз от союза, так мы вправе знать, с чем ты идешь к рабочим. Передай им то, что говорит товарищ Ленин, объясни, что соглашатели окончательно, открыто перешли на сторону контрреволюции. Пока они верховодят в Советах, бессмысленно требовать, чтобы Советы взяли власть. Объясни, что вопрос теперь поставлен так — не нами, а историей поставлен — либо полная победа контрреволюции, либо новая революция...

— Понятно...

— И не спеши, не комкай. У тебя есть такая манера — начнешь сыпать словами, никто не успевает их поймать. А людям понять надо. И не просто понять! Митинг — не урок арифметики в приходской школе. Нужно, чтоб твое слово зажгло людей... Ты выступление еще продумай и забеги ко мне через часок — расскажешь подробнее.

Друзья подчинялись. Раз Вася требует... Все знали, какое у него мягкое, доброе сердце. Скажи, что голоден, сразу отдаст кусок хлеба, взятый на целый день, и не подумает, что будет сам потом ходить голодный. Скажи, что книгу читал и чего-нибудь не понял, — сядет с тобой, начнет втолковывать. Может и полночи просидеть, мало ли, что завтра чуть свет

на работу. Но тут другое, тут политика, тут борьба, и он же не о себе печется.

Ребята еще не очень умели вести дела своего союза. Платных работников не было. Протоколы, повестки, отношения писал кто придется. Бумаги с точки зрения канцелярского искусства выглядели не слишком красиво, иногда о них совсем забывали. Закроет председатель собрание и спохватится:

— Братцы, а где же протокол? Так и прозаседали без него?

Бывало, что протокол, написанный с большим старанием, оставляли в незапирающейся проходной комнате на столе, а назавтра искали и не находили. Куда девался? Может, кто мимоходом прихватил на цигарки, может, сторожу понадобилась бумага — плиту разжигать.

Но жизнь в союзе была горячей. У ребят появилось такое чувство, что их всё касается: и происходящее рядом, в мастерской, и то, что делается далеко — на фронте, в стране, в мире. На собраниях, на дискуссиях, в клубе, случалось, брали друг друга за грудки. Доставалось меньшевикам, эсерам, анархистам. А после жарких споров спешили в театры, на экскурсии, за город. Всё чаще ребята уходили вечерами подальше от шумных улиц. Вытаскивали из-за поленниц, из ям, из-под половиц винтовки, занимались военным делом. Красная гвардия жила, ее отряды росли, и в них становилось всё больше молодежи.

Союз знали в районе, с ним считались. У него уже были свои представители в Совете, в завкомах, в цеховых комитетах. Незнакомые юноши и девчата часто приходили к Васе Алексееву. Притесняет хозяйчик, оскорбил мастер... «Кто же заступится, если не наш союз?» И союз заступался. Вызывали обидчика на

заводский комитет. Шли к хозяйчику и предупреждали: не перестанет притеснять учеников — найдут на него управу.

Действовали организованно. Только вот Зернов любил управляться самолично. Иногда даже не управлялся, а расправлялся. Лабазника, у которого ученики, некормленные и непоенные, по четырнадцать часов в сутки таскали тяжелые мешки и бегали, разнося товары, он предупредил:

— С завтрашнего дня это бросить! Увижу, что заставляешь работать больше семи часов, — пеняй на себя. Разобью тебе рожу и всю лавку разнесу к чертям. Понял, кровосос?

Он грозно глядел на лабазника и стучал по прилавку рукояткой массивного смит-вессона.

Кровосос кланялся:

— Всё будет сделано. Не извольте беспокоиться. Мы понимаем...

Но едва Зернов ушел, лабазник выдрал одного мальчишку, для спокойствия заперев предварительно дверь на крюк. Другому посулил порку попозже.

Исполнить обещание, данное Зернову, он и не собирался, но через несколько дней анархист снова пришел в лабаз. На этот раз разговор не состоялся. Зернов просто схватил с прилавка примус и запустил им лабазнику в физиономию. Потом сшиб с полок банки-склянки и объявил, что в следующий раз не оставит камня на камне во всем лабазе. На истошные крики и звон разбиваемых банок сбежались соседние лавочники, но, увидев зерновский смит-вессон, не решились подходить близко.

Случай этот повлек за собой всякие малоприятные объяснения. С Зерновым было вообще много хлопот. Он еще оставался членом организационной комиссии,

как эсер Васильев и двое меньшевиков, хотя молодежь уже отворачивалась от них и всё решительнее шла за большевиками.

Потом, почувствовав, как быстро сходит на нет их влияние, меньшевики попробовали расколоть союз. Они вышли из него и объявили, что создают новый. Маневр окончился бесславно. За меньшевиками пошло лишь несколько парней, да и те скоро вернулись в Социалистический союз молодежи.

— Скучно у меньшевиков, как в богадельне. Приходят туда очкастые адвокаты, говорят речи, ругают большевиков... Слушать противно, — объясняли они.

Часто по вечерам собирались в райкоме на Новосивковской или отправлялись гурьбой в центр — посмотреть, что там происходит. А в центре митинговали. Но это были митинги контрреволюции, собиравшей силы. На углах людных улиц стояли убранные зеленью, увешанные трехцветными флагами грузовики. С них произносили речи офицеры, какие-то верзилы в гимназических фуражках, господа в котелках. Послушать их останавливались лишь немногие прохожие. Рабочие называли эти митинги собачьими.

НА НЕВСКОМ

Петербург всегда был городом, где крайности как бы поляризовались. Центр — и окраины. Самое пышное, лезущее в глаза богатство — и самая неприкрытая горькая нищета. В эти недели центр и окраины представляли собой два политических полюса, два лагеря, готовящихся к схватке насмерть. Господа кадеты и не совались за Нарвскую заставу. После февраля они было устроили себе там гнездо — сняли хорошее помещение (денег у них хватало), открыли отделение «Партии народной свободы». Однако собрания их становились всё малолюднее и кончались скандалами. Приходили заводские ребята и не давали кадетам говорить. Потом рабочие просто выгнали их из района. Кадеты ушли и уже не возвращались. Но в центре, на улицах, где они были среди своих, ораторы в хороших костюмах, странные личности в солдатских гимнастерках

и с выправкой офицеров чувствовали себя уверенно. Стоило крикнуть на Невском про рабочего парня, что он большевик, и это служило сигналом к расправе.

Именно в это время заставская молодежь начала устраивать вылазки в город. До Невского добирались долго. Трамваи ходили плохо, да и деньги на билеты были не всегда. По дороге Вася и другие большевики наставляли ребят:

— Лучше всего этих говорунов сбивать вопросами. Прикидывайся дурачком, будто ничего не понимаешь, и спрашивай, выводи на чистую воду. Вопросами таких ораторов знаете в какое смешное положение можно поставить?

И ставили. Упитанный господин кричал с автомобиля:

— Всё для победы над кайзером! Не пожалеем крови и жизни!

— А ты почему не на фронте? Может, руку или ногу там оставил?

— Я на оборону работаю...

— Работаешь? Покажи руки, где мозоли?

— У него мозоли на другом месте... На брюхе у него трудовая мозоль.

— Демагогия, большевистские каверзы! — кричал фистулой оратор. Его уже не слушали.

— Сперва сам покорми вшей в окопах, потом других зови.

Одного такого оборонца, ораторствовавшего на Измайловском проспекте, солдаты, взяв под руки, увели к себе в казармы. «Воевать — так всем! Правильно заводские ребята говорят». Толстяка заставили снять галстук, манишку, штатский костюм, напялили на него солдатскую форму. Вся казарма восторженно хохотала.

— Теперь, как и мы, поедешь наступать на Вильгельма! Вон скоро соберут маршевую роту...

Оборонец уже слезно молил отпустить его. Но отпустили не раньше чем он поклялся: больше никогда не агитировать за войну.

На Невском, у памятника Екатерине Второй, плотной группой стояли бородачи в шинелях. Вася подошел ближе. В центре группы ораторствовал какой-то господин из «чистой публики». Слушали его хмуро.

— А как с войной? — спросил один из бородачей.

Оратор стал ходить вокруг да около острой темы.

Вася протолкался через толпу.

— На такой вопрос этот краснобай тебе не ответит. — Он даже не оглянулся на оратора, поперхнувшегося очередной круглой фразой. — Я тебе отвечу на этот вопрос. Кончать надо войну, немедля кончать, только ты не жди, что Керенский ее окончит. Самим пора браться за дело...

— Не слушайте его. Это же большевик, германский агент! — закричал опомнившийся оратор.

— Тише ты! — цыкнули на оратора из толпы. — Уходил бы, пока ребра тебе не пересчитали...

А Вася рассказывал, что́ говорит о войне Ленин.

Не всегда эти схватки были только словесными. Публика на Невском собиралась разная. Порой, когда упитанные ораторы ругали Ленина, кляли большевиков, ребята не выдерживали — свистели, кричали: «Ложь!», «Клевета!» Тогда начиналась свалка. Не раз уходили ребята с разбитыми лицами, с помятыми боками. Ну что ж, борьба! Назавтра шли снова. Да и не им одним доставалось.

У Гостиного двора огромного роста гардемарин схватил за горло путиловского парнишку:

— Кричи: «Да здравствует война до победы!», или сейчас тебе будет конец!

Ребята бросились на помощь товарищу. Их перехватывали юнкера и приказчики. Несдобровать бы парню, но из толпы выбежал солдат, со всего маху ударил гардемарина кулаком по лицу — тот разжал руки. А солдат вскочил на ходу в трамвай, парнишка за ним следом...

* * *

Еще весной в союзе появилась смущенная девчушка-гимназистка. Вообще-то учащихся тогда в союз не принимали, только рабочих ребят. Но девчушку привела Нюра Иткина, работавшая в райкоме. Вася знал, что на ее рекомендацию можно положиться.

— Хорошая дивчина, — сказала Нюра, — землячка моя. Приехала в Питер, в революцию рвется.

Гимназистка была на редкость мала ростом. На щеках играл яркий, совсем еще детский румянец, блестящие глаза горели любопытством. Ребята прозвали ее Искоркой, — должно быть, за сверкающие глаза, — и это имя так за ней и осталось. Евгению Герр называли Искоркой и тогда, когда она стала видным деятелем молодежного движения в Питере.

— Сколько тебе лет, революционерка? — поинтересовался Вася.

— Шестнадцать.

— Ну, это уже много. А что ты знаешь о революции, что читаешь?

И начался разговор. Новый человек всегда притягивал Васю.

— Читай больше, газеты читай, — советовал он гимназистке. — Теперь такое время... История мчится на всех парах.

Вскоре он снова встретил гимназистку:

— Как с чтением?

— Читаю... «Новую жизнь», еще интересные фельетоны есть в «Русском слове».

Вася расхохотался:

— Нашла родники политической мудрости! Да эти газеты тебе совсем замутят мозги.

Он сам снабдил ее книгами, объяснил, на что обратить внимание. Девчушка стала своей в союзе. Она, правда, приехала из провинции совсем зеленой, но люди в революции росли быстро. Очень скоро она уже знала истинную цену и «Новой жизни», и «Русскому слову», и партиям, которые издавали эти газеты. Она уже выступала на собраниях. Ребятам нравилось: «Мала Искорка, а соображает».

Евгения Герр.

Как-то Искорка попросила, чтобы ее тоже взяли на Невский. Все засмеялись:

— Куда тебе. Оттуда и наш брат другой раз еле ноги уносит.

— Но ведь вопросы ораторам и я могу задавать не хуже вас. Может быть, еще лучше выйдет. Меня за заводскую, за большевичку не примут.

И она тоже стала ходить на «собачьи митинги». Эсеровские цицероны действительно не сразу распознавали в этой маленькой гимназисточке политического

противника. А ее «наивные» вопросы основательно им досаждали. В конце концов раздосадованные ораторы всё-таки набрасывались на нее:

— Тебя большевики подослали, шпионка!

Ее таскали в участок. Выручали форменное платье и гимназический билет.

— Я в политике не понимаю, чего меня ругают? Я на каникулы приехала к родным, знакомлюсь со столицей.

Однажды она попала в участке к дежурному, к которому ее уже приводили. Тут вывернуться было трудней.

— Снова схватили? Теперь не обманешь. Говори, сколько тебе платят за шпионскую работу?

Девочка шмыгала носом, искоса поглядывая на окружающих:

— Как вам не совестно, господа. Я ведь гимназистка седьмого класса... А на митинг пошла просто послушать, что люди говорят. Мне интересно, у нас ведь свобода...

Дежурный грубо кричал на нее. Выкричавшись, махнул рукой:

— В последний раз отпускаю...

Искорка получила пинок и вылетела за дверь.

На следующий вечер она снова отправилась с ребятами на Невский.

— Повезло тебе, — говорили они, вспоминая тот случай.

Им-то, когда попадали в участок, бывало труднее выпутаться.

Ваня Скоринко во всем находил повод для шуток:

— У нас теперь новое блюдо в меню. Раньше ели битки по-казацки, теперь битки по-керенски. Я их наелся под завязку. — Он проводил рукой по шее. —

Угощал культурный по виду человек. Я его за студента принял сперва. Или за вольноопределяющегося. А рука как у заправского фараона...

Забежав на Новосивковскую, Скоринко застал Васю и других ребят у шапирографа. Вася намазывал краской валик, Тютиков и Минаев подавали ему нарезанные листки бумаги. Они печатали повестки — приглашения на собрание молодежи. Вечером предстояло разнести повестки по домам.

Отложив валик, Вася повернулся к Скоринко:

— Где это тебя изукрасили?

Лицо Скоринко было в ссадинах и кровоподтеках.

Накануне вечером он возвращался с Невского. У Александровского рынка митинговали. Оратор поносил большевиков. Пожилой, рабочего вида дядька спорил с ним. Скоринко, конечно, тоже вмешался. Спорили долго, а час был поздний, и люди понемножку разошлись. Скоринко и не замечал этого в пылу споров, но вдруг оказалось, что его окружает компания парней, сильно смахивавших на мясников с Сенной площади. Вести с ними дискуссии не имело смысла. Он решил уходить, но несколько молодчиков схватили его за руки. Кто-то ударил по спине.

— Тащи в часть!

В Спасском участке, куда Скоринко привели уже изрядно избитым, сразу начался допрос. Тот самый, которого Ваня принял не то за студента, не то за вольноопределяющегося, допытывался:

— Говори, ты за Ленина?

— Я за социализм, — «дипломатично» ответил Скоринко.

Дежурный ударил в зубы. Бил умело, не торопясь. Потом Ваню бросили в грязную камеру, где валялось

несколько пьяных, галдели растрепанные проститутки и жулики с толкучего рынка.

— Всю ночь там продержали, — рассказывал Скоринко. — А утром еще от батьки попало.

Вася разволновался, слушая его.

— Меньшевики и эсеры болтают о народной власти и свободах, а на самом деле в России начинается военная диктатура. Надо хорошенько растолковать это молодежи. Вот только побольше бы народу на собрание пришло. В другие районы тоже о нем сообщим.

Связь с другими районами становилась всё крепче, особенно с Петроградским, Александро-Невским, Василеостровским, Коломенским. Приезжали ребята поговорить о делах, которые их всех интересовали. И Вася нередко ездил к ним — выступал на собраниях, толковал с товарищами, еще не очень ясно представлявшими, как надо работать в союзе молодежи. Организация «Труд и свет» помогла им завязать знакомства. На заседаниях Всерайонного совета, где разглагольствовал, упиваясь собственным красноречием, Шевцов, Вася сидел вместе с Петей Смородиным, Ваней Канкиным, Колей Фокиным, Леопольдом Левенсоном и другими большевиками. Потом они уже встречались на заводах, на собраниях в районах. Уславливались, как следует вместе действовать. На заводах, в районах и шла основная работа.

В конце июня возникла еще одна организация — Межрайонный социалистический союз молодежи. Он был численно невелик, но его основали энергичные молодые большевики, и ему суждено было сыграть немалую роль в создании Петроградского социалистического союза рабочей молодежи, объединившего районные организации и ставшего прямым предшественником комсомола.

ДВЕ ПРОГРАММЫ

В июле появились у Васи новые друзья. Собственно, познакомился он с ними раньше. Было это за две недели до июльских событий.

Как обычно, сидели в союзе до позднего вечера. Заседали, решали дела, разговаривали и пели песни. Пели про славное море священный Байкал, про утес Стеньки Разина. Пели «Красное знамя» и «Варшавянку».

— Обратили внимание на «Открытое письмо товарищам рабочим и солдатам?» — Вася достал из кармана «Правду». — Советую прочитать. Правильно пишут.

Письмо было о том, что Временное правительство лишает избирательных прав юношей и девушек восемнадцати—двадцати лет.

«Как один из лишенных права голоса, я протестую и прошу тов. рабочих и солдат своими резолюциями и выступлениями добиваться отмены этого постановления.

Товарищей же рабочих и работниц 18—20 лет я призываю организоваться в мощный союз защиты избир. прав, и чтобы в нужный момент суметь отстоять свое право».

Вася посмотрел на газетный лист. Там стояла подпись: «Член Р.С.-Д.Р.П. О. Скар».

— Никто такого не знает?

Но автор письма сам пришел к ним на следующий день. В райкоме Васю разыскали парень в пенсне и статная девушка в косынке, из-под которой упрямо выбивалась прядь русых волос. Девушку звали Лиза Пылаева, парня — Оскар Рывкин.

— Хотим договориться с Петергофско-Нарвским районом и устроить у вас собрание против того, что молодежи не дают избирательных прав. Я об этом и в «Правде» писал, что нам протестовать надо.

— Так, значит, вчера твое письмо было напечатано?

— Ну да. Подпись «О. Скар» — так это же Оскар, мое имя. Давайте у вас проведем митинг, общегородской, а ты, Алексеев, выступи с докладом.

Лиза стала поддерживать Оскара. Вася задумался.

— Погодите, ребята. Митинг — это правильно. Только стоит ли устраивать у нас? Наши ребята и так распропагандированы. Лучше поближе к центру, тогда из других районов скорее придут. А докладчик... Да разве ты не сделаешь доклада о том, что писал в «Правде»? Или ты? — Вася посмотрел на Пылаеву. — Вот же как говоришь горячо. Ведь партийная? Ну и выступишь отлично.

На том и договорились.

Через два дня в «Правде» появилось объявление: «18-ти и 19-летние граждане!

Нас лишили гражданского права голоса при выбо-

рах в Учредительное собрание. Мы не должны молчать — протестуйте все!.. Приходите все без различия пола, вероисповедания 22 июня в 7 ч. веч. в клуб раб. и солдат «Объединение» для обсуждения этого вопроса. Адрес: Херсонская, 2».

Лиза Пылаева выступила на этом собрании с речью. Многие ребята выступали. Протестовали против лишения избирательных прав, говорили, что молодежи надо быстрее объединяться в свой союз. Клуб находился в Рождественском районе и поначалу решили тут же создать Социалистический союз рабочей молодежи Рождественского района, но потом выяснилось, что из Рождественского-то пришло всего несколько ребят, остальные из других частей города — рабочие, солдаты. Тогда кто-то предложил:

— Раз мы из разных районов, пусть и союз у нас будет называться Межрайонным.

Через несколько дней Межрайонный союз дал знать о себе новым объявлением в «Правде». Он сообщил, что 1 июля в цирке «Модерн» устраивается митинг молодежи. «Выступает ряд ораторов, хор певчих завода «Новый Лесснер» и оркестр духовой музыки Измайловского полка».

Цирк «Модерн» имел один из самых больших залов города, там часто устраивались митинги большевиков. Вася, прочитав объявление, сказал друзьям:

— Молодцы эти ребята, времени не теряют.

Потом Вася стал ходить в клуб на Херсонской. Там он и сдружился с Лизой, Оскаром и другими организаторами Межрайонного союза.

Статная и красивая, с чистым лицом, которое то и дело заливал яркий румянец, Лиза любила посмеяться, улыбка постоянно играла на ее губах, большие серые глаза смотрели смело и прямо. В этой девушке

Елизавета Пылаева

чувствовался твердый и горячий характер революционерки. Лиза служила в модном магазине на Невском, но она выросла в революционной семье и отдала себя революции без колебаний, так, словно и не представляла себе другого пути. Летом семнадцатого года она была уже большевичкой, работала в «Правде» и в Петроградском комитете партии. Рассказывали, что в июльские дни, когда юнкера громили дворец Кшесинской, она сумела вынести оттуда важные документы и револьверы, принадлежавшие работникам ЦК. Шла так спокойно и с таким беззаботным видом, что юнкера ее даже не остановили.

Оскар Рывкин — быстрый в движениях, порывистый, на вид болезненный юноша с грустным взглядом черных глаз — казался полной противоположностью красивой и яркой Лизе.

Оскар уже многое видел. Он был учеником наборщика и аптекарским учеником. Учился азам ремесла и постигал среди революционных рабочих основы борьбы за свободу. Сразу после Февраля Оскар вступил в партию большевиков. У него оказались недюжинная энергия, талант организатора и пропагандиста. Как и Лиза, он отдал их революции.

Вместе с Лизой, Оскаром, с Эдуардом Леске, тоже входившим в оргкомитет союза, Вася обсуждал планы создания общепетроградской социалистической организации молодежи.

Оскар Рывкин.

Июль был тяжелым месяцем для партии, но именно в июле она приняла важные решения об организации молодежного движения. В июле проходила Вторая петроградская общегородская конференция большевиков, в июле начался Шестой съезд.

На Петроградской конференции с докладом «О Союзе рабочей молодежи» выступала Надежда Константиновна Крупская. Она подробно рассказала, как развивается движение молодежи в Питере.

Конференция обсудила проект программы и устава Социалистического союза рабочей молодежи. Его составили члены комиссии Петроградского комитета партии с представителями Петергофско-Нарвского, Петроградского и других районных союзов. Над проектом вместе с Надеждой Константиновной и другими товарищами из ПК работал и Вася Алексеев.

Вася был председателем комиссии, которой Межрайонный Социалистический союз рабочей молодежи поручил окончательное оформление программы и устава. Вася написал программу и устав Петергофско-

Нарвского союза. Конечно, их основой стал проект, обсуждавшийся на Второй петроградской конференции большевиков.

Программа Петергофско-Нарвского союза включала в себя:

«А) Политические требования:

1. Признание гражданского совершеннолетия с 18 лет...

2. Уравнение девушек в гражданских правах с юношами.

3. Обязательное всеобщее и бесплатное образование и доступ всем сословиям в любое учебное заведение.

4. Право выбора подростками депутатов в Совет рабочих депутатов (своих представителей).

Б) Экономические требования:

1. Восьмичасовой рабочий день для рабочих.

2. Сокращение рабочего дня до 6 часов для подростков и в возрасте до 18 лет.

3. Запрещение для подростков ночного труда.

4. Запрещение эксплуатации подростков возрастом до 16 лет и вообще детского труда.

5. Право избрания в цеховые, фабрично-заводские комитеты (в старосты) и другие организации представителей от рабочей молодежи и оплата их труда за время, занятое по организационным вопросам».

В общеполитической части Вася изложил основные положения партийной программы.

Шевцову принес этот документ кто-то из его «оруженосцев». Сидя за тяжелым письменным столом, Шевцов читал его и дергался от каждого слова.

— Что за стиль, — бормотал он, — одни перечисления, никакого взлета...

Он делал вид, что его коробит язык, но всё в этой программе было ему враждебно. Всё было направлено против самых основ манифеста, который Шевцов написал для «Труда и света». Два документа лежали рядом. Как будто бы они говорили об одном — о целях рабочей молодежи, но каждым словом они противоречили друг другу.

— Что за стиль!

Шевцов писал свой манифест, подыскивая самые, как ему казалось, яркие выражения, пробуя на зуб каждое слово. Он так не шлифовал ни одного произведения за всю свою литературную жизнь. Разве можно было даже сравнивать с его вдохновенно звучащим — он не сомневался, что вдохновенно, — манифестом эти простые и лаконичные строки? Но, странное дело, Дрязгов недавно жаловался, что в рабочих районах встречают свистом первые же фразы манифеста: «Царизм свергнут, капитализм рушится, буржуазия трясется. Об окончательной победе над ними пусть позаботятся наши матери и отцы...» И не хотят дальше слушать. А программу, написанную Алексеевым, принимают с восторгом.

Дрязгов как-то приехал к Шевцову поздно вечером, прямо с собрания молодежи Невского района. Собрание проходило на Александровском заводе. Дрязгов поехал туда, чтобы отстаивать манифест, но долго говорить ему не дали — согнали с трибуны. Он неловко слез с нее, растерянный, едва сдерживая слезы обиды и злости. Никто больше не обращал на него внимания. На трибуну поднялся Алексеев. И вышло так, что не Дрязгов, а он читал выдержки из шевцовского манифеста.

— Послушайте, всё тут есть! Написано даже о создании художественной школы пролетарского юношества для развития в нем чувства прекрасного — любви ко всему изящному и стремления к развлечениям высшего свойства. Я не знаю, что это за «развлечения высшего свойства», не буду о них и говорить. Наверно, Шевцов в этом разбирается лучше. Но вот что я скажу: развлечения они не забыли и любовь к изящному тоже. Не забыли об уходе за жилищами, о домоводстве и домашнем хозяйстве. Всему они собираются учить молодежь. Одному только не хотят учить — борьбе за наши классовые интересы, за права, которые нам необходимы, за те требования, которые выдвигает рабочий класс. Такова их программа. Ее с радостью одобрит буржуазия, которой только и надо, чтобы мы отошли от борьбы. Но именно потому мы с презрением ее отвергаем.

Собрание было длинным, как все собрания в ту пору. Выступило много ребят. Саша Лепешкин, Ваня Канкин и еще другие шумно поддерживали Васю Алексеева, а Дрязгов ни от кого не услышал слова поддержки. С собрания он шел один, старался и не мог понять, почему его постигло поражение. «Алексеев играет на низменных инстинктах неразвитой молодежи» — это он не раз слышал от Шевцова, но сейчас подобные объяснения не успокаивали. Что-то было не так.

Впереди по узкой и длинной улице, вдоль заводского забора, шел Вася Алексеев, окруженный толпой ребят. До Дрязгова долетали их голоса, то возмущенные, то веселые, смех и возгласы. И это еще усиливало чувство одиночества.

А на империале паровой «конки», ходившей из-за Невской заставы к Николаевскому вокзалу, они ока-

зались недалеко друг от друга. Эта «конка» — коротенький поезд, в который вместо лошадей был впряжен кургузый, отчаянно дымивший паровичок, — тянулась нестерпимо медленно. И, как Дрязгов ни отворачивал от Васи растерянное и обиженное лицо, тот заметил его состояние, и, видно, ему стало жаль разбитого противника.

— Подумай, — сказал Вася, — подумай о том, что говорили, спокойно, без обиды. Ты рабочий парень, может, и поймешь, в чем неправ...

Шевцов сразу почувствовал сомнения, тревогу, которыми был охвачен Дрязгов.

— Алексеев сбивает вас с толку, но вы, конечно, слишком умны, чтобы поддаться на его демагогию. Вы интеллигентный юноша, каких, к сожалению, еще очень мало среди рабочих. Трудно поверить, что вам так мало лет... Сумейте подняться выше временных неудач. Завтра мы будем торжествовать победу.

Дрязгова он, кажется, успокоил в тот вечер, но к нему самому прежняя уверенность уже не возвращалась. И карьера вождя молодого рабочего класса, которую он выбрал для себя, уже не представлялась, как прежде, обеспеченной и лучезарной. За последние недели этой карьере было нанесено несколько тяжелых ударов, Шевцов не мог не помнить о них...

ДЕНЬГИ ЭММАНУИЛА НОБЕЛЯ

Вася был прав, говоря, что либералам вроде Шевцова придется снять маску, когда ребята начнут выдвигать большие политические вопросы. Обстановка во Всерайонном совете становилась напряженной, представители районов всё более явно поддерживали большевиков, они требовали прямых ответов. Кутаться в плащ таинственной «надпартийности» становилось трудно, да Шевцову казалось, что это уже и не так необходимо. Времена стали иными: контрреволюция наступала, кумир Шевцова — Керенский поворачивал к военной диктатуре. Шевцов тоже попробовал наступать.

В один из жарких летних дней был созван Всерайонный совет. Дрязгов предоставил слово Шевцову.

— Петр Григорьевич зачтет составленный им проект устава, который мы должны принять.

Шевцов встал из-за стола, одер-

нул студенческую тужурку, слишком облегавшую начинавшее полнеть тело. Тужурка была старая, она надевалась только для встреч с заводской молодежью. Шевцов быстро посмотрел в сторону своих противников, — они сидели тесной группой, и группа эта была уже совсем не так мала, как в первое время. Вася Алексеев достал из кармана записную книжку и повертел в пальцах карандаш. Петр Смородин смотрел на докладчика с хмурой насмешливостью — в упор. Задиристый Ваня Канкин тихо говорил что-то, наклонившись к Леопольду Левенсону, и оба искоса поглядывали на Шевцова.

«Сговариваются против меня», — подумал тот, чувствуя нарастающую неуверенность. Он откашлялся, прогоняя неожиданно появившуюся хрипотцу, и начал читать.

И сразу пошел по комнате гул. Дрязгов пытался погасить его председательским колокольчиком, Метелкин несколько раз кричал: «Не мешайте!», но гул не прекращался.

Да, в уставе соглашатели выразили свои идеи и намерения куда откровеннее, прямее, чем в манифесте. Тут были и верноподданническое обращение к Временному правительству, и пышные слова о единении славян, и пресловутая «надпартийность».

Организационные положения устава были весьма определенны. Шевцов чувствовал, как редеет число его единомышленников в совете, и заботился о том, чтобы обеспечить свою позицию. Он записал в устав два особых «права»: во-первых, приглашать «необходимых полезных лиц» на заседания Всерайонного совета, во-вторых, исключать из состава членов Всерайонного совета «излишних или вредных лиц». Так можно жить спокойно: позови тех, в чьей поддержке ты

уверен, выставь за дверь всех, кто может спорить с тобой, — и любое дело решится, как ты захочешь.

Всерайонный совет должен был стать для Шевцова золотой рыбкой, которая, в отличие от сказочной, беспрекословно выполняла бы его желания, сколько бы он их ни высказал.

Бой начался, как только Шевцов прочел заключительный пункт устава. Первым поднялся Вася Алексеев. Горячий и прямодушный, он с трудом сдерживал возмущение. Надо было разобрать шевцовский устав — пункт за пунктом. И Вася это делал, искусно раскрывая ухищрения составителя.

— Наш союз должен быть пролетарской интернационалистической организацией, а нам предлагают объединить лишь славянские народы, — говорил он, — нам предлагают с доверием и добрым сердцем относиться к власти, а это буржуазная власть, старающаяся закабалить рабочий класс, не желающая удовлетворить его самые законные требования, ведущая братоубийственную войну. Разве мы можем согласиться?.. Весь устав, заслушанный нами, совершенно не пригоден для рабочей молодежи. Он точно списан с устава буржуазного общества «Маяк». А туда рабочим путь заказан, — сказал он в заключение.

— При чем тут «Маяк»?! — крикнул Шевцов. — Зачем вы всё время говорите о «Маяке»? Кого стараетесь напугать?

— При том, что очень у вас похоже. И не пугаем мы никого. Предупреждаем. Вот послушайте, товарищи, другой устав.

Вася достал из кармана листок с проектом, составленным комиссией Петроградского комитета большевиков, и прочитал от начала до конца.

— Такой союз нам нужен. За такой союз мы будем всеми силами бороться.

Шевцов и его подручные основательно подготовились к собранию. Они спешили выступить один за другим. Они заранее подсчитали, на чьи голоса могут рассчитывать. Но большевики атаковали упорно и сильно. И часть тех, кого Шевцов считал своими, не пошла за ним. Делегации трех больших рабочих районов — Петергофско-Нарвского, Александро-Невского и Петроградского — демонстративно встали со своих мест и покинули заседание, протестуя против того, что шевцовский устав выносится на голосование. Некоторые делегаты из других районов ушли вместе с ними. Голосование было сорвано, и когда исполнительная комиссия всё же издала свой устав, написав, что он принят большинством голосов, это, по существу, было уже подлогом.

Спор об уставе не был окончен, и то, что Шевцов считал своей победой, лишь приблизило его падение. Горячая схватка, происшедшая на заседании Всерайонного совета, заставила многих ребят взглянуть по-другому на этого либерального говоруна.

Вася Алексеев с самого начала открыто, в глаза говорил Шевцову, что ему не место в союзе молодежи. Теперь уже многие члены совета были согласны с этим. Организации четырех крупных рабочих районов договорились совместно добиваться отстранения Шевцова от руководства. Но для самого Шевцова удар, свалившие его, был неожиданным. Его взгляды слишком отличались от взглядов этих рабочих ребят, и ему трудно было предвидеть, какую бурю вызовут деньги, добытые им для союза. Шевцов с гордостью рассказывал, что заводчик Эммануил Нобель внес в кассу

«Труда и света» триста рублей. Рабочие ребята насторожились.

Исполком «Труда и света» жил вообще на широкую ногу: напечатал тысячными тиражами свой манифест, устав, листовки. На Петроградской стороне было снято просторное помещение. Ребята там еще не бывали, но Дрязгов и Метелкин говорили таинственно:

— Раскроете рты. Сейчас там красят всё — и стены, и двери, и потолки. Вот уйдут маляры, проведем электричество, обставим кабинеты... Увидите своими глазами. Всё новенькое, всё самое хорошее, всё будет сверкать!

Районные организации часто сидели без копейки,— не на что было купить писчую бумагу и почтовые марки. Из каких же кошельков шли деньги Шевцову, и почему делал пожертвования Нобель?

Районы потребовали финансового отчета. Шевцов долго и не очень ясно докладывал Всерайонному совету: от Выборгской организации получили столько-то, от Нарвской столько, от Петроградской... Были поступления от отдельных лиц...

— Что за лица такие? Эммануил Нобель?

— Да, Эммануил Нобель пожертвовал нам триста рублей...

— Раньше на «Маяк» давал, а теперь на «Труд и свет»?

— Почему вы не допускаете, что у господина Нобеля взгляды могут измениться? Я считаю, что его пожертвование говорит о такой именно перемене. Нобель теперь сочувствует рабочей молодежи.

— Знаем, кому он сочувствует! Первейший капиталист на всю Европу! Нобель не изменился к рабочей молодежи. Скажите, что вы, Шевцов, ей изменили. Так правильнее будет! — кричали из рядов.

Опять Дрязгов махал колокольчиком. Шевцов, оборачиваясь к нему, разводил руками:

— Это обструкция, они хотят сорвать заседание.

Но когда он продолжил свой отчет, шум стал еще сильнее. Странно всё получалось. Расходы исполкома были намного больше поступлений.

— Где еще брали деньги? — требовали ответа от Шевцова.

— Я ведь сказал — от разных лиц. Я сам со своей сберегательной книжки снял тысячу четыреста рублей и истратил их на выпуск брошюр, а также на ремонт помещения. Не хотел об этом говорить, вы вынудили меня.

Он сделал паузу и стоял за столом с трагическим видом. Но это уже не производило впечатления, ему не верили больше. Было похоже, что деньги взяты из источников, о которых Шевцов предпочитает не говорить. У Нобеля брал, где еще побирался?

Встал Вася Алексеев:

— Пускай об этих деньгах хорошенько подумают товарищи, которые на прошлом заседании поддерживали шевцовский устав. Тут цепочка одна — Шевцов пишет устав на манер того, что у общества «Маяк», а Нобель, который раньше давал деньги «Маяку», теперь дает Шевцову. Правда, меньше. «Маяку» он платил пять тысяч в год, Шевцову отвалил три сотенных бумажки. Ничего, может, еще отвалит, деньги у него есть. А Шевцов постарается заслужить. Всё, что он делает в союзе, — всё это в интересах буржуазии, так как отвлекает молодежь от борьбы за дело рабочего класса. Шевцов знает, что делает, но вы... Неужели вы не видите, что он заставляет вас плясать под дудку господ нобелей?

— Я протестую! — кричал Шевцов. — Эти нападки направлены к расколу нашей организации. Алексеев занимается политикой!

Он кричал еще что-то о большевиках, обвинял их в покушении на свободы... Слов было уже не разобрать в поднявшемся возмущенном гуле. Все вскочили с мест.

Дрязгов растерянно стоял, забыв про свой председательский колокольчик. Он не смел заступиться за Шевцова.

Вася Алексеев снова вышел к столу:

— Мы занимались политикой и будем ею заниматься — в интересах революции, в интересах рабочего класса, и вы, господин Шевцов, напрасно надеетесь нам запретить это. Рабочая молодежь не пойдет за вами. А вам, я повторяю снова, вам пора уходить. Вам с рабочей молодежью не по пути. Мы категорически требуем вашего ухода.

На этом заседании Шевцов был снят с председательского поста. Никто не выступил в его защиту.

Только потом, когда делегаты районов разошлись, Шевцов собрал исполкомовцев в своем солидном и тихом кабинете. Он пробовал спасти что было можно. Председателем сделали Дрязгова — в нем Шевцов был уверен, — решили скорее закончить ремонт помещения, устроить там торжественное открытие организации «Труд и свет». Может быть, молодежь, увидев, как старается для нее исполком, снова пойдет за ним, отвернется от Алексеева, от всех этих большевиков, вносящих смуту и раскол?..

НА СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

В конце июля — начале августа происходило событие огромного исторического значения — в Питере заседал съезд партии. Вася был делегатом. 26 июля собрались в небольшом доме «Сампсониевского братства» на Выборгской стороне. Михаил Степанович Ольминский поднялся на возвышение. Он был самым старшим среди двухсот делегатов, заполнивших зал, — ему перевалило за пятьдесят, и Васе этот красивый, статный человек в сюртуке казался стариком. Съезд был молод: средний возраст делегатов не достигал и тридцати. Даже Вася в свои двадцать лет не был самым юным. В зале сидели и делегаты, которым едва исполнилось восемнадцать—девятнадцать. Но здесь был цвет партии, и съезд собрался для решений, которым предстояло определить пути истории, судьбу поколений и народов.

— Товарищи! Организационное бюро по созыву партийного съезда поручило мне открыть съезд, — сказал Ольминский.

Вася слушал его спокойную и торжественную речь и вглядывался в лица делегатов. Некоторых он знал раньше, о многих слыхал. Перед открытием съезда делегаты стояли группами, разговаривали. То к одному, то к другому из входящих бросались навстречу товарищи. Долго жали руки, обнимались. Встречались старые друзья, не видевшиеся многие годы. Их дружба началась на сходках и маевках, в тюрьмах, в далеких поселениях.

Знакомясь с новыми товарищами, многие называли себя подпольными именами: «Владимир», «Вера»... Впрочем, это была не только старая привычка. Съезд, собравшийся в «свободной» России, проходил полулегально. Временное правительство могло его разгромить, и это все понимали.

Рабочие Выборгской стороны были готовы защищать съезд большевиков. Вася знал, что вокруг «Сампсониевского братства» и дальше на примыкающих улицах стоят рабочие патрули; в разных домах и дворах, скрытые от постороннего глаза, заняли позиции боевые дружины. Но думалось не о том, что могло случиться сегодня. Думалось о светлом завтра, о великом повороте, для подготовки которого и собрался съезд.

Первое заседание было не очень долгим: решили, как дальше работать, выслушали несколько приветствий. Со следующего утра работа пошла напряженно, заседали с утра до позднего вечера, — очень многое предстояло обсудить, а времени терять нельзя было.

В первый день Яков Михайлович Свердлов, говоря о том, как организационное бюро готовило съезд, заявил:

— По вопросу о докладчиках организационное бюро сделало всё, что могло, но съезду придется отказаться от тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться.

Его могучий бас зазвучал приглушенно. Вася снова непроизвольно обежал глазами зал. Трудно было смириться с тем, что нет на съезде Ленина. Опять в подполье...

О Ленине думали все. Едва Ольминский открыл съезд и был сформирован президиум, как предложили выбрать почетным председателем Ильича. Разом поднялись руки делегатов — все до единой. И чем дальше шел съезд, тем очевиднее было, что Ленин занимает тут не только почетное место. Он в самом деле руководил — незримо, но постоянно. От него исходили положения главных докладов, им были продуманы решения. Свердлов ведь сразу сказал:

— Будет сделано всё, чтобы получить резолюции отсутствующих товарищей и выяснить их отношение к предлагаемым резолюциям.

И это было сделано. Но всё равно так хотелось, чтобы Ленин был здесь — в зале, за столом президиума, на трибуне... А вместо этого приходилось решать вопрос о его явке на суд Временного правительства. Делегаты волновались. То, что они думали, сказал Дзержинский:

— Мы должны разъяснить товарищам, что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии, что мы не выдадим Ленина...

Так и решил съезд.

Три дня шли заседания в зале «Сампсониевского братства», на четвертый делегаты по дороге на съезд прочли в газетах о новом постановлении Временного правительства. Военному, морскому министерствам и

министерству внутренних дел давалось право закрывать собрания и съезды, «которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности».

«В нас прицеливаются», — понял Вася.

За последние недели много большевиков было схвачено и брошено в тюрьмы. Делегаты знали, что происходило в июльские дни во дворце Кшесинской, как орудовала в партийной типографии воинская команда, присланная «для охраны». Об этом говорилось на съезде. Два офицера привели в типографию взвод кавалеристов. Они ворвались в помещение и учинили настоящий разгром. «Караульные» организованно, хладнокровно и умело ломали оборудование, запускали машины и всовывали в них ломы, колотили кувалдами, рассыпали и перемешивали шрифты, оборвали телефон, расколотили столы и наборные кассы...

Контрреволюция вымещала злобу на вещах, но злоба была направлена против тех, кто, пользуясь этими вещами — машинами, шрифтами, полосами набора, — звал народ к борьбе за его права, за мир и подлинную свободу. Слепая, лютая злоба была направлена против большевиков.

Надо было принять меры на случай, если съезду придется оборвать работу, не доведя ее до конца. В тот день заседание было закрытым. Даже протоколов не вели. Выбирали новый Центральный Комитет. Каждого кандидата тщательно обсуждали — кроме нескольких самых известных товарищей. Когда называли имя, кандидат вставал и выходил за дверь...

Голосование было тайным, подсчет голосов поручили президиуму, а результаты решили не оглашать. Реакция ведь охотилась за большевистскими вождями. Только на последнем заседании, когда съезд уже

заканчивал свою работу, были названы некоторые цифры. Серго Орджоникидзе предложил объявить, кто получил наибольшее число голосов. Тогда было названо имя Ленина, и съезд бурной овацией встретил его.

На следующий день после выборов «Сампсониевское братство» уже пустовало. Напрасно рыскали сыщики Временного правительства. 30 июля вечером делегаты собрались уже в другом конце города, за Нарвской заставой. Они заполнили комнату райкома на Новосивковской, ту, где со времен чайной стоял старый бильярд с порванным сукном. Теперь бильярд убрали, но комната всё равно была слишком мала. Усевшись, прослушали и обсудили два доклада о текущем моменте. Говорили о войне, об отношении к Советам, о курсе, который партии предстояло взять.

— Завтра с утра соберемся в другом месте, в доме номер два по Петергофскому шоссе, сразу у Нарвских ворот. Там сможем работать в более удобных условиях, — объявил в конце заседания Яков Михайлович Свердлов.

Вася стал объяснять сидевшим поблизости товарищам, как попасть в новое место. Он всё там знал. Вечером 29 июля Яков Михайлович Свердлов приехал на Новосивковскую. Вася Алексеев был уже там, Свердлов совещался с Косиором, познакомился со всеми товарищами в райкоме, каждого расспросил, давно ли в партии, много ли работал в подполье, к чему его больше влечет. С Васей он говорил, как со старым знакомым. Память на людей у него была необыкновенная, и Васю он знал хорошо.

Свердлов показал газету, где было решение о запрете съездов.

— Прихлопнут сволочи, — проговорил сквозь зубы секретарь райкома Эмиль Петерсон. По его лицу пошли желваки, кулаки были крепко сжаты.

— А вот мы не дадим прихлопнуть съезд, — как-то весело сказал Свердлов. — Вспомним старое — и перейдем на нелегальное положение. Съезд переедет сюда, за Нарвскую заставу.

В его глубоком рокочущем голосе звучали энергия и уверенность. Он говорил о том, что путиловцы, конечно, сумеют защитить съезд. Он знал каждую красногвардейскую дружину в районе. В сущности, у него уже был готовый план, как всё организовать. Надо было только выбрать помещение.

Тогда Вася и сказал о домике — сразу за Нарвскими воротами, слева, если ехать из города.

— А велик ли дом?

— Помещение меньше, чем на Сампсониевском, да ничего, разместиться можно. Хотите, я вас туда сейчас сведу? Задами тут недалеко.

— А что ж, пошли!

Они были в доме возле Нарвских ворот уже через несколько минут. Яков Михайлович всё осмотрел — где можно собраться, каковы подходы к дому, как из него выбраться в случае тревоги. Всё нужно было учесть.

— Подойдет.

Он еще раз напомнил об охране, о квартирах для приезжих делегатов, о том, что надо как-то организовать питание.

Той же ночью взялись за дело. В охрану отбирали дружинников, вооруженных наганами или крупнокалиберными пистолетами — маузерами, браунингами.

Дружинники должны были разместиться вокруг домика, не привлекая к себе внимания. Распределяли красногвардейцев по сменам, чтобы патрули действо-

вали круглые сутки — днем оберегали съезд, ночью следили, не подтягиваются ли карательные отряды, не собираются ли для нападения.

Дружинники решили, что охраны, вооруженной револьверами, всё-таки мало. На свой страх и риск поставили на чердаке, возле слухового окна, пулемет. Позиция была удобная, тут, в случае нужды, можно было долго сдерживать нападающих. Пока пулемет тщательно замаскировали. Никто о нем не знал.

Райкомовцы ходили по квартирам рабочих:

— Надо на несколько дней приютить приезжего товарища.

Везде жили очень скученно, но отказов райкомовцы не встречали. «Квартирный вопрос» разрешили легко. Что за приезжий товарищ, почему надо его приютить, рабочие не спрашивали. Привыкли с давних времен.

Всё делалось быстро. В доме на Петергофском шоссе расставляли скамейки, столы. Большевики, работавшие в продовольственной управе, сумели получить талончики, по которым можно было накормить приезжих.

31 июля съезд уже заседал возле Нарвских ворот. И здесь было тесновато. Сидя на скамейке, Вася чувствовал плечи товарищей, прикасавшиеся справа и слева к его плечам. Но от этого как-то становилось лишь веселее. Настроение было приподнятое. В этот день делегаты получили ленинскую работу, обращенную к съезду. В кармане у Васи лежала брошюра «К лозунгам». Вася взял брошюру и стал снова читать ее, во второй уже раз.

Вот оно, ленинское слово! Оно дошло до съезда, до каждого делегата. Брошюра у всех в руках. Пускай Ильич в подполье, пускай ему нельзя сюда. Пускай

закрыты большевистские газеты, разгромлена типография — Ленин всё равно говорит с товарищами по партии о самом важном, о том, что́ надо делать теперь, куда идти. Его брошюру привезли матросы из Кронштадта — там она напечатана в дни съезда,—и, читая ее, делегаты слышат, как Ленин обращается к ним.

А Ленин говорит о том, что после 4 июля политическое положение в России коренным образом изменилось. Власть перешла в руки контрреволюции. Мирное развитие революции стало невозможным. «...Власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов».

Теперь курс на вооруженное восстание! Вот о чем говорит съезду Ленин. И съезд принимает этот курс.

* * *

В десять вечера Свердлов закрывает очередное заседание. Делегаты расходятся небольшими группками. Но многим надо еще собраться в секциях и подсекциях, — там тоже подготавливаются важные решения. Вася идет в подсекцию по организации молодежи. В небольшой комнате ребята окружили Надежду Константиновну Крупскую, она сегодня докладчик. Пришли и пожилые товарищи, состоящие в партии по десять—пятнадцать лет. Как организовать молодежь — это всех интересует.

Час поздний, уже темно, но света решают не зажигать. Не надо привлекать к дому внимание.

После доклада долго спорят. Какими должны быть

молодежные организации? Создавать ли их при партии или лучше, чтобы они были организационно самостоятельны, а связаны с партией лишь духовно? Называть ли союз молодежи социалистическим?

У Васи на этот счет сомнений нет. Для него такие вопросы уже решены жизнью, в союзе молодых рабочих Нарвской заставы: партийная организация их не опекает, а молодежь идет за большевиками.

— И зря некоторые боятся назвать союз социалистическим. Мол, название отпугивать будет. У нас союз с самого начала так назван, и это не испугало рабочую молодежь. Молодые пролетарии не из пугливых, это уже история показала, это каждый день показывает жизнь.

В таком духе и строится доклад съезду, который слушает его вечером 2 августа.

От подсекции по организации молодежи делает доклад М. Харитонов. Он говорит о том, что рабочая молодежь с самого начала революции стремится создать свои организации. Прежде всего она обратилась за помощью к большевикам. Как важно это движение, поняла и буржуазия, — она старается взять его в свои руки. В число «руководителей» молодежи проникли кадеты, либералы и даже темные личности, как, например, сотрудник суворинской «Маленькой газеты».

Что такое «Маленькая газета», делегатам съезда, конечно, известно. Скандальная слава бульварного листка становится всё более громкой. Заметки и рассказики, печатающиеся на его страницах, пропитаны ненавистью к другим народам, оголтелым шовинизмом. Совсем недавно, в середине июня, «Маленькая газета» напечатала воззвание, требовавшее, чтобы во главе Временного правительства стал не кто иной, как матерый монархист адмирал Колчак.

Что за сотрудник «Маленькой газеты» пролез в молодежное движение, может быть, известно и не всем, но Вася отчетливо видит господина Шевцова, вспоминает свои схватки с ним. Борьба отняла немало сил, но ведь она совершенно необходима, чтоб вырвать рабочих ребят из-под влияния буржуазии. И эта борьба будет продолжаться.

Вася сидит на скамейке, подавшись вперед. В руках — записная книжка, он слушает и торопливо делает пометки. Он готовится выступать перед такой высокой аудиторией, перед какой еще никогда не говорил и выше которой он аудитории и не знает.

Докладчик ссылается на опыт Западной Европы. Там встречаются два типа организаций молодежи. Одни подчинены социал-демократической партии, находятся под ее опекой и контролем партийных чиновников. Другие организации самостоятельны, и вот эти самостоятельные организации и показали себя наиболее крепкими, явились лучшим оплотом интернационализма. Самостоятельными должны быть и наши союзы молодежи. Необходимо, чтобы партийные организации обратили самое серьезное внимание на движение молодежи. Надо, чтоб молодежные организации с их возникновения приняли социалистический характер, они должны быть духовно связаны с партией.

После докладчика берет слово Смилга. Начинает он с того, что «в общем и целом» согласен с докладом, он только против того, чтобы союзы рабочей молодежи назывались социалистическими. Лучше бы называть их «союзами... стоящими на классовой точке зрения». Затем выясняется, что Смилга не согласен и с другими предложениями подсекции, готовившей доклад съезду. Ему не нравятся слова о духовной связи

союза с партией, он хочет, чтобы в резолюции было сказано об «организационной связи»...

Атаку Смилги надо отбить. Васина очередь выступать еще не подошла, но он просит, чтобы ему дали слово раньше.

И ему дают слово как представителю того союза молодежи, о котором сейчас думает и говорит съезд.

— Вне очереди! — объявляет председательствующий.

Вася поднимается на трибуну.

— На основании опыта этих месяцев я настаиваю на принятии резолюции Харитонова, как наиболее обеспечивающей интересы социалистической рабочей молодежи, — заявляет он.

Вася рассказывает о работе союза, о борьбе между интернационалистами и оборонцами, которые пытаются отвлечь юношей и девушек от политики, мешают им отстаивать свои коренные интересы. Вася заявляет съезду, что четыре района уже откололись от шевцовской организации «Труд и свет» и хотят организовать другой союз, более отвечающий интересам рабочей молодежи.

— Мы считаем необходимым оставить название «социалистический», так как название «стоящий на классовой точке зрения» может быть непонятно для широких слоев.

Он сходит с трибуны, провожаемый аплодисментами, а прения продолжаются, и Вася напряженно ловит каждое слово.

Делегат рижской организации Ленцман рассказывает, что у них тоже возникли союзы молодежи, называются они союзами молодежи при Социал-демократической партии Латышского края. Он предлагает съезду встать на эту же дорогу.

Выступают Преображенский, Подбельский, Слесарев... Говорят Землячка и Закс. Спорят — создавать ли молодежные организации при партии или, подчеркнув их идейную связь с партией, предоставить им быть организационно самостоятельными.

Слово берет Вера Слуцкая. Она напоминает делегатам о выступлении Васи Алексеева.

— Я хочу отметить чрезвычайно характерный факт. В тот момент, когда мы спорим, какой характер должен носить союз, чтобы не раскололась молодежь, к нам является представитель юношеской организации и говорит, что раскол между оборонцами и интернационалистами у них уже произошел. Я спрошу у товарища Смилги, который боится назвать союз истрепанной кличкой «социалистический», — боится ли он того боевого социализма, о котором говорил представитель союза?.. В связи с пролетарским характером революции и юношеские организации должны получить социалистический характер, — подчеркивает Вера Слуцкая.

Когда обсуждение подходит к концу, Вася опять на трибуне.

— Слово принадлежит представителю социалистической молодежи товарищу Алексееву, — объявляет председатель.

Вася снова выступает в защиту резолюции, говорит о том, что рабочая молодежь дружно поддерживает большевиков. Она и на свои собрания неизменно зовет их, а эсеров, меньшевиков не хочет и слушать.

Он уже видит новый союз. Он вместе с товарищами многое сделал, чтобы его создать. Он говорит съезду и о том, что вынашивает давно, что стало его мечтой, — о молодежном журнале.

— В ближайшем будущем мы собираемся создать

свой орган и просим съезд через ЦК оказать нам материальную поддержку. Орган... будет внедрять в умы и сердца молодежи идеи Интернационала. Мне думается, что он должен находиться под нашим партийным руководством.

Васино выступление завершает прения. Заключительное слово. Докладчик вновь читает проект резолюции о союзах молодежи:

«...Партия стремится к тому, чтобы организации эти с самого же своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический союз рабочей молодежи России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу молодежи, чтобы его местные секции преследовали по преимуществу цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических и политических правовых интересов несовершеннолетних рабочих и работниц...»

— Ко мне поступили три поправки, — объявляет председатель.

Поправки зачитываются и ставятся на голосование. Те, кто не был согласен с предложениями подсекции, хотят «исправить» резолюцию на свой лад, но съезд отвергает эти попытки подавляющим большинством голосов. Резолюция ставится на голосование в целом.

— Принято единогласно,—объявляет председатель.

«В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет

партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания».

Так сказано в резолюции, и с этой минуты она становится партийным законом.

— Ставлю на голосование предложение товарища Алексеева о материальной поддержке журнала союза молодежи, — объявляет председатель. — Кто за? Кто против? Кто воздержался?

«Принято единогласно», — записывается в протоколе.

Съезд уже принимает другие резолюции, выступают ораторы, проходит голосование. Вася слушает Джапаридзе, Серго, Лациса, Свердлова... Он вместе со всеми решает самые важные дела партии. И всё время думает о том, что произошло вот сейчас. Партия, а с ней и Россия подошли к великому перелому. Все решения, которые принимаются здесь, имеют одну главную цель: готовить вооруженное восстание, победу рабочих. И несмотря на это, съезд нашел возможность и время так определенно и ясно сказать об организации молодежи, о ее союзе. Но почему — несмотря? Именно потому! Ведь в резолюции сказано прямо, что партия «отдает себе отчет в том огромном значении, какое рабочая молодежь имеет для рабочего движения в целом».

Вася оглядывает сияющими глазами товарищей. Ему трудно усидеть на месте. Надо бы скорее повидать ребят: Петю Смородина, Ваню Канкина, Колю Фокина, Леопольда Левенсона... Да всех! Сколько дел надо сделать! Теперь уже скоро, совсем скоро будет в Питере Социалистический союз молодежи. В Питере и во всей стране.

После заседания он выходит на улицу, поглощенный этими мыслями. Петергофское шоссе убегает в ве-

чернюю мглу реденькой цепочкой тусклых глазков-фонарей. Лица прохожих трудно разглядеть. Вася всматривается в фигуры людей, остановившихся неподалеку. Там человек пять, на гуляющих они не похожи, да и кто гуляет в такое позднее время? Он быстро подходит к людям в кепках. Один из них идет ему навстречу, держа руку в кармане. Они почти сталкиваются.

— Смолин, Иван?

Это свой, путиловский большевик.

Они хлопают друг друга по плечу и смеются — весело, облегченно. Вот ведь, не признали один другого, а еще друзья.

И сразу расходятся. Вася шагает в сторону завода. Смолин с ребятами остаются. Вася знает, чем занят Иван. Он начальник охраны съезда.

НА УГЛУ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ ДВОРЯНСКОЙ

Шевцов и Дрязгов пришли задолго до назначенного часа. В объявлении, которое было напечатано утром в «Известиях Петроградского Совета», Всерайонный совет напоминал *«исп. комитетам районов, что 5. VIII, в субботу, в 6 час. вечера, официальное открытие заседаний совета и деятельности организации... Помещение В. совета угол Б. и Мал. Дворянской, 8/9, кв. 18, III этаж»*.

За Нарвской объявление переходило из рук в руки.

— Не сдается Шевцов. Видишь, официальное открытие придумал. Что было, мол, раньше, то не в счет. Теперь начинается новая жизнь...

— И адрес подходящий, со значением. Приглашают нас с Таракановки прямо на Дворянские улицы. У них будет по-благородному.

Выражались и не совсем цензурно. О Шевцове и всей его ком-

пании у ребят сложилось вполне определенное мнение.

А Шевцов с Дрязговым ходили по пустым еще комнатам, освещенным вечерним солнцем, пробовали пальцем, не отстает ли свежая краска, передвигали новенькие скамейки и стулья, поправляли таблички, развешанные по стенам: «Через знание — к самосознанию», «Поголовное объединение на почве труда и света!» Таблички были аккуратные, в рамочках, черные буквы выделялись на голубом фоне. Всё было голубым в этих комнатах — и стены, и столы, и знамя, стоявшее в углу.

— Если бы деятельность нашего союза всегда была окрашена этим благородным и спокойным цветом ясного неба, — меланхолично сказал Петр Григорьевич. — Мы в этом нуждаемся, как в воздухе для дыхания, и я буду говорить об этом во вступительной речи. Или мы сохраним свою организацию на началах братства и просвещения под голубым стягом, или наши принципы, наше святое стремление к добру и красоте будет сожжено в огне политических страстей...

Он всегда произносил слова «добро», «свет», «красота» словно с большой буквы. Голос его окреп и гулко разносился в пустом помещении. Шевцов чувствовал себя стоящим на трибуне.

— Я уверен, что вы зажжете молодежь своей речью, Петр Григорьевич, — с готовностью откликнулся Дрязгов, деловито щелкая выключателем. Свет то вспыхивал, то гас под потолком. — Вечером у нас тоже будет красиво. Вот только в прихожей темную лампочку ввернули, угольную. Может, переменить?

— Перемените, если находите нужным. Скоро уже начнут собираться.

Шевцов был недоволен, что его прервали.

— Открывать заседание будете, конечно, вы, как председатель, — сказал он Дрязгову. — Постарайтесь сделать это как можно более торжественно.

К шести часам пришло всего несколько человек, а ждали по семь от каждого района. Ребята бродили по комнатам, читали надписи на плакатиках-табличках и хмыкали. Настроение было настороженное. В районах тоже случалось, что собрания начинали не сразу. Ожидая открытия, обычно пели песни, шутили, тут все были насуплены и молчаливы.

Дрязгов то садился за покрытый голубой скатертью стол президиума, то выскакивал в коридор и пересчитывал приходящих. Шевцов заглядывал в комнаты, дарил ребят сверкающей благожелательной улыбкой и говорил всем, как гостеприимный хозяин, незначащие, но приятные слова.

Потом настроение собравшихся как-то сразу переменилось. Делегаты нескольких районов — Петергофского, Невского, Петроградского и Московско-Заставского — пришли почти одновременно. Загудел насмешливый голос Смородина, засмеялись в группе парней, окружавших Ваню Канкина. Несколько человек стояли с Васей Алексеевым. Что-то обсуждали — серьезно и деловито.

Дрязгов направился к этой группе, но там при его появлении замолчали.

Вася посмотрел на Дрязгова:

— Пора бы и начинать, господин председатель.

Дрязгов почувствовал себя чужим среди них, а ведь тут были Фокин и Левенсон, из одного с ним района.

Он поспешил к председательскому месту. Потом повернулся к Шевцову:

— Будем приглашать всех в зал?

...Шевцов говорил долго. Он тщательно подготовил

свою речь. Стопка листков, покрытых плотными лиловыми строчками, лежала перед ним на столе, и он переворачивал листки, переходя от одного тезиса к другому.

Шевцов считал себя знатоком ораторского искусства и прирожденным трибуном. Он любил на досуге читать речи знаменитых адвокатов, государственных деятелей, тут же представляя себе, как сказал бы сам. Выступая, он загорался, слова катились легко, звук собственного голоса действовал на него, как хмельное питье. Но сейчас окрыляющего чувства ораторского успеха не было. Слушали плохо, шум в зале всё время нарастал, и привычные отшлифованные слова о Прекрасном, о Светочах Науки, о Вековечных Единых Жизненных Основах — все эти слова уходили куда-то в пустоту.

Вероятно, Шевцову было бы легче, если б аудитория подавала реплики, возражала. Возражения всегда вызывали в нем злость, а злость помогала находить острые ответы. Но теперь не было и реплик.

Шевцов стал искать глазами своих всегдашних оппонентов. Прежде всего, конечно, Алексеева. Впрочем, искать не было нужды. Шевцов всё время не терял его из виду. Но и Алексеев, вопреки обыкновению, сидел тихо и что-то читал, кажется, манифест и устав «Труда и света», те самые документы, о которых говорил Шевцов, — читал и делал пометки на полях. Другие как будто перестали слушать вообще. Встречаясь с кем-нибудь глазами, Шевцов видел равнодушие, отчужденность, и в нем нарастало ощущение, что усилия уже напрасны, что всё уже определилось и теперь ничего нельзя изменить. Это тягостное ощущение сковывало речь и гасило ораторский пыл.

Он перевернул сразу несколько страничек.

— Таковы высокие и прекрасные цели организации, над созданием которой мы вместе трудились в волнениях и спорах четыре месяца. Теперь труд создания завершен. Сегодня мы вступили в новую фазу, как уже говорил наш председатель, в историческую фазу, добавил бы я от себя. С сегодняшнего дня союз, объединившийся под знаменем Труда и Света, этот союз начнет свою подлинную жизнь.

Он кончил и торопливо собирал листочки, рассыпавшиеся по столу. В зале стоял прежний смутный шум, какой бывает, когда много людей негромко разговаривают между собой. Только Дрязгов, поднявшись с председательского кресла, захлопал в ладоши, вопросительно и просяще глядя на ребят. Ему ответили несколькими неуверенными хлопками.

Шевцов посмотрел в зал и почему-то не стал садиться за покрытый голубой скатертью стол. Он пошел к скамейке в первом ряду. Ребята молча потеснились, и когда он сел, с обеих сторон оказались пустые места.

Дрязгов растерянно стоял на председательском месте. А в зале неторопливо поднялся и пошел к столу Вася Алексеев.

— Господин Шевцов говорил долго, а мог бы и совсем не говорить, — начал он.

И сразу наступила тишина, которой так и не было во время вступительной речи.

— Всё уже ясно. Рабочей молодежи необходимо объединение, необходим союз, и он будет создан — Социалистический союз рабочей молодежи, а не «Труд и свет»!

Вася поднял руку, в которой держал манифест и устав организации «Труд и свет»:

— Оба эти документа, как и вся линия Шевцова—Дрязгова, носят антипролетарский характер. Мы, боль-

шевики, раньше это говорили и повторяем сейчас. В уставе, сочиненном Шевцовым, обойдены все вопросы, которые действительно волнуют рабочую молодежь. Чтобы их решить, надо бороться вместе со всем пролетариатом за рабочую власть. А «Труд и свет» строится как буржуазная организация. То, что по уставу в ней можно покупать членство за деньги, независимо от политических воззрений, — это позор! И это снова выдает Шевцова с головой.

Вася бросил манифест и устав на председательский стол:

— Нет, под такими лозунгами, под такими знаменами рабочая молодежь не пойдет! Нас здесь приглашали торжественно отпраздновать официальное открытие организации «Труд и свет», но мы пришли не за тем, чтобы заново открывать ее, а для того, чтобы сказать: их время прошло, больше господа шевцовы не смогут обманывать, сбивать с толку рабочую молодежь!

Ребята повскакали с мест. Дрязгова оттеснили от председательского стола. Говорили большевики — из Петроградского, Невского, Василеостровского районов.

— Мы не считаем Всерайонный совет своим руководителем. Этот совет действует вопреки воле районов. Нам нужно новое, настоящее объединение.

Даже заключительного слова Петру Шевцову не пришлось произнести. Закрыл заседание Вася Алексеев:

— От имени пяти районов объявляю Всерайонный совет «Труд и свет» распущенным. Членов районных организаций мы призываем вступить в Петроградский Социалистический союз молодежи. Его общегородская конференция соберется в ближайшие дни. Давайте, товарищи, готовиться к ней.

Он пошел к выходу:

— Тут нам нечего больше делать.

И все двинулись за ним. Шевцов с Дрязговым пытались удержать ребят, но их голоса даже не были слышны в шуме отодвигаемых скамеек, в топоте десятков ног. Представители Выборгской стороны, которую Шевцов считал своим оплотом, ушли вместе со всеми. Лишь три человека остались в комнате с Шевцовым и Дрязговым.

— А чего мы сидим? Наверно, и нам надо идти? — растерянно спрашивал Соколов.

Цепков молча сидел в дальнем углу. Это были члены исполкома, шевцовские «оруженосцы». Дрязгов вышел в прихожую. Она была пуста. Под потолком ярко горела ненужная лампа.

А по лестнице шумно спускалась веселая, возбужденная толпа ребят. Там что-то кричали. Высокий голос затянул: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Дрязгов любил эту песню, но сейчас она звучала для него как злая насмешка.

Был теплый и мягкий августовский вечер. Ребята пошли пешком. Тихая Нева чуть плескалась далеко внизу под Троицким мостом.

— Где-то сейчас Ленин? — сказал вдруг Вася, поворачиваясь к Скоринко. — Далеко, наверно. Нельзя ему здесь. А хотелось бы его увидеть. Рассказали бы ему про всё, что было. Мы ведь сделали, как он говорил.

— А ты уверен, что там, в «Правде», был в самом деле Ленин?

— Не знаю, — сказал Вася, — может быть, и не он. Но всё равно то, что мы сделали, он бы одобрил. Путались мы поначалу, а теперь сделали по-ленински. В этом-то я не сомневаюсь.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОЮЗ СОЗДАН

Семен Минаев ворвался в комнату запыхавшийся, вихрастый, с трагическим выражением лица, — как вестник беды.

— Гришка Дрязгов срывает конференцию. Привел своих, их там полным-полно!

Он схватил Васю за плечо:

— Что делать-то будем?

Вася поднял на него глаза от записной книжки. Он готовился к докладу:

— Какие у него там свои?

Минаев торопливо сообщил:

— Из других районов приходят от кого сколько, а их, погляди, целая рота. Ребята волнуются, не хотят всех пускать, да как их не пустить, если такая орава. Одних выборгских, выходит, больше, чем всех остальных вместе.

— Не горячись, Сеня. Выборгские — это не значит дрязговские. Леопольд Левенсон тут? А Коля Фокин? Ну вот видишь. Это же наши, большевики. Пойдем посмотрим.

Они вышли в коридор. Опять было многолюдно в маленьком деревянном домике у Нарвских ворот. Двух недель не прошло с тех пор, как тут заседал съезд партии. Теперь снова собирались делегаты — на этот раз совсем молодые, веселые и шумные. Вчера большевистская газета «Пролетарий» поместила извещение о том, что «18 августа в 8 часов вечера открытие конференции всех петроградских организаций рабочей молодежи по вопросу об объединении в одну организацию». И вот теперь уже оставалось недолго до назначенного часа. В небольшом зале, уставленном скамейками, была толчея. Среди темных пиджаков и рабочих курток, как цветы, мелькали ситцевые платья девушек. Все были веселы, по-праздничному возбуждены. Группа выборжцев ожесточенно спорила с Эдуардом Леске — высоким суховатым парнем. Представитель Межрайонного совета, он был одним из организаторов конференции.

— Что значит — много нас пришло? У нас и молодежи много в союзе, шесть тысяч, — наседали выборжцы. — По какой норме выбирали? По своей. А у вас какая норма?

Разбирались долго. Выборжцев пришло действительно очень много, и не потому только, что их организация была самой многочисленной. Они и норму представительства приняли для себя самую большую. Но единую норму организаторы конференции не устанавливали, районы были вольны сами определять ее. Может быть, Дрязгов и впрямь придумал воспользоваться этим. У него был опыт в таких делах. Они с Шевцовым не сложили оружие, еще надеялись возродить «Труд и свет». Конечно, им были нужны единомышленники, они искали их в выборгской организа-

ции, которую считали своей. Но это был ошибочный расчет.

За несколько дней до конференции в «Зимнем саду» завода «Рено» собрались представители всех молодежных фабрично-заводских коллективов Выборгской стороны. Дрязгов пришел с заготовленной речью. Вместе с Шевцовым они тщательно обсудили все доводы. Доказать им хотелось лишь одно: рабочей молодежи нужна организация «Труд и свет», с ее «культурной» программой, а не социалистический союз, который поведет ее к политической борьбе.

Речь была подготовлена по всем правилам, а как ее приняли? Кричали, свистели, не дали договорить до конца. Один Цепков еще пытался поддержать Дрязгова, — он был членом исполкома «Труда и света», но и Цепкова слушали не лучше. А Павел Бурмистров, тоже исполкомовец и недавний анархист, этот шумный парень, с гордостью, бывало, заявлявший, что он «против всех и против всего», теперь поддерживал социалистический союз.

Горячую речь произнес Коля Фокин. Его мальчишеский голос звучал звонко и решительно. Шевцов и Дрязгов на сей раз уже не посмеивались над горячностью «социалистического младенца», как они позволяли себе называть раньше ребят вроде Коли. Ростом он не стал за эти месяцы выше, солидности в его детской фигуре не прибавилось, но мысль свою он выражал твердо и ясно:

— Мы похоронили «Труд и свет», ему уже не воскреснуть, он нам не нужен! Наше дело сегодня — выбрать исполком другой организации — Социалистического союза молодежи. В таком союзе мы все с охотой будем работать, он поведет нас к тем великим целям, которые стоят перед рабочим классом.

Петр Смородин.

Так и решили. Шевцовцев постиг полный провал.

Если Дрязгов и добился, что из района делегировали больше ребят, это всё равно ему и Шевцову ничего не дало. Ребята шли за большевиками, да за кем и могла еще идти молодежь Выборгской стороны?

Уже первое голосование показало, как настроены делегаты. Президиум выбрали дружно. Вася сидел за столом, окруженный друзьями. Рядом с ним были Петя Смородин, Лиза Пылаева, Оскар Рывкин, Эдуард Леске. И ни одного меньшевика, ни одного эсера.

Когда Вася вышел на трибуну, он увидел множество обращенных к нему молодых внимательных лиц.

Вступительная речь была недолгой, но Вася сумел многое сказать — о жизни и борьбе молодежи, о целях, к которым поведет ее Петроградский Социалистический союз. Юноши и девушки рабочего класса по самой своей природе боевой народ, по настроениям они — авангард пролетариата России. Разве их устрашат опасности и жертвы в борьбе за власть Советов? Бои за власть не за горами. Будем готовиться к боям, и пусть союз поднимает тысячи и тысячи ребят.

Курс на подготовку вооруженного восстания! Этот

новый ленинский курс был совсем недавно принят здесь, в этом зале, партийным съездом. Вася вместе с лучшими представителями партии утверждал его, и сейчас он боролся за этот курс.

Он говорил о трудной борьбе, и точно ветер проходил по залу, — ребята поднимали головы, тянулись вперед. Он умел зажигать сердца, этот невысокий, кареглазый парень, с не очень громким, чуть хрипловатым голосом. Все чувствовали горячую страсть, которую он вкладывал в каждое слово.

О близости решающих боев с буржуазией, о надеждах, которые возлагает рабочий класс на свою молодежь, о вере партии в силы пролетарского юношества говорил Иван Безработный (Мануильский), приветствовавший конференцию от имени партии большевиков. Зал отвечал грохочущей овацией, звонким «ура», долго перекатывавшимся из конца в конец. Ребята вскакивали со скамей, спешили к трибуне, чтобы сказать о чувствах, переполнявших каждого.

Вася смотрел на разгоряченных товарищей, слушал их взволнованные голоса и чувствовал себя необыкновенно счастливым. Как же здóрово, как чудесно быть одним из тысяч таких боевых ребят, ощущать их плечи рядом со своим плечом! Вместе ничто не страшно.

Первым на конференции стоял доклад «О текущем моменте». С ним выступил представитель Петроградского комитета большевиков Антон Слуцкий. Вася знал этого старого большевика, видного организатора и массовика, часто выступавшего перед рабочими, перед молодежью Питера, слышал его на съезде партии. Он понимал, что о существе решений съезда и будет говорить ребятам Антон. Текущий момент — под этими словами подразумевалось всё самое важное в политической жизни: развитие революции, война, борьба

за коренные интересы рабочего класса. Об этом действительно было сказано в докладе Слуцкого. Он говорил серьезно, не делая никаких скидок на молодость ребят, уверенный, что они правильно поймут всё. И они понимали, они горячо поддерживали призывы к борьбе. Они так и записали в своем решении по докладу, что подготовка молодежи к «решительной борьбе за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитализма, к борьбе за социализм» — есть цель их Социалистического союза.

Весь зал был дружен и единодушен, принимая это решение. Только в группке, собравшейся вокруг Григория Дрязгова, кто-то цедил сквозь зубы:

— Большевистская агитация... Придут наши лидеры, меньшевики, и разъяснят, чего она стоит. Молодежи о другом надо думать.

— А где они, ваши лидеры? — спрашивали ребята с насмешкой.

Ни меньшевики, ни эсеры не осмелились даже прислать представителей на конференцию.

Конференция работала третий день. Она уже сказала свое слово о самом важном. Все долго и дружно аплодировали, когда было предложено направить обращение Владимиру Ильичу Ленину. Ребята повскакали с мест.

— Ура Ленину! — кричали они. — Да здравствует Ленин!

«Мы громко заявляем, — написали участники конференции Ильичу, — что мы не остановимся ни перед какими жертвами в борьбе за уничтожение проклятого капиталистического мира, на развалинах которого мы новый мир построим».

Была принята и декларация союза — «Резолюция рабочей молодежи о задачах организации». В ней го-

ворилось о том, что рабочая молодежь России объединится в один «могучий юношеский социалистический союз, пойдет рука об руку с организованным пролетариатом всей России, в первых его рядах, и смело поднимая красное знамя борьбы, объявляет себя отрядом Интернационала рабочей молодежи».

Теперь предстояло утвердить программу и устав нового союза. Редакционная комиссия — Вася Алексеев был ее председателем — тщательно отшлифовала оба документа.

О целях союза в программе говорилось:

«Развивать классовое самосознание своих членов, поднимать их культурный уровень и тем самым подготавливать их к борьбе за социализм».

Тут Дрязгов, помалкивавший все три дня, не выдержал. Он всё-таки выскочил на трибуну:

— Почему в программе и уставе всё время говорится о политической борьбе? Политическая борьба — не дело союза молодежи...

— Опять свою шарманку завел! — кричали ему из зала. — Наслушались, хватит!

Конференция гудела сердито и нетерпеливо. У Дрязгова нашелся какой-нибудь пяток единомышленников. Но что они могли сделать? На конференции собралось 179 делегатов, и основная их масса была единодушна.

В перерыве Дрязгов протискался к Васе:

— Всё равно вы неправы, не пойдет к вам молодежь.

Вася вспылил:

— Горбатого меньшевика могила исправит. Не пойдет молодежь? Уже пошла, или ты ослеп, не видел, как голосовали за нашу программу?

— Это еще не конец.

— Для вас конец. А для рабочей молодежи, конечно, только начало. Она пойдет дальше. Но без вас. Без тебя, Дрязгов, без твоего Шевцова.

Вася отвернулся, заговорил с ребятами о чем-то другом. Дрязгов постоял с минуту и пошел в сторону.

В последний день выбрали Петроградский комитет союза — Васю Алексеева, Петра Смородина, Эдуарда Леске, Лизу Пылаеву, Оскара Рывкина, Леопольда Левенсона, Мишу Глебова... Это были те, кто готовил создание союза.

Сбылась и Васина мечта о журнале. Решили назвать его «Юный пролетарий». Редактировать поручили Васе Алексееву и Эдуарду Леске.

Конференция подошла к концу. В тесном зале зазвучал «Интернационал»:

Это есть наш последний и решительный бой!

Для этого боя и станет собирать силы созданный здесь Социалистический союз питерской рабочей молодежи.

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

Теперь, встречая товарищей, Вася неизменно спрашивал:

— О чем решил писать? Когда принесешь?

— Да куда писать-то?

— Что значит куда? Ясно, в наш журнал, в «Юный пролетарий».

— Ведь нет его еще...

Вася сердился:

— Нет еще... Партийный съезд нас поддержал, конференция союза молодежи решила, что журнал обязательно нужен, а ты сомневаешься. Мелкобуржуазная тенденция это, больше ничего.

Если он говорил о мелкобуржуазной тенденции, значит сильно сердился. Ему хотелось быстрее выпустить журнал. Он думал о «Юном пролетарии» постоянно. На заседаниях ПК Социалистического союза молодежи и на массовых собраниях пользовался любым случаем, чтобы напомнить о нем товарищам. Надо было, чтобы все

молодые рабочие ждали журнал, сами его делали. К этому их звала и листовка, выпущенная Петроградским комитетом союза:

«Рабочая молодежь, слушай!.. Товарищи! Все за перо! Наш журнал должен отражать наши стремления и защищать наши интересы. Он — наша трибуна и орудие нашей борьбы».

Отправляясь куда-либо на собрание, на лекцию, Вася захватывал с собой пачку листовок. Он раздавал их ребятам. Потом расспрашивал:

— Читали? Почувствовали? А коли почувствовали, так надо действовать, не терять времени! Журнал поможет организовать молодежь. И не только в Питере — во всей России.

Первый номер «Юного пролетария» вышел в свет через три месяца после петроградской конференции Социалистического союза рабочей молодежи. Васе этот срок казался чудовищно большим.

— Сколько времени упустили, — твердил он.

Его самого обвинять в медлительности никак нельзя было. Препятствия возникали на каждом шагу. Где разместить редакцию, как добыть средства, у кого печатать журнал? Сколько было таких «где» и «как»! Редакционный аппарат должен был их все разрешать. А состоял этот аппарат, если говорить правду, из одного Васи Алексеева. Эдуард Леске журналом почти не занимался. Помогал Миша Глебов, но и то от случая к случаю. Он был занят. Все были заняты. Но как находил время Вася?

Работа над журналом началась в то время, когда Россия была еще капиталистической, а вышел он в свет уже в советской стране. Он родился вместе с новым общественным строем, на рубеже двух исторических эпох, и надо ли говорить, как было насыщено

событиями это время! А редактор журнала не принадлежал к числу тех, кто стоит в стороне от происходящего.

Через несколько дней после петроградской конференции Социалистического союза молодежи, едва Вася принялся за подготовку первого номера, страну поразила весть о корниловском мятеже. Вася бросился на Петергофское шоссе, в так хорошо знакомый ему дом № 2. Туда после Шестого съезда партии переехал Петроградский комитет большевиков.

В саду у домика была беседка, где любили собираться активисты.

Вася застал в беседке много знакомых. Все были возбуждены.

— На заводах разговор один: Корнилов открывает немцам дорогу на Питер. Нам оставляют выбирать — либо под русскими генералами быть, либо под немецкими. Но они без хозяина считали. Питер и революцию никому не отдадим.

Говорили о вооружении рабочих, о создании новых боевых отрядов Красной гвардии.

Васю кто-то окликнул:

— В райком заходил? Тебя спрашивали.

И Вася заспешил в райком. Он сразу вошел в работу. На экстренном заседании решили создать для борьбы с генеральским заговором революционный комитет. Васю ввели в его состав.

В тесной комнате, где поместился революционный комитет, всё время было полно народу. Приходили рабочие и требовали, чтобы их отправили на фронт против Корнилова. Являлись вооруженные группы красногвардейцев, их посылали в патрули. С заводов просили докладчиков, военных инструкторов. А больше всего требовали оружия:

— Даешь винтовки!

— Где пулеметиком разжиться?

— Говорят, путиловцы стали печь орудия как блины. В пушечной прямо дым коромыслом. Так надо и нам орудие получить, чтобы не голыми руками бить казаков.

Нарвская застава оказалась ближе других питерских районов к фронту, в ее сторону двигались корниловские войска. Надо было приготовиться к тому, чтобы первыми принять бой.

Спешно составляли делегации в корниловские части, находившиеся неподалеку от заставы.

— Винтовки брать с собой будем? — спрашивал кто-то из делегатов.

— Не надо. Нас горсточка едет, а их тысячи. Оружием будем встречать в бою, если пойдут на нас. А едем мы для разговора с открытой душой. Пусть скажут прямо, пусть ответ дают — станут они в путиловских стрелять, поднимется у них рука?

Вася перечитывал обращение к жителям района, поминутно отрываясь для разговора с приходящими или чтобы снять трубку без умолку трещавшего телефона. Обращение надо было сделать коротким, боевым и понятным для всех.

«Граждане! Все силы на борьбу с контрреволюцией! В этот грозный и ответственный момент с твердой уверенностью в победе революции над кучкой черносотенных авантюристов сохраняйте прежде всего — спокойствие, выдержку и дисциплину...»

— Ну что ж, хорошо. Кажется, можно печатать...

Но когда печатались такие воззвания, было, конечно, нелегко работать над журналом.

В эти дни Вася с трудом выкраивал часок, чтобы забежать в Петроградский комитет союза. Иногда это

удавалось вечером, иногда глубокой ночью, но ребята в ПК бывали в любое время. Приходила стремительная Лиза Пылаева. Ее веселые глаза посуровели, румянец не пылал, как прежде, на ее щеках. Лиза выполняла десятки срочных заданий: она работала в Петроградском комитете партии, ездила в районы, в красногвардейские отряды. Она приносила в союз последние вести из городского большевистского комитета.

Миша Глебов, с которым Вася особенно подружился в ту пору, не расставался с наганом, кажется, не снимал его с пояса даже укладываясь где-нибудь в уголке, чтобы поспать несколько минут. Он осунулся, говорил хриплым голосом, — совсем сорвал его на бесчисленных митингах, — но был всё время возбужден, оживленно рассказывал товарищам о последних событиях, обсуждал материалы, появлявшиеся в свежих номерах газет. Говорил он ярко и живописно.

Вася любил подзадорить друга:

— Здо́рово размалевываешь!

— Так это же моя профессия, с малых лет маляр, — весело отвечал Миша.

У Глебова был верный глаз, он выделялся среди товарищей особенно ясным и точным пониманием происходящего, может быть, это и сближало его с Васей.

И Вася, тоже замученный бессонницей, с воспаленными, красными глазами, был всё время оживлен, много шутил, умел ободрить друзей, уставших, измотанных лихорадкой тех боевых дней, хотя сам больше других горел в этой лихорадке.

Он интересовался всем, расспрашивал о ребятах.

— Петю Смородина что-то не видно.

— Пошел с Корниловым драться, — рассказывали ему. — И Саша Лепешкин в Красной гвардии и Леопольд Левенсон.

Вася выяснял у товарищей, что сделано за последние часы, в каких они побывали районах, на каких собраниях выступали.

— Наше место, — говорил он, — в массах, там главная наша работа, в связи с массами наша сила, а она особенно важна в такие горячие дни.

* * *

Корниловцев разгромили. А события продолжали нарастать. Оружие, взятое рабочими, чтобы сражаться против контрреволюционных войск, не вернулось на склады: рабочие крепко держали его. Они говорили: «Скоро понадобится».

И все понимали недосказанное: «Когда будем брать власть...»

Теперь вечерами отряды Красной гвардии открыто, не таясь, проходили по улицам заставы — с винтовками, с пулеметами. Шли в Екатерингоф, шли к Шереметевской даче, в поля.

Вначале, бывало, кто-нибудь еще вспоминал:

— Правительство всё-таки приказывало сдавать оружие, грозилось, что силой отнимать будут.

Вася, если слышал такие замечания, говорил со смехом:

— Приказать-то оно приказало, но взять пусть попробует. Учимся стрелять мы ведь не зря!

Потом о приказе Временного правительства и вспоминать перестали. Забота была о другом — как достать побольше оружия. Отряды Красной гвардии быстро росли на всех заводах. Конечно, первой шла в них

молодежь. На «Анчаре», где работал Вася, в Красную гвардию вступили все члены союза до одного. Парни брали винтовки, девушки — санитарные сумки. Все понимали — борьба предстоит не на шутку.

Время стремительно неслось. Иногда на заводе или на Новосивковской Васю разыскивала сестренка:

— Чего глаз не кажешь? Маманя велела прийти хоть белье сменить.

Вася удивлялся. Верно ведь, он уже больше недели не был дома. Сам не заметил, что так давно.

— Приду, — говорил он. — Как вы там, все здоровы?

— Значит, сегодня тебя ждать?

— Ну, сегодня или завтра. Как сумею... Ох и посплю я дома! За всю неделю отосплюсь.

Но отоспаться всё не удавалось. Когда он наконец забегал домой, мать сразу замечала, до чего он устал.

— Не бережешь ты себя нисколечко. Вон какой стал худой и бледный. У других щеки красные, а у тебя только глаза.

Вася улыбался:

— Ну, у кого теперь красные щеки? Голодно ведь. А глаза...

Глаза у него что-то болели в последнее время — от переутомления, от недосыпания, наверно. Но разве мог он меньше работать, меньше читать? Время для чтения удавалось выкраивать преимущественно ночью. Что тут поделаешь!

Он старался переменить разговор:

— Вы как управляетесь, чем кормите ребят? Хлеба-то совсем мало.

— Трудно, Васенька, ох как трудно. Куры вот немного выручают, еще не перестали нестись. Да ладно, ты о нас не беспокойся. Сам не евши всё время. Вот

я тебе яишенку сделаю. Наверно, и забыл, какая она бывает?

Она начинала хлопотать, усаживала сына за стол. Она очень соскучилась по своему любимцу, и ей надо было о многом с ним поговорить.

* * *

Как-то утром, в конце сентября, прибежал посыльный из райкома:

— Сегодня собрание. В шесть часов. Надо обязательно быть.

В набитом людьми райкомовском зальце Вася увидел не только своих заставских друзей. Тут были Свердлов, Подвойский, Слуцкий и еще другие члены Петроградского комитета. Первое слово дали Якову Михайловичу Свердлову, но он не стал произносить речей. Он прочитал письмо Владимира Ильича Ленина Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП. Письмо звучало прямым призывом к вооруженному восстанию: «История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь».

Слушали в напряженном молчании. Свердлов читал ясно и громко, звучным голосом, в котором чувствовалось волнение. Вася сдерживал дыхание, боясь пропустить хоть слово. Потом Свердлова просили снова прочитать то или иное место.

— Как написано про Питер и Москву?

— Еще раз насчет мира прочтите!

В письме говорилось: «Взяв власть *сразу* и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*».

Необходимость восстания была ясна. Как его начать — вот что становилось главным вопросом. Уже ночью, расходясь по домам, продолжали разговор на улице. Иван Голованов горячился:

— Надо обязательно у нас, в Питере, начинать. Что, сил наших не хватит? Вон Красная гвардия какая! И еще солдаты и матросы.

— Да ты пойми, главное — взять власть. А кто начнет... Мы на восстание идем не для славы, — говорил Вася.

Но и ему, конечно, хотелось, чтобы первое слово принадлежало Питеру, чтобы вот они, питерцы, нарвцы, путиловцы, начинали. И он понимал, как много каждый должен сейчас для этого сделать.

Другое письмо Владимира Ильича Вася Алексеев слушал на Третьей Петроградской конференции большевиков. Опять собрались в домике у Нарвских ворот, в хорошо знакомом зале, где проходил Шестой съезд партии, где была конференция Социалистического союза молодежи. На городскую партийную конференцию приехало много гостей, но подготовка к восстанию требовала строгой конспирации. Нельзя было разглашать свои планы, нельзя было выдавать их правительству. Самые важные заседания пришлось сделать закрытыми. Даже делегаты с совещательным голосом в них не участвовали. На одном из таких закрытых заседаний и читалось адресованное конференции письмо Ленина. Вася сидел в зале вместе с Володарским, Косиором, Невским... Восемнадцать делегатов представляли Нарвскую заставу. Вася Алексеев был одним из них.

Ленин писал: «Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского».

Разумеется, место агитатора партии, место молодежного вожака было в массах. Вася сознавал это и не щадил себя.

* * *

Поздним октябрьским вечером промокший, но разгоряченный быстрой ходьбой Вася поднялся по истоптанной лестнице казенного дома у Калинкина моста, где нашел временное пристанище Петроградский комитет союза. Ребят было много — больше обычного.

— Скоро начинаем, — сказал, здороваясь с ним, педантичный Эдуард Леске и посмотрел на часы.

Вася присел к уголку стола и стал что-то быстро писать в потрепанной тетради, с которой не расставался, — заносил возникающие мысли и главные решения, принятые в союзе.

— На повестке дня вопрос о работе школ грамоты, организованных нашим союзом, — объявил Леске.

Вася оторвался от тетради, быстро оглядел собравшихся и встал:

— Прошу слова для внеочередного заявления!

— О чем заявление?

— Дорогие товарищи! — Вася говорил медленно, чуть заикаясь от волнения. — Я предлагаю изменить повестку заседания. Сегодня опубликована статья Владимира Ильича Ленина. Вы все ее читали и, следовательно, понимаете, что речь идет о судьбе российского пролетариата — оставаться ли ему еще долгие годы под ярмом капитала или, сомкнувшись в железные ряды, вооруженной силой вырвать власть у буржуазии, открыть измученным трудящимся массам путь в новый, свободный, радостный мир социализма.

Вася держал в руках номер газеты «Рабочий путь», где было напечатано ленинское «Письмо к то-

варищам», гневно клеймившее измену Каменева и Зиновьева делу революции.

«...Сомневаться теперь в том, что большинство народа идет и пойдет за большевиками, значит позорно колебаться и на деле выкидывать прочь *все* принципы пролетарской революционности, отрекаться от большевизма совершенно».

Вася твердо, крепнущим голосом прочел строки статьи и посмотрел на взволнованные лица ребят.

— Предлагаю прежде всего обсудить статью товарища Ленина!

— Правильно! Это важнее всего!

Ребята повскакали с мест, придвинулись поближе к Васе. Они были с ним согласны всей душой, и, убедившись в этом, Вася стал обстоятельно излагать доводы Ленина о необходимости восстания, приводя примеры, близкие им всем и ясно показывающие глубокую правоту ленинских слов.

Один за другим высказывались ребята. Между ними не было споров. Каждый говорил о готовности к бою, о том, сколько молодежи на его заводе, в его районе вступило в Красную гвардию, как вооружаются, как готовятся пустить оружие в дело.

Вася слушал товарищей с радостным чувством. Ведь это и были юные пролетарии, которым предстояло идти в бой, двинуться первыми на штурм старого мира.

— Готовьтесь, товарищи, еще энергичней к грядущей битве! — заключил он.

* * *

И вот время этой битвы пришло. Наступила октябрьская ночь, когда всё завершилось. Всё завершилось и всё началось.

24 октября Вася не попал на заседание Петроградского комитета союза.

— В штабе Красной гвардии он, не вырваться сейчас,— объяснил Скоринко и достал из кармана листок бумаги. — А резолюцию мы подготовили, Вася отредактировал ее.

Этот проект резолюции он и прочитал вскоре, после короткого доклада представителя ПК большевиков. Докладчик говорил, что восстание начинается, и звал молодежь в бой. В бой звала и резолюция, обращенная ко всем членам Социалистического союза рабочей молодежи. «Да здравствует власть Советов! Да здравствует Ленин!» — провозглашала она.

Через несколько часов ребята уже выступали в составе рабочих отрядов.

В эту ночь друзья Васи Алексеева были везде, где шли бои, где решалась судьба власти, судьба народа и страны. И Вася был с ними. Потом вспоминали, что Васю Алексеева видели в клубе молодежи. «Будьте готовы выступить в любую минуту», — предупреждал он ребят. Его видели в районном штабе Красной гвардии. Он отправлял отряды на охрану Смольного, в Петропавловскую крепость за оружием, на вокзалы, на телеграф. Его видели в районной боевой дружине и на Дворцовой площади в отряде Самодеда, штурмовавшем Зимний.

Вечером 26 октября группа большевиков Нарвской заставы пришла на заседание Второго съезда Советов. Увешанные оружием, перетянутые ремнями, в одежде, пахнувшей пороховым дымом вчерашнего боя, пришли рабочие заставы — недавние пасынки столицы. Вася Алексеев был среди них как делегат съезда.

— Слово имеет Владимир Ильич Ленин, — объявил председательствующий, и буря радости, восторга раз-

разилась в белоколонном зале. Питерцы долгие месяцы не видели Ильича. Вождь, учитель, он теперь впервые выступал перед ними и как организатор победившей революции пролетариата. Он говорил о мире, которого так ждал измученный народ. Ленин предложил принять обращение к народам и правительствам всех воюющих стран.

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире».

Это было первое слово только что рожденной Советской власти.

Она звала к миру, но с первых дней те, кто создал новую власть, должны были оружием отстаивать ее. Вася Алексеев, взявший винтовку в октябрьские дни, не скоро смог с ней расстаться.

В ночь на 29 октября пронзительный тревожный гудок разнесся над Путиловским заводом. В цехах остановились станки, тысячи людей бросились на двор.

— К заводскому театру! — звали члены Военно-революционного комитета.

Вася Алексеев пришел к театру, ведя большую группу рабочих. Разговоры были недолгими. Федор Лемешев объявил, что юнкера подняли в Питере мятеж, они хотят восстановить старую власть. Надо покончить с этим мятежом вооруженной рукой.

— Пятьсот человек требуется от нашего завода!

Но к театру пришло несколько тысяч, и никто не хотел уступить своего права отстаивать рабочую власть.

Когда красногвардейская сотня, в которую входил Вася Алексеев, приблизилась к юнкерскому училищу

на Петроградской стороне, стала слышна частая перестрелка.

— К юнкерью подкрепление прибыло ночью,— сообщил солдат-огнеметчик. — Ударные офицерские отряды. Стреляют изо всех окон, близко подойти не дают.

— Занимай соседние дома! — раздалась команда, и путиловцы бросились через проходные дворы, через заборы, окружая училище.

Перестрелка всё усиливалась. К солдатам, первыми завязавшим бой, присоединялись новые отряды. Вася вместе с несколькими путиловцами залез на чердак двухэтажного дома.

— Эх, пулемет бы сюда!

Но пулемета не было. Вася устроился у слухового окна, высунул винтовку и стал стрелять. Из других окон тоже стреляли. Некоторые ребята тут же брали у товарищей уроки владения оружием. Они впервые в жизни пускали его в дело.

Перестрелка затягивалась, красногвардейцы несколько раз бросались на штурм, но сильный огонь не давал перейти улицу. Васе не сиделось на месте: он часто спускался с чердака, пробирался к командиру, узнавал новости.

Около полудня в окне училища появился белый флаг.

— Сдаются юнкера, вперед, ребята!

Они бросились на улицу, но юнкера встретили их бешеным огнем. Красногвардейцы падали на мостовую. Двое ребят из Васиной группы были ранены.

— Припомним это вам, провокаторы, буржуйские сынки!

В узкую улицу вошел броневик, юнкера ударили по нему бронебойными пулями, машина еле ушла изпод губительного огня.

— Что же это, неужели не справиться с ними? — спрашивали ребята. — Так и будем тут сидеть?

Вася снова побежал узнать, какие принимаются меры. И тут один за другим грохнули орудийные выстрелы. Из окон училища посыпались стекла, от стены красными брызгами полетели обломки кирпича. Осела пыль, и на уровне третьего этажа открылась широкая брешь. По училищу прямой наводкой била трехдюймовая пушка.

— Наша, путиловская! — с радостью закричали ребята.

В окнах училища снова появились белые флаги. Не выдержали юнкера, — теперь они действительно складывали оружие.

Вася с товарищами вбежал в раскрытые двери здания, откуда их еще несколько минут назад поливали огнем. Бледные, без оружия, юнкера строились шеренгой вдоль стены вестибюля. У другой стены росла куча брошенного оружия: винтовки, пулеметные стволы, револьверы...

Красногвардейцы одержали победу, но долго задерживаться здесь они не могли. В Инженерном замке у Марсова поля еще сидели мятежники, там был их штаб, приходилось спешить туда.

Прошло немного дней, и Советская власть призвала Васю к государственным делам. Он стал судьей, разрабатывал новые законы в народных комиссариатах просвещения и труда, законы, касавшиеся молодежи.

Так шли необыкновенные недели осени семнадцатого, когда рождался новый мир. События неслись бурным, как в половодье, потоком. Казалось, до журнала ли было Васе, увлеченному этим великим потоком? Но он не забывал и о журнале.

Где бы ни пришлось побывать ему за день, сколько бы дел ни навалилось на него, Вася вечером спешил на Фонтанку. Районы были оповещены, что там, в доме № 201, в третьем этаже, временно помещается редакция «Юного пролетария».

Вася установил приемные часы в редакции: от семи до девяти вечера. Ребята прибегали запыхавшись. Прислоняли винтовки к редакторскому столу.

— Вот, погляди, что написал. Хотел побольше, да не умею. И времени, сам знаешь, нет.

Вася принимался читать заметки, беспорядочно набросанные на листках, вырванных из ученических тетрадей или бухгалтерских книг. Потом долго сидел, поправляя написанное друзьями.

Числа 10 ноября зашла в Петроградский комитет девушка в красном платочке, в пальто, перепоясанном солдатским ремнем. Лицо ее было обветренным и утомленным.

— Привет Московской заставе! — весело встретил девушку Вася. — Рассказывай, как у вас там дела? С Керенским воевала?

— Ага, воевали, под Пулковом, — сказала девушка. В глазах ее вдруг заблестели слезы. — С похорон я сейчас, погибших провожали, Колю Томчака...

— Томчак погиб? Как это случилось? Такой боевой парень...

— То-то и дело, что боевой... За Пулковом всё случилось, у Александровки. Ночью в субботу, не в прошлую, а две недели назад... Знаешь, какие дни были. Ну, наш отряд «Сименс-Шуккерта» вышел на позицию. Томчак был командиром. Совсем молодой, но ведь как его все уважали! Поставил он отряд, а сам с несколькими красногвардейцами пошел в разведку. Казаки их заметили, стали бить из пулеметов, пушки удари-

ли... В общем, бой. Коля Томчак всё время впереди был. Скосило его пулями.

Вася слушал молча, и все в комнате замолчали.

— Надо почтить память товарищей, погибших за власть Советов, память молодого революционера Николая Томчака.

Вася встал. Его добрые глаза смотрели теперь сурово и непреклонно.

— В нашем журнале скажем о них. Колю Томчака молодежь хорошо знала, он же был в районном правлении Социалистического союза молодежи, много там работал, не просто на заседания ходил. Настоящий вожак.

Вася взял девушку в красном платочке за руку:

— Знаешь что? Садись и пиши. Вот как рассказывала сейчас, так и пиши. Кто это сделает, если не мы сами? Мол, в ночь на субботу... Какое было число? Двадцать восьмое? В ночь с пятницы на субботу двадцать восьмого октября наш отряд Красной гвардии... ну, и так дальше. И еще напиши: мы все дадим клятву над могилой погибшего товарища, что то дело, за которое он погиб, мы будем отстаивать до конца.

Девушка долго сидела за Васиным столом, писала и чиркала на тетрадочном листке.

— Не получается у меня. Какой я писатель? Может, кто другой сумеет?

— Получится. Государством взялись управлять — на других не рассчитываем. И журнал будем делать сами и всё, что нужно. А про Колю Томчака — это мы обязаны. И не только про него.

Вася быстро прошелся по комнате, достал из пальто пачку газет и, разложив на столе, стал что-то искать на их страницах.

— Вот, пожалуйста! Господа Керенские двинули на нас войска, чтобы всех перевешать, а если мы не даем надеть себе петлю на шею, если молодежь со всем рабочим классом вместе берется за оружие, соглашатели еще поднимают вой. Им, видите ли, жалко молодежь, сражающуюся за светлое счастье, за свои идеалы... Какой-то господин Дневицкий просто рыдает в этой газетке, в «Единстве».

Вася прочитал вслух:

— «Но где найти слова, чтобы заклеймить весь ужас, всю степень злодейства тех, кто посылает детей под огонь фронтовой армии, кто, подобно библейскому Ироду, готовит новое избиение младенцев».

— Надо ответить этим лжецам и лицемерам! Когда мы работаем через силу, надрываемся, как клячи, это они считают в порядке вещей. Война, мол, надо терпеть. Тут нас равняют со взрослыми. А когда за свои права встаем, так мы дети и младенцы! Мы им ответим, напечатав о Коле Томчаке, по всей форме ответим, пусть не обманывают народ крокодиловыми слезами...

Все разошлись поздним вечером. За окнами у Калинкина моста уже не скрипели трамваи, редко цокали по булыжнику подковы битюгов. Вася сидел в пустой тихой комнате. Стало холодно, железная печурка давно погасла, он натянул на плечи старенькое свое, заслуженное «трехсезонное» пальтишко.

Кончил править то, что написала девушка из Московского района, поставил сверху: «Памяти товарища Н. Томчака». Потом обвел эти слова рамкой.

— Так и поместим, — сказал он. И, развернув листок газеты «Единство», стал писать ответ Дневицкому.

Утром показал написанное Мише Глебову. Они жили в одной комнате.

— Как находишь, нужна такая статья?

Статья называлась «Рабочая молодежь и Красная гвардия».

Глебов читал сосредоточенно, хотя времени у обоих оставалось совсем мало: надо было спешить на работу.

— Хорошо написал. Правильно!

Миша прочитал вслух особенно понравившиеся ему фразы:

«...Искренне поражаемся той силой воли, храбростью, бодростью и энтузиазмом, которыми отличаются наши товарищи в борьбе и сражениях за пролетарские идеалы против войск, обманутых авантюристом Керенским...

...Наши товарищи погибли.., как гибли в продолжение десятков и сотен лет наши предшественники за освобождение угнетенных и порабощенных. Наши товарищи пали уверенные и убежденные в правоте великого дела рабочего класса... Их уверенность и надежды оправдываются жизнью: уже показываются ласточки новой радостной весны — социализма.

Да послужат их подвиги для нас примером!»

— Именно так!

Глебов прислушался к многоголосым гудкам, доносившимся с ближних заводов.

— Побежали, как бы не опоздать!

И они вышли из дому навстречу новому дню, полному работы, забот и радостей, потому что даже заботы несли необыкновенную радость — они ведь относились к делам новой рабочей власти, их собственной, какой не бывало еще на земле.

* * *

Материалы для «Юного пролетария» поступали всё-таки медленно. Очень уж непривычно было это ребятам — писать в журнал. Многие ли имели опыт, как Вася, сотрудничавший и в «Правде», и в большевистских «Вопросах страхования», и в журнале «Вперед»? Охотнее всего давали в журнал стихи.

— Ну что ж, это можно будет напечатать, — сказал Вася, перечитав короткие строчки, принесенные Колей Андреевым. Коля вспыхнул от радости и смущения.

Привет тебе, мой «Юный пролетарий»,
Привет тебе от всей моей души.
Я ждал тебя как светоча рабочих
И наконец дождался — вот и ты...

— Для первого номера подойдет. А подпись так и дадим полностью.

Внизу листка стояло: «Молодой рабочий Путиловск. зав. Пушечн. маст. Н. Андреев».

Вася и сам уже подготовил для номера стихотворение «Детство и юность».

Только мы в детстве одном и живем,
Проще сказать — до завода,
В эти лишь дни и свобода
Нам горемычным... Шумим и поем...
Детство короткое, можно ль тебя
Вспомнить без слез, неутешно скорбя.

То было его собственное детство и детство тысяч других. Потом его вытеснял завод, где подросток становился неодушевленным винтиком равнодушной машины, не имел права на простые человеческие чувства.

Болен — терпи, не показывай слез...
Голоден — в грусть не вдавайся,
Бьют, как щенка, — улыбайся...

Вася написал об этом и словно отрезал от себя. Всё это было уже позади.

Иван Тютиков принес несколько листочков, исписанных аккуратным почерком.

— «Утро в деревне» подойдет? К чему это отнести, как ты думаешь, Вася? Я написал просто: эскиз.

Вася читал «эскиз»: «...Лес шумел, листья шелестели, переговариваясь друг с другом; алая заря уже загоралась...»

— Сократить придется, понимаешь, всё у тебя про одну природу. Пустим по литературно-художественному отделу.

Этот отдел причинял Васе, пожалуй, меньше всего забот. С другими было труднее.

Полянский обещал написать для молодежи о пролетарской культуре. Вася понимал, как занят этот уже не молодой работник партии, на которого в боевые революционные дни ложилось множество разнообразных дел, но всё же торопил:

— Павел Иванович, без такой статьи мы и журнал не выпустим.

Оскар Рывкин дал статью «Наши задачи в профессиональном движении». Ну что ж, это было нужно. Подбирались письма из других городов. В Петроградский комитет Социалистического союза рабочей молодежи писали из разных мест, просили совета, хотели узнать о его работе.

«Мы обращаемся к вам с просьбой подробно ознакомить нас с организацией вашего союза. Мы очень нуждаемся в совете, так как дело это незнакомое», — писали из Бендер.

В Бендеры послали письмо, в котором, как могли, рассказали о своей работе, посоветовали, что делать.

Но обращение бессарабских товарищей, рассудил Вася, надо и в журнале использовать.

Из Екатеринбурга просили прислать устав Петроградского союза, из Ростова писали, что Социалистический союз молодежи организован и там. Всё это годилось для журнала. Питерским ребятам было интересно, как развивается молодежное движение в стране, да и выпускали журнал не для одного Питера: он должен был помогать сплочению и организации молодежи России.

Всё-таки больше всего для первого номера пришлось писать самому Васе. Одну из первых заметок он набросал еще в начале октября. 8 октября было общегородское делегатское собрание представителей рабочей молодежи. Обсуждали вопрос об организации юношеских коллективов на фабриках и заводах. С докладом выступал Вася. Он говорил, что главная работа союза должна идти в гуще, в массах молодежи, то есть на предприятиях. Значит, там и должны быть созданы молодежные коллективы, но на многих заводах и фабриках организованных коллективов еще нет, а им предстоит много сделать, они должны вести молодежь на борьбу, должны отстаивать ее интересы. Надо добиваться, чтобы представители молодежи входили в фабкомы и завкомы, добиваться этого на местах, обратиться за содействием в Центральный совет фабрично-заводских комитетов.

Разумеется, Вася не ограничился в докладе практическими делами. Партия взяла курс на вооруженное восстание, а в восстании предстояло сказать веское слово молодежи. Мысль об этом проходила через весь доклад. Этой мысли было целиком посвящено и горячее выступление балтийского матроса Богданова, призывавшего питерскую молодежь к борьбе за освобож-

дение от гнета буржуазии. Эдуард Леске выступил с предложением протестовать против лишения молодежи избирательных прав.

Когда Вася писал о собрании, казалось, что отчет займет одно из самых видных мест в журнале, но события развивались стремительно, и то, что вчера представлялось самым важным, сегодня отходило на второй план. Отчет пришлось сжать. Вышла небольшая заметка — «В Социалистическом союзе рабочей молодежи».

Вася составил обращение «От редакции», он написал передовую, а также заметку «Язвы нашей жизни», в которой говорил о недостатках в работе союза, существующего уже два с половиной месяца: ревизионная комиссия еще и не собиралась; союз страдает от постоянного безденежья, а членские взносы собираются неаккуратно; не все избранные в районные и городской комитеты союза активно работают там. Уйма дел ложится на плечи трех-пяти товарищей, «которые, кроме того, работают в других рабочих организациях. Остальные от случая к случаю посещают заседания Петербургского комитета».

Свои материалы Вася подписывал полной фамилией или инициалами: «В. А.».

Написал он и заметку, в которой выражал обиду молодежи на министерский аппарат, задерживающий выработку законов, призванных защищать интересы заводского юношества. Эту заметку Вася подписал своим псевдонимом «В. Зоркий», а редакционные материалы, написанные им, шли, конечно, без подписи.

Нет, он совсем не собирался превращать журнал в «собрание произведений Васи Алексеева», как шутили некоторые товарищи, это получилось от нужды.

Каким он видит журнал в будущем, Вася ясно сказал в передовой:

«Мы хотим сделать наш орган органом рабочей молодежи не только тем, что его страницы будут посвящены исключительно нуждам и жизни рабочей молодежи, но и тем, что эти страницы будут пополняться по преимуществу самой молодежью».

Он понимал, что многое может смутить ребят, никогда не пробовавших выступать в печати, и старался ободрить их. Редакция будет принимать всяческие сочинения молодых рабочих, независимо от формы. «Редакция сама исправит ошибки правописания и постарается всячески помочь своим сотрудникам в этом отношении».

Уже следующие номера показали, что задача делать журнал руками широкого круга молодых рабочих решалась на деле, число авторов быстро росло. С первым номером было всего труднее.

Наконец нашли и типографию, согласившуюся печатать журнал. До революции она печатала «Сельский вестник». Конечно, новое издание было совсем иным, но типографа это не особенно беспокоило. Он требовал одного — чтобы деньги внесли вперед. Вот тут-то и была загвоздка. Денег союз молодежи не имел.

Рядились долго. Типограф согласился на аванс в четверть суммы, причитающейся за журнал. Эти деньги собрали в районах.

Вася сдал рукописи в набор. Но в роли редактора он выступал впервые, сколько материала нужно в номер, ему было трудно рассчитать. Статьи набрали. Типографский метранпаж вручил Васе сырые гранки.

— Только журнала из этого не выйдет. Тут едва на половину номера.

Пришлось снова браться за перо, договариваться

с ребятами, чтобы написали заметки. Многих товарищей после Октябрьских дней было не найти. Отряды Красной гвардии уходили гнать Керенского и Краснова, угрожавших городу, потом в другие центры страны — устанавливать Советскую власть.

Вася остро завидовал товарищам. Он тоже рвался в бой, но его не пускали. Он был нужен здесь. Он работал в ПК Социалистического союза молодежи, выполнял разнообразные партийные поручения и делал журнал: писал статьи, объявления, заметки.

Над корректурой номера сидели ночь напролет. Вычитывать ее помогали несколько ребят из ПК. Вася объяснил им типографские знаки, о которых сам только что узнал. Ставили хитрые загогулины на строках, а на широких полях делали исправления. Бумага расползалась под пером. Перемазались, как ребятишки, которым впервые разрешили писать чернилами.

— Эдуард, да у тебя на лбу целая статья поместилась! «От редакции». Ясно видно. Вот хорошо, и бумаги не надо!

Вася с хохотом смотрел на Эдуарда Леске. Тот был всегда сдержан, подтянут, да вот задремал, видно, и прислонился лбом к свежему оттиску...

С корректурой разделались уже засветло. Устали, работа показалась очень трудной, но Вася чувствовал себя по-настоящему счастливым. Теперь можно было не сомневаться: журнал получился.

Однако еще не все преграды были преодолены.

— Когда начнете печатать? — спросил Вася типографа, отдавая корректуру.

— Когда внесете остальные деньги.

Легко сказать — «остальные». Это же было в три раза больше, чем они внесли!

Вася пытался уговорить типографа на рассрочку, но тот не хотел и слушать.

Дни стояли холодные и дождливые. Васины штиблеты совсем разорвались, полуотвалившиеся подметки хлопали на каждом шагу и заглатывали всё новые порции холодной, перемешанной со снегом воды. Вася хрипел и чихал от простуды, но всё это было неважно. Надо было раздобыть денег.

Союз их не имел. Обратились в Народный комиссариат просвещения, но денег не было и там. Саботажники из министерства финансов и Государственного банка их не выдавали.

Выручил союз металлистов. «Юный пролетарий» прямого отношения к нему не имел. Но организаторы Социалистического союза молодежи были преимущественно металлисты. Большевики, руководившие крупнейшим профсоюзом Питера, хорошо знали их, особенно Васю Алексеева. Профсоюз выделил пять тысяч рублей из своего бюджета.

Когда начали печатать журнал, Вася не отходил от машины. Он снова перечитывал статьи уже в листах, разглядывал заголовки.

Перечитал сообщение «От редакции». Там говорилось, что в журнале будут различные отделы: научно-популярный, в который входят вопросы по истории революционного движения, по элементарным политическим знаниям, по естествознанию; отдел философии, этики, литературно-художественный отдел, библиографический и другие. Конечно, не все они были представлены в первом номере, но ведь за ним последуют другие. На первой странице ясно сказано: «Орган Петербургского комитета Социалистического союза рабочей молодежи. Выходит два раза в месяц».

Перечитал Вася и передовую. Она далась ему нелегко, но, кажется, получилось то, что нужно: «Мы — дети рабочего класса; мы — его будущее. И задачей нашего журнала является подготовка рабочего юношества к этому будущему. Развивать у своих читателей сознание их классовых интересов, поднимать уровень их культурного и общеобразовательного развития и тем самым подготовить из них сознательных, достойных участников той великой борьбы, которую им предстоит вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитала, борьбы за социализм...»

Немного дней прошло с тех пор, как Вася написал эти строчки, а какие события, определившие пути всей дальнейшей истории, произошли за это время! Какая одержана победа! Но борьба за социализм не окончена, она еще будет долгой, и тем более надо готовить для нее молодежь.

Он просматривал свои статьи, статьи и заметки товарищей — Эдуарда Леске, Оскара Рывкина, Миши Глебова, Коли Андреева... Было приятно и радостно читать под стук машины, выбрасывавшей всё новые листы журнала.

28 ноября шло заседание ПК союза. Комитет заседал в ту пору почти каждый день, и всегда приходило много ребят. Комнаты были холодные и пустые. Сидели на скамейках и разнокалиберных стульях, принесенных из бывшего полицейского участка. Он находился рядом.

Васи на заседании не было. Все знали — он в типографии. Как обычно, на заседании шли горячие споры, высказывались все — и члены Петроградского комитета, и те, кто просто заглянул послушать. В разгар споров широко открылась дверь. На пороге стоял Вася

Алексеев, совершенно замерзший, потому что день выдался очень холодный, но радостный и торжествующий.

— Ребята! — крикнул он, поднимая пачку журналов над головой. — Ребята, «Юный пролетарий»!

Все повскакали с мест. Сразу стало шумно.

— Не прерывайте оратора, — сказал Леске, сидевший на председательском месте, но ребята бросились к Васе. Леске тоже побежал к нему и схватил журнал. Теперь было уже не до очередного оратора. Пачка, принесенная Васей, растаяла в одно мгновение.

В этот вечер не расходились особенно долго. Кто-то купил на собранные тут же деньги немного картошки, ребята притащили несколько поленьев. Вася растопил камин и пек картошку. Вышло по две штуки на брата. Ели печеную картошку, запивали кипятком и говорили о журнале: какой он получился, каким они сделают его.

* * *

Второй номер уже отличался от первого. Прежде всего числом авторов. Появились новые имена: Ж. Герр, М. Ратновский, А. Ильин, Степанов, Альб. Сыркин, Ширвинтетис, Чернышенко-Петров, Александр Каюров, А. Афанасьев...

Даже «почтовый ящик» свидетельствовал о том, что молодой журнал оперился, ему есть что печатать и что отвергать. Ответы, помещенные в номере, были не лишены язвительности:

«Ник. Наумову. Стихи не пойдут. Вы, товарищ, признались, что «писал не поэт, не критик, а юный политик». Очень рады будем, если вы основательно займетесь политикой и бросите свои попытки писать весьма неудачные стихи».

Должно быть, ребят в редакции привело в раздражение то обстоятельство, что очень уж многие почему-то считали стихотворную форму самой подходящей для выражения своих мыслей.

Вася заботился о том, чтобы круг читателей журнала, круг молодежи, на которую он влияет, становился всё шире. Орган Социалистического союза молодежи начал обращаться и к учащимся. «Юный пролетарий» резко выступил против органа Центрального комитета организаций учебных заведений «Свободная школа», занявшего позицию, враждебную Советской власти. «Юный пролетарий» говорил «молодому поколению» буржуазии открыто и прямо:

«...Мы перешагнем через вас, «молодое поколение»... через вас, кто в тяжелые и торжественные дни Октябрьской революции очутился на противоположных нам баррикадах. Мы уже перешагнули. Нам принадлежит настоящее и будущее, как вам принадлежало прошедшее».

Но журнал видел, что у пролетарской молодежи есть друзья и среди учащихся, он не собирался отталкивать их.

«...Есть и такая учащаяся молодежь, которая душой и телом предана великому делу свободы и равенства, которая готова бороться бок о бок с пролетарской молодежью за великое дело социализма.

Эта молодежь идет к вам, товарищи рабочие...»

К тому времени журнал получил уже «постоянную прописку». Его адрес — уже не временный, как раньше, — Чернышева площадь, Комиссариат народного просвещения, третий этаж. Пролетарская революция сразу позволила ему перейти из чердачной комнатенки на окраине в центр города, в министерские хоромы.

Там же, где и журнал, узнаем мы из этого номера, помещались теперь Петербургский комитет и Центральный исполнительный комитет Социалистического союза молодежи.

Центральный исполнительный комитет... Но ведь всероссийский союз не был еще создан; откуда же ЦК? Казалось бы странно это, но читатели журнала вовсе не удивлялись; они понимали, что союзам молодежи предстоит возникнуть повсюду, предстоит объединиться в один общероссийский союз, и кому как не питерской организации было взять пока на себя роль объединяющего центра?

А организации молодежи росли по стране всё быстрее, и об этом сообщал «Юный пролетарий». Он печатал письма из Москвы, Екатеринбурга, Одессы, Орла, Челябинска... В Петрограде существовало уже девять районных организаций и несколько подрайонных. Они тоже стали оседлыми, и журнал сообщал читателям их адреса.

ЗАКОН РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОВЕСТИ

В морозный декабрьский день Вася опять пришел в ПК союза, когда заседание было в разгаре. Обсуждали положение в Рождественском районе — не было порядка в тамошней организации. Ребята горячились, спорили, а тут вошел Вася. Его уже не видели довольно давно, соскучились.

— Гляди: Алексеев! Чего это пропадал столько времени?

— Вася, а правду говорят, что ты стал мировым судьей?

— Не мировым, а народно-революционным. Ты понимаешь, тут разница какая?

Опять председатель пробовал восстановить порядок. Потом махнул рукой и объявил перерыв. Все обступили Васю.

— ...Буржуй этот говорит: «Не имеете вы права судить меня, что я три мешка крупчатки храню. Может, у меня крупчатка заветная, на пироги к именинам обожаемой супруги? Такого закона ни

в одном цивилизованном государстве не существует, чтобы судить за хранение муки». Прямо наседает на нас, мол, назовите такой закон.

— А ты что?

— Что я? Я говорю: «Мы старых ваших законов не признаем, отменили. Не для того брали власть, чтобы по буржуйским законам жить. Теперь у нас закон один — революционная совесть. Вот по революционной совести я и конфискую муку, а тебе штраф вкачу пятьсот рублей».

— Заплатил?

— А как же. Приговор: именем революции. Попробуй он нарушить...

Ребята слушали как завороженные. Их Вася — судья, вот уж чего они не ожидали!

— Я и сам не очень-то ожидал этого, хотя и читал юридические книги. Интересно было. Иной раз думалось: «При переходе власти к Советам рабочему классу, наверно, потребуются свои судьи, тут, может быть, и я пригожусь». А пригодились мы гляди как быстро! Мировые-то судьи попрятали свои золотые цепи, перестали судить, — саботаж. Комендатура задерживает всяких элементов: пьяниц, хулиганов, спекулянтов. Они революции в спину всаживают нож. Кто же их будет судить? Вот в районном комитете и решили послать в суды свой народ, рабочий. Я говорю: «Раз надо, посылайте меня. Буду судить, раз надо...» Так и стал председателем суда. Называется: народно-революционный суд Петергофского района.

Рассказывать равнодушно, бесстрастно о том, что его увлекало, Вася не мог. А работа в суде его захватила, хотя совсем немного дней прошло с тех пор, как они, два десятка путиловцев, анчарцев, рабочих вер-

фи, пришли с мандатами Совета на Ушаковскую улицу в камеру мирового суда.

В большой комнате суда было немноголюдно. Три человека стояли у печки, а четвертый сидел в кресле, с кислым лицом, вытянув ноги к огню. Никто не повернулся к вошедшим.

«Вы что тут делаете?» — спросил Иван Генслер сидевшего в кресле.

«Я судья». — «Вот вас нам и надо. Сдавайте дела!» — «А вы кто такие?»

Рабочие извлекли из карманов мандаты. Судья долго протирал пенсне, держал его пальцами за золотую дужку, потом долго читал бумаги.

«Для меня обязательны распоряжения господина министра юстиции и других законных органов. Ваш исполком к числу инстанций, ведающих мировыми судами, не принадлежит. Посему выполнять его распоряжения возможности не имею». — «А мы не имеем возможности с вами торговаться».

Вася посмотрел на тяжелый шкаф, стоявший в углу: «Заперт?» — «Как положено». — «Значит, будем ломать».

Инструмента у них с собой не было, но с оружием они не расставались. Кто-то скинул с плеча винтовку. Можно было взломать шкаф и прикладом.

Лицо у мирового стало как студень. «Я вынужден подчиниться насилию. Соблаговолите выдать расписку». Он пересел к столу и, брызгая чернилами, написал несколько строчек.

— «Мы, нижеподписавшиеся... — прочитал Вася,— под угрозой применения огнестрельного оружия... сего числа изъяли дела...»

Бумага была составлена обстоятельно.

«Ладно, под угрозой — так под угрозой...»

Мировой поднялся и понес свое тучное тело к дверям. На полках раскрытого шкафа лежали сотни папок.

«Какие тут дела старые, какие разбирать?»

Трое судейских по-прежнему стояли молча у печки. Потом один из них повернулся к рабочим: «Я делопроизводитель. Служил тут раньше, могу у вас служить». — «Что ж, оставайся, берись за работу. — Вася уже листал дела. — Давайте, товарищи, писать повестки. На завтрашний день».

Так начал действовать народно-революционный суд.

Вася рассказывал об этом товарищам в ПК союза молодежи, и они, забыв обо всем, слушали, пока он сам не спохватился:

— Заседание-то продолжать надо...

Опять говорили о Рождественском районе, а ребята всё подсаживались к Васе, расспрашивали его или посылали через всю комнату записки: «Нужны ли еще судьи?». Вася кивал головой: судьи очень нужны.

После заседания отправились вместе в комиссариат юстиции предлагать свои услуги. Комиссар принял приветливо:

— Всех хороших ребят с радостью возьмем.

Потом запнулся, вглядываясь в пришедших:

— Конечно, при условии, что им исполнилось восемнадцать лет...

Вот это-то условие почти всем и не подходило.

— Придется на другой фронт идти, — вздохнула Искорка. Она тоже хотела стать судьей.

И сразу же улыбнулась. В самом деле, любая работа становилась в те дни фронтом, и фронтов с лихвой хватало на всех.

* * *

В декабре Васю избрали председателем Петроградского комитета Социалистического союза молодежи. Пришлось на время отодвинуть другие дела. Положение в союзе сложилось трудное. Рабочая молодежь массами уходила из Питера. Закинув за плечи винтовку, перекрестив грудь пулеметными лентами, юные красногвардейцы отправлялись на юг — бить Каледина. Другие уезжали вслед за родителями в деревню. Заводы в Питере свертывали работу, — не было топлива, не было сырья. Некоторые ребята заколебались. Им казалось, что в такой обстановке союз с пользой работать не сможет. Эдуард Леске, один из тех, с кем Вася создавал питерскую организацию рабочей молодежи, стал теперь говорить, что ее следует свернуть и устроить новую — тесную, небольшую, в которую принимать только самых проверенных и активных.

Вася кинулся в бой. Какой смысл в организации, если она перестанет быть массовой? Мы ведь создавали ее не из готовых революционеров. Союз для того, чтобы учить социализму молодых рабочих, готовить их к борьбе. Время трудное. Советской власти нужны сознательные, преданные бойцы.

Вася твердил это на собраниях, писал в «Листке „Юного пролетария"», который он выпускал. Большинство членов ПК было с Васей — Петр Смородин, Иван Тютиков, Михаил Глебов, Евгения Герр.

Леске и еще несколько человек от активного участия в делах союза отошли. Они решили устроить коммуну молодежи и вести свою работу там. Идея была по существу анархистская, не удивительно, что она пришлась по душе таким людям, как Дрязгов. Еще вчера он стоял горой за Шевцова, сегодня громче всех кричал в Социалистическом союзе.

Дрязгов разыскал и квартиру — на Большой Дворянской, — тянуло его в шевцовские места. Бытовые коммуны в то время устраивали многие. Дрязгов и Леске хотели сделать свою какой-то особенной — не только жить вместе, но и превратить квартиру в некий молодежный клуб. Что делать в клубе, они представляли себе довольно туманно, но твердо считали, что им нужны для коммуны солидные средства. Пробовали устроить платный концерт — он провалился, публика не собралась. Артисты выступали перед пустым залом, а Дрязгов — устроитель — сбежал по черной лестнице: расплатиться с артистами было нечем.

Дрязговская коммуна существовала недолго, и кончилась ее история плачевно. В поисках средств Дрязгов додумался до того, чтобы организовать «экспроприацию», или попросту кого-нибудь ограбить. В морозный январский день 1918 года вместе с Каюровым и еще двумя парнями он отправился в Лесной, на Муринский проспект. Объект «экспроприации» заранее намечен не был. По Муринскому иногда проезжали крестьяне, везшие в голодный Питер продукты из Парголова и окружающих деревень. Видно, их телеги и привлекали Дрязгова.

Четверо парней долго стояли на пустынной улице, держа за пазухой наганы. Холод был лютый, а по дороге никто не ехал. Сперва один плюнул и ушел, потом плюнули и другие. «Экспроприация» не состоялась, о ней уговорились молчать, но, видно, кто-то всё же проболтался. Случаем на Муринском проспекте заинтересовались в райкоме партии. Горе-экспроприаторам пришлось держать ответ. Досталось бы им крепко, но тут развернулись серьезные события. Немцы начали наступление. По тревожному гудку, разбудившему

Питер февральской ночью, парни вместе с десятками тысяч других ушли под Псков.

События под Псковом и Нарвой определяли всю жизнь Питера в те дни. Рабочая молодежь рвалась в бой. Понимали, как нелегко придется в схватках с регулярной немецкой армией. Надо было отстаивать власть Советов. «Социалистическое отечество в опасности!» — сказал Ленин. Как же могли рабочие ребята не откликнуться на эти слова!

Петроградский комитет Социалистического союза молодежи созвал ребят из районов на экстренное заседание. По притихшим и темным заснеженным улицам спешили на Чернышеву площадь.

Всегда, с утра и до поздней ночи, в комнатах, отведенных Наркомпросом союзу молодежи, было шумно, — усевшись на полу (стульев не хватало), слушали лекции, заседали. Отзаседав, пили кипяток из закопченного чайника, который грели в камине, и по-братски делились пайковыми крохами. Тут и спали — на полу, и отсюда уходили, получив назначение на государственные посты.

Но в ту февральскую ночь в комнатах союза было не так, как обычно. Ни песен, ни длинных речей. Вася Алексеев оглядел собравшихся. Лицо его было бледным.

— Начнем, товарищи. Грозная опасность нависла над Красным Питером. Сейчас надо действовать...

Очень коротко рассказал он, как развиваются события:

— Мы должны призвать всех молодых пролетариев к оружию. Все, как один, под красное знамя Советов! Все на защиту революции!

Прений открывать не стали. Ребята были единодушны, они уже считали себя бойцами. Быстро

утвердили тройки, которым было поручено формировать отряды молодежи в районах.

Прямо с заседания Вася отправился за Нарвскую заставу. Он был уверен, что вместе со сформированными отрядами уйдет на фронт. Его опять не пустили. Городской комитет партии обязал продолжать работу в ПК союза молодежи. Председатель ПК должен быть на месте.

А тысячи ребят уехали в длинных эшелонах, непрерывно отправлявшихся с Балтийского и Варшавского вокзалов. Уехал и отряд, состоявший из членов ПК союза, из активистов. В те дни и появились на дверях районных комитетов знаменитые надписи, наскоро сделанные карандашом: «Райком закрыт — все ушли на фронт».

Вася попрощался с Петей Смородиным, с Моисеем Ратновским, с Женей Герр, со Степановым, Вьюрковым, с другими членами ПК... Его друзья и товарищи стали командирами, составили штаб молодежного отряда. Они ушли воевать, и вновь увидеть их Васе довелось только весной.

Молодежный отряд вернулся в Питер из-под Гдова в апрельский день, теплый и сырой. Советская республика заключила мир с Германией. Отряд распустили. На прощание решили устроить пир. Нашелся и повод: Жене Герр — бойцу Искорке исполнилось семнадцать лет. Собрали дневной паек и закатили ужин. К ночи забежал Вася Алексеев. Ребятам, которые долго не видели его, бросилось в глаза, что он изменился за это время — еще сильнее исхудал, лицо было утомленное, глаза припухли... Но глядели эти глаза по-прежнему весело. Вася был, как всегда, оживлен, много говорил. Его сразу окружили, закидали вопросами. Спрашивали о положении в Питере, о делах в союзе, о работе

в суде. И как-то уже через минуту забылось первое впечатление, что плохо, очень устало выглядит их друг.

Ребята наперебой рассказывали Васе о жизни в отряде. На фронте всякое случалось. Разумеется, было трудно — война. Но сейчас, когда они вернулись домой, почему-то всем вспоминалось смешное. Например, как лежали в секрете в поле и вдруг померещилось, что впереди кто-то идет. Открыли огонь, и попусту — в поле не было никого. Ну и ругался же после этого заместитель командира по строевой части Петя Смородин!

Впрочем, Петр и сейчас не находил эту историю смешной:

— Мало я вас ругал, если не поняли. Это же чистейшая военная безграмотность. Секрет не имеет права себя выдавать...

Не заметили, как наступило утро. Над просыпающимся городом поплыл перезвон колоколов.

— Голоса старого мира. Уже полгода Советская власть, а они всё к старому зовут, — сказал кто-то из ребят.

— Это Казанский собор с Исаакиевским переругиваются, — засмеялся Вьюрков. — Вы не знаете? Исаакий у Казанской божьей матери деньжат порядочно занял, а отдавать не хочет, жи́ла. Вот Казанский собор и долдонит: «От-дай долг! От-дай долг!» А Исаакий тянет басом: «Не от-дам! Не от-дам!» Да чего их слушать? Споем лучше. Вот если Вася затянет...

И Вася затянул «Нелюдимо наше море». Это была любимая песня. И еще была любимая: «Нарвская застава, Путиловский завод». Ее тоже спели. Потом Вася решительно поднялся:

— Пора!

— Спели бы еще, куда ты?

— Надо мантию надевать. Сегодня в суде много дел.

Мантии он не надевал, а судьей был серьезным, ставил часто в тупик старых опытных юристов. Они, лишившись практики, приходили на Ушаковскую послушать, как решают дела рабочие-судьи. Настроены в большинстве они были скептически, даже враждебно. Иногда Вася слышал громкие реплики из зала:

— Это не народный, а большевистский суд.

Вася вспыхивал:

— В том-то и счастье, что большевистский! Вы твердите о народном, а сами мечтаете о буржуйском суде. Нет его и не будет!

На заседании у него всё было очень просто. Слово могли получить не только обвиняемые, свидетели, истцы и ответчики, но и каждый из публики, кто хотел высказаться по делу. Но если кто-то из юристов-профессионалов пробовал воспользоваться этим и брал на себя функции адвоката, Вася быстро распознавал его уловки. Он ставил незваных защитников на место. С изумлением адвокаты убеждались, что он довольно тонко разбирается в специальных правовых вопросах. Они стали говорить, что судья этот только считается рабочим, а в самом деле имеет юридическое образование. Вася и правда знал многое, хоть не кончал университета; он постоянно читал. Только порой было трудно сдержаться. Он был вспыльчив от природы, теперь к вспыльчивости примешивалось и постоянное переутомление. Один раз он сорвался.

Спекулянт, которого судили, предъявил бумажку, с помощью которой пытался доказать, что заготовлял продукты для какой-то организации. «Липа» была

очевидная. Но спекулянт твердил свое, надеялся запутать «темного» судью.

— Если б в зале нашелся юрист, он бы сказал, что только дурак поверит вашему документу, — прервал его выведенный из себя Вася.

Но оказалось, что юрист в зале был, он сидел наготове.

— Прошу слова для объяснения, — потребовал гладкий человек в полувоенном костюме. — Я служил следователем в Адмиралтейском районе и посему могу считаться компетентным в подобных вопросах. Утверждаю, что документ, представленный подсудимым, имеет законную силу. Судья оскорбляет нас, заявляя, что такой бумаге может поверить лишь дурак. Я ей верю.

Он вызывающе, с явной насмешкой глядел на Васю. И тот не выдержал:

— Значит, вы и есть дурак или прикидываетесь дураком.

— Я требую, чтобы сказанное судьей было занесено в протокол! — закричал господин во френче.

— Протокол из-за вас пачкать не будем. Хотите иметь документ, что я вас назвал дураком, сейчас я вам дам справку.

И Вася тут же написал справку, да еще громко пристукнул ее печатью суда.

Господин во френче аккуратно сложил бумажку, удостоверяющую, что он является, по мнению суда, дураком, спрятал ее в карман. Потом у Васи было много неприятных объяснений в совете народных судей. Возник даже вопрос о смещении его с поста. Но тут вмешался районный исполком. Он ответил, что Алексеев Василий Петрович лично известен Совету рабочих депутатов как безукоризненно честный,

преданный революции человек, и за него исполком готов поручиться в любых условиях.

Строг был Вася только с теми, кого считал врагами. Рабочий народ любил его, на судебные заседания приходило много заставского люда. Приговоры, объявленные Васей, вызывали дружные аплодисменты.

Трудящемуся, который обращался в суд за помощью, он всегда был готов помочь. Приходит на Ушаковскую, 5, пожилая женщина, бережно поддерживая левой рукой правую, запеленатую бинтами и тряпками.

— До тебя, Васенька. Не узнаешь? Елизавета Комлева я, из Емельяновки, с родителями твоими соседка. Вот заявление написать мне нужно, да худо грамотная я, и рука покалечена, видишь. Кто тут заявление написать может?

— Напишем, недолго, дело-то в чем?

Женщина объясняет, и Вася старательно выводит на листке бумаги:

«В первый народно-революционный суд
Петергофского района

ПРОШЕНИЕ

Настоящим прошу народный суд утвердить в качестве моего опекуна гражданку Пелагею Васильеву, проживающую по Москвину пер., дом 20, квартира 4.

Дело сводится к тому, что у меня повреждена рука на Путиловском заводе в штемпельной мастерской, и в данное время мне необходимо получить за повреждение вознаграждение.

В чем и расписываюсь.

За неграмотную В. Алексеев».

— Это мы сделаем быстро.
И на листке появляется вторая запись:

«Постановили:

Ходатайство Комлевой утвердить».

Гражданских дел вообще приходится решать много — усыновления, иски на прокормление престарелых родителей.

Почему-то целым потоком идут дела о разводах. Впрочем, понятно почему. В старое время оформить их было почти невозможно.

«Прошу народный суд расторгнуть брак с моим супругом Степаном Осиповичем, детей не имеем, супруг со мной не живет около двух лет».

Вася пишет это заявление за пришедшую в суд Домну Хвалькову. Видит он ее в первый раз, но всё равно — как не помочь человеку? Заявление правильное, свидетели подтверждают, зачем тянуть? Выносится постановление: брак расторгнуть.

Приходит дама в шляпе с вуалеткой. Она жеманно и долго излагает дело. А вообще-то всё у нее написано в заявлении. Она грамотная вполне.

«Вступив в 1902 году в первый брак с дворянином (ныне гражданином) Оскаром Николаевичем Мейером, вероисповедания лютеранского, я ввиду обоюдной неуступчивости и полного душевного и телесного разлада вынуждена была в 1911 году взять отдельный вид на жительство и оставить его с четырьмя детьми, желая испытать свои и его прежние чувства, которые, однако, к нам более не вернулись... Прошу местный суд расторгнуть наш брак, заключенный в городе Житомире в соборной Преображенской церкви, предоставив обоим право полной свободы...»

Что ж, и такие дела приходится решать, раз уж они поступили. А другие дела Вася возбуждает сам. Он сам приводит обвиняемых в суд.

Буржуазия организует один заговор за другим, в барских квартирах прячут оружие, скрываются офицеры. Спекулянты скапливают продукты в подпольных складах. Вот они, враги! Райком мобилизует всех коммунистов, всех активных рабочих. Вася часто ходит с рабочими отрядами. По ночам они оцепляют буржуазные кварталы, устраивают облавы.

По Обводному каналу катит извозчичья пролетка. На сиденье устроился человек в старой солдатской фуражке. Его ноги лежат на досках гроба, который втиснут боком в пролетку. Гроб длинный, какой-то подозрительный гроб. Рабочие останавливают извозчика:

— Чего везешь?

— Так домовина же, господи помилуй. Не видите, что ли? — торопливо и как-то испуганно говорит человек в фуражке. — Папашу хоронить надо. Помер папаша, а катафалк где наймешь по нынешним временам?

— Открой гроб!

— Что вы, товарищи хорошие! Разве можно покойника тревожить? Да и пахнет он, сколько домовину ждал.

— Давай открывай!

Они уже сами снимают крышку. Недурен покойничек! В гробу два увесистых мешка с сахарным песком и мукой, несколько бутылок заграничного вина.

— А ну, поехали в комендатуру! Завтра будут тебя судить.

Много таких историй слышат товарищи от Васи. О нечисти, с которой приходится иметь дело, он говорит с гневом, часто с отвращением. Грязь старого

мира! Ее надо выгребать, и он делает это с яростной беспощадностью — во имя светлого и прекрасного будущего, которому расчищает путь. Партия послала его на эту нелегкую работу. Так и сказано в удостоверении, которое лежит у него в кармане:

«Дано сие тов. Алексееву Василию, рабочему з-да «Анчар», в том, что он делегирован Российской Коммунистической партией (большевиков) в Народные Революционные суды Петергофского района в качестве Комиссара по судебным делам и является председателем 1-го Народного Революционного суда, в чем и утвержден Петергофским Советом Рабочих и Крестьянских депутатов».

БОЕЦ
КРАСНОЙ АРМИИ

Ребята как-то и не сразу заметили, что Вася стал всюду ходить не один. На лекциях и собраниях, на вечерах в клубе молодежи с ним сидела невысокая девушка с вьющимися черными волосами. Вначале никто на это не обращал внимания. Вася постоянно приводил новых людей; друзей среди заводских ребят у него было множество, девушки, как и парни, шли к нему со всем, что их занимало. Они знали — Вася не станет смеяться и поймет их правильно.

Придя на собрание, он сразу оказывался в самой гуще, выступал, спорил, что-то объяснял — сидеть безучастно он не умел. Девушка держалась незаметно, молчала и слушала Васю. Она всё время смотрела на него, точно больше ничего и не видела. Но девушка была хороша собой, а сердца парней чувствительны к девичьей красоте во все эпохи. Ребята

стали подсаживаться к ней, пробовали шутить или тяжело, многозначительно вздыхали. Она не замечала. Ей писали записки, но не получали ответа. Зато лицо ее вспыхивало и глаза теплели, едва к ней поворачивался Вася.

— Твоя? — спросил его, глядя на Марусю, кто-то из ребят.

— Моя, — просто сказал Вася. И добавил, немного подумав: — Моя жена.

Но она еще не была тогда его женой. Она стала его женой не сразу даже после того, как они поселились вместе. Она была совсем еще девочкой, Мария Курочко.

Вначале они жили в доме № 27 по Старо-Петергофскому проспекту. Там, в квартире бывшего лесоторговца Захарова, в конце 1918 года поселилось несколько друзей, работников Нарвско-Петергофского района. Все были заняты по горло, с утра до ночи, а часто работали и по ночам. Бытовые дела никого, в сущности, не занимали, но, казалось, их можно быстрее и легче устроить сообща.

Взяли ордер в Совете. Надо было посмотреть помещение. У Васи тот день был посвободнее. И он отправился вместе с Надеждой Смолиной, женой Ивана Смолина, путиловца, того самого, что был начальником красногвардейской охраны Шестого партийного съезда. Теперь он управлял продовольственными делами в районе.

Дверь открыла молодая женщина в халате из тяжелого шелка.

— Здравствуйте, гражданка. Познакомимся, — сказал ей Вася, протягивая ордер. — Мы тут жить будем, квартира ведь у вас большая, а народу, кажется, нет.

Женщина повертела ордер в руках. Кожа на ее лице как-то натянулась, черты словно окаменели. Она молчала, враждебно разглядывая пришельцев.

Вася достал из кармана плитку шоколада — свой сахарный паек и протянул женщине половину:

— Пожалуйста. Для доброго знакомства.

— Мерси. Я сладкого не люблю.

Они пошли по комнатам. Комнат было много. Как тут жила эта женщина одна? Муж ее, наверно, сбежал к белым, а может быть, за границу? Мебели почти не было. Должно быть, хозяйка ликвидировала ее, понимая, что скоро появятся новые жильцы. Лишь в одной комнате стояло вместительное сооружение, очевидно, для одежды.

— Удобный комод, — заметила Надя.

— Это, к вашему сведению, называется не комодом, а ши-фонь-е-ром, — насмешливо разделяя слоги, процедила женщина.

И Надя, большая, сильная, русоволосая красавица, чей бойкий нрав хорошо знали на заводе Сименса-Шуккерта, вдруг залилась краской. Было обидно, что она в чем-то сплоховала перед этой буржуйкой.

— Ничего, Надя, — спокойно сказал Вася. — Правильно называть всякие вещи мы научимся. Потруднее дела есть, и то не робеем.

Он снова достал из кармана шоколад, протянул его Смолиной:

— Ешь. Может, это и не какой-нибудь там особенный Бликен-Робинсон, да ты ведь не бывшая барыня, не побрезгуешь.

Даме в халате он больше шоколада не предлагал. Отношения определились.

Через несколько дней Вася и Маруся переехали на новую квартиру. Вернее сказать, перешли. Пожитков

у них было немного, брать подводу не понадобилось.

В квартире были все друзья, дама куда-то исчезла, но Маруся трудно привыкала и к Васиным друзьям. Откуда она была? Надя Смолина быстро определила: не фабричная. Выросла она где-то в Литве и в Питер попала с потоком беженцев, которых гнала война.

В книге актов гражданского состояния о ней записано: «Курочко Мария Иосифовна, гр. Виленской губ., Свенцянского уезда, деревни Дуботравка. Служащая в Детском Селе. 19 лет».

Запись эта сделана 6 мая 1919 года, когда Вася и Мария зарегистрировали свой брак. Раньше Маруся работала в комендатуре возле Нарвских ворот машинисткой. Вася бывал в комендатуре часто. Может быть, они познакомились там?

Соседи знали, что мать у Маруси — простая женщина, но растила девочку, видно, «барышней»: многое из того, что Надя Смолина привыкла делать с детства, было Марусе совсем непривычным. Эта неприспособленность особенно давала себя знать в то суровое и трудное время. Но с Васей Мария ничего не боялась. Он стал для нее всем — любимым и наставником, защитой и опорой.

Они были очень дружны. Товарищи называли их ласково и насмешливо голубками. Но иногда даже язвительный Ваня Скоринко, глядя на Марию, чудесно оживлявшуюся рядом с Васей, даже он говорил серьезно и задумчиво:

— Голубки... А подумаешь, ведь у них настоящая коммунистическая семья, никому ее не разбить и не испортить. Такое истинное единство двух людей, такое рабочее счастье! Им и позавидовать можно.

Да, они были счастливы, только жить им вместе довелось совсем недолго.

Шел грозный девятнадцатый год. Гражданская война звала бойцов.

* * *

29 октября 1918 года в Москве открылся Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. Собрались вместе ребята Питера и Москвы, Урала, Украины, Средней России, Севера, Юга, чтобы объединить свои организации в один союз — Российский Коммунистический Союз Молодежи. В этот день родился комсомол. Сбылось то, о чем мечтали путиловские парни в подпольных кружках за Нарвской заставой, о чем говорил им когда-то Вася Алексеев на сходках в деревне Волынкиной и за Красным Кабачком.

Друзья и выученики, соратники Васи, вожаки Петроградского социалистического союза активно работали, готовя этот съезд. Петроградский комитет союза вместе с Московским создал летом 1918 года организационное бюро по созыву Всероссийского съезда молодежи. Питерские ребята писали проект устава и программы нового союза, устанавливали связь с организациями других городов и краев. Миша Глебов, близкий друг Васи, целиком ушел в эту работу.

Был у ребят добрый советчик и помощник, умевший ненавязчиво подсказать, как лучше действовать, помочь, когда нежданные трудности возникали на пути, — Надежда Константиновна Крупская, забота, дружеское внимание и душевность которой так много значили для Васи, когда он вместе с товарищами создавал Петроградский социалистический союз.

В Наркомпросе, где работала Надежда Константиновна, обосновалось и организационное бюро союза молодежи. В зале Наркомпроса был созван и съезд.

Партия через Н. К. Крупскую и многих других своих видных деятелей руководила созданием комсомола.

Ребята собирались в Москву с думой о Ленине, о нем говорили в теплушках, в которых по многу дней ехали делегации разных краев страны, его имя назвали первым на съезде, когда стали выбирать президиум. Всех делегатов объединяла общая решимость идти ленинским путем.

Владимир Ильич не мог быть на съезде, очень уж трудное и напряженное время переживала страна, огромные государственные заботы навалились на него, но Ленин всё время интересовался работой молодежного съезда, он пригласил большую группу делегатов к себе в Кремль, долго беседовал с ними.

Тысячи юношей и девушек составили комсомол поначалу. Их поколению суждено было увидеть, как, руководимый партией коммунистов, верный ее идеям, союз этот станет многомиллионным. Он назван Ленинским потому, что Ленин стоял у его колыбели, Ленин был его отцом.

— Суть дела состоит в том, — говорил Владимир Ильич делегатам Первого съезда, — чтобы члены Коммунистического союза молодежи своей жизнью и работой оправдывали свое название... В Советской власти, в социалистическом обществе, которое мы обязательно построим, ваше будущее. Задача коммунистической молодежи — быть в первых рядах борцов за новую жизнь.

Эти слова стали заповедью комсомола. Этой заповеди был верен до последнего своего часа и Вася Алексеев, один из тех, кто заложил первый камень великого здания союза молодежи. Но теперь, когда осуществилось то, для чего он столько работал и боролся, коммунист Алексеев был уже на других участках,

куда посылала его партия. Комиссар по судебным делам, народно-революционный судья, ответственный агитатор райкома...

Он служил партии, и это значило для него всегда быть там, где борьба острее всего. Звонили с завода: в мастерской заваривается волынка. Агитатор райкома натягивал кепку и спешил на завод. Он знал, как обстоят там дела. Тысячи рабочих ушли воевать, ушли лучшие, а среди немногих оставшихся, измученных голодом и лишениями, мог поднять голос и какой-нибудь Васька Лохматый, науськанный эсерами и меньшевиками. Был такой Васька на Путиловском в пушечной мастерской. Демагог и горлодер, он залезал на трибуну, потрясая ржавой селедкой, выданной по пайку, и злобно ругал рабочую власть. Вася приходил в мастерскую и схватывался с Лохматым. Он не улещивал, ничего не пытался замять. Говорил напрямик:

— Трудно нам? Да, трудно, враг наседает со всех сторон, хочет свалить Советскую власть. Можете вы отделить себя от этой власти? Мы сами ее установили, это наша власть, и никто не даст нам счастливой доли, кроме нее. Советская власть народная, и потому она должна победить, но для этого почва под нами должна быть крепкая. Значит, гнать надо тех, кто тянет в болото, всяких недоброжелателей, вроде Лохматого, гнать беспощадно!

Он говорил о светлом завтрашнем дне, навстречу которому идет народ через бури и муки борьбы, говорил горячо и страстно, словами, увлекавшими и зажигавшими людей.

Его долго не отпускали из Питера, но в грозном девятнадцатом наконец-то и он вырвался на фронт. Лето застало его в армейском запасном полку. Агитатор партии, Вася Алексеев пришел туда рядовым бой-

цом. Полк стоял вдалеке от Петрограда, он пополнялся людьми, присланными из глубинных губерний. Васю там никто не знал. Под командой отделенного он ходил на стрельбище, маршировал по плацу, стоял на часах и чистил картошку на кухне.

Прошло немного времени, и полк собрали в старой казарме, построенной еще в павловские времена. Из Гатчины на фронт отправляли маршевую роту. Маршевики, только что получившие рубахи и сапоги покрепче, то есть с новыми заплатами, сидели в первых рядах. За плечами у них были вещевые мешки, в руках винтовки. Эшелон на станции уже ждал их. Митинг был устроен перед самой отправкой. Речь говорил комиссар. То ли был он не оратором по натуре, то ли произносил эту речь уже в двадцатый раз и она ему самому надоела, но говорил он вяло и скучно. Люди курили, разговаривали между собой, кто-то громко зевал. Так нельзя было прощаться с теми, кто уходил на фронт.

Едва комиссар окончил и жидкие аплодисменты прозвучали в казарме, вперед вышел маленький красноармеец. Он заговорил слегка заикаясь, но что-то было в его голосе, что сразу привлекло внимание бойцов. Ряды сдвинулись, подались ближе к трибуне. Разговоры смолкли, люди бросили цигарки. А красноармеец говорил уже свободно, его голос уверенно и звонко разносился по казарме. Он говорил о питерских рабочих, их мужестве и вере в Советскую власть, он говорил о прекрасном солнечном завтра и о черных вражеских тучах, застилающих свет.

— Их надо развеять, чтоб солнце засверкало над нами!

Он говорил долго, а когда кончил, громкое радостное «ура» загремело в зале. Красноармеец посмотрел

на сгрудившуюся к трибуне массу бойцов и хотел пойти на свое место. Но десятки людей подхватили его и подняли высоко над солдатской толпой. Маршевая рота шла к эшелону, неся Васю Алексеева на руках.

Так узнали его в полку. Вскоре коммунисты избрали Алексеева в полковое бюро, он стал представителем красноармейцев в Гатчинском ревкоме.

Но Вася не затем шел в армию, чтобы сидеть в запасном полку. В мае 1919 года на фронт отправлялся путиловский бронепоезд. Вася встретил на станции старых друзей. Формальности заняли немного времени. Когда бронепоезд двинулся дальше, Вася уже занимал свое место в боевом расчете.

Шли на Мурманскую дорогу. Бронепоезд был новый, только что оборудованный в путиловских цехах. Бойцы знали друг друга по заводу, с командиром знакомились уже в пути. Известно было, что Владимир Михайлович Евдокимов служил в царской армии, имел звание штабс-капитана. Говорили, что солдаты любили его, что он выступал за Советскую власть с первых послеоктябрьских дней. Всё-таки у бойцов оставалось сомнение: «Ведь против офицеров идем, со своими ему драться».

Первый бой приняли у Медвежьей горы. Путь преграждал бронепоезд белых, надо было сбить его, чтобы идти вперед. Время стояло весеннее, ночи на севере светлые. Близко к врагу не подойдешь.

Командир решил корректировать огонь бронепоезда из передовых пехотных цепей. Взял с собой связиста и пополз...

Долго ждали команды. Телефон молчал. На броневых площадках беспокойно переговаривались:

— Пустили офицера вперед... А если он к белым подался?

Вася горячо спорил:

— Наш же он, не белый, видно, что наш! Мало ли что носил раньше погоны!

И тут загудел полевой телефон.

— Орудия к бою!

Путиловские пушки подняли свои зеленые стволы, и бронированные платформы дрогнули от гулкого залпа. Несколько пристрелочных выстрелов — и шквальный огонь на поражение. Один за другим снаряды обрушились на вражеский бронепоезд...

Чумазые от пороховой гари, путиловцы после боя радостно встречали командира. Теперь они знали — он свой. И еще они убедились, что он отличный артиллерист.

Так двигались они с боями по дороге — дрались с врагом и набирались боевого опыта. И Вася, которого все привыкли видеть с газетой и книгой, теперь был неразлучен с винтовкой и пулеметом. Он первым выходил вперед, когда надо было тянуть телефонную линию или чинить пути под огнем, пробираться к пехоте под носом у врага, идти в рискованную разведку. Это был находчивый, бесстрашный боец и сердечный товарищ. Он и здесь сразу стал общим любимцем.

Срочная телеграмма заставила бронепоезд вернуться в Питер. Развели пары и двинулись полным ходом. На Питер наступал Юденич, надо было отстаивать родной город.

Несколько дней простояли на Путиловском — заделывали пробоины, меняли стволы орудий, хорошо поработавших в бою. И — снова на фронт.

...В тяжелый час пришел бронепоезд в Гатчину. Враг, прорвавший фронт, наседал. Разрозненные, измотанные в боях красноармейские части беспорядочно отходили. Надо было остановить их, не дать

распространиться панике, надо было хоть на какое-то время задержать белых. Нескольких коммунистов с бронепоезда отправили в пехотные части. Среди них был Вася. Он действовал словом и винтовкой, собирал отступавших бойцов и вел их в контратаки.

Бронепоезд стоял под парами. Было ясно, что долго Гатчину удержать не удастся. Посланные в пехоту товарищи возвращались. Пришел Женя Людкевич, пришел Павел Гервинский...

— Как там? — с тревогой спрашивали бойцы.

— Трудно, белые прут...

Товарищи рассказывали о тяжелых, неравных боях. Впрочем, об этом можно было и не распространяться: бои шли уже рядом, белые ворвались в город, была слышна яростная пальба на соседних улицах...

Ждали до последней минуты. Белые подошли уже к самому вокзалу, еще минута — и они выберутся на железнодорожное полотно. Больше стоять тут было нельзя. Загремели буфера бронированных площадок, поезд тронулся. И в это мгновение раздались выстрелы. Наблюдатель на бронепоезде увидел, как на перрон выбежал красноармеец в разодранной гимнастерке, с винтовкой в одной руке и с гранатой в другой.

— Вася! — узнал наблюдатель. — Алексеев, сюда!

Вася вскочил на подножку бронеплощадки, катившейся вдоль перрона. Дружеские руки подхватили его.

— Целый?

— Мне что! А вот их там осталось, кажется, немало.

Вася махнул рукой в сторону станции, где дрался еще минуту назад.

Бронепоезд вырвался из Гатчины, но очень скоро ему пришлось побывать там снова — на рассвете следующего дня. Он выходил на позицию к станции Пу-

дость, когда с тыла от Дудергофских высот открыла огонь прямой наводкой артиллерия белых. Бронепоезд оказался в мешке. Враг впереди, враг сзади, враг на фланге... Его не было только с одной южной стороны. Люди могли отойти туда, но это значило бросить бронепоезд.

— Легче пустить себе пулю в лоб, чем уничтожить такую машину, — сказал командир.

Он твердым взглядом посмотрел на товарищей:

— Будем прорываться через Гатчину!

И поезд снова двинулся вперед, на врага.

Детали операции разработали уже на ходу. Через Гатчину в Питер идут две железные дороги — Балтийская, на которой был сейчас бронепоезд, и Варшавская, на которую ему предстояло выйти. Эту линию враг перерезать еще не успел. Но перейти на нее бронепоезд мог только в самой Гатчине, где был уже враг.

Без огней, во мгле, под проливным дождем поезд продвигался к Гатчине. Когда до нее осталось два-три километра, командир скомандовал: «Полный пар!» Так, на бешеной скорости, влетели на гатчинский вокзал. От резкого торможения всё попадало с мест. Несколько бойцов соскочили с площадки и перевели стрелку — на Варшавскую дорогу. Вася Алексеев не видел этого, всё дело заняло несколько минут, а он лежал у своего пулемета и длинными очередями сек по вокзалу, по ближним путям, не давая белым подойти.

Артиллеристы Юденича не успели и спохватиться. Когда они открыли огонь, бронепоезд выходил уже на Варшавскую линию. Теперь было рукой подать и до станции Татьянино. Там можно было остановиться и занять боевую позицию. Там были свои.

Так совершил эту трудную операцию путиловский бронепоезд № 44 имени Володарского. «Призрак

Володарского»—называли его белые. Он, в самом деле, подобно призраку, пролетел через город, занятый врагом, но Вася Алексеев и его товарищи тут же огнем заставили белых почувствовать отнюдь не призрачную, а боевую силу бронепоезда.

Это произошло 17 октября 1919 года, а 3 ноября бронепоезд имени Володарского снова подошел к гатчинскому вокзалу, он ворвался в город вместе с красноармейскими частями, гнавшими белых. Так еще раз попал в Гатчину Вася Алексеев. Теперь ему предстояло тут работать — наводить революционный порядок, восстанавливать Советскую власть.

Расставание было недолгим — пожал товарищам руки и закинул за плечи тощий вещевой мешок.

— Счастливо, Вася, поправляйся скорее! — кричали ему вслед.

Товарищи точно провожали его в лазарет, а не на работу. У него был плохой вид в последнее время, здоровье сдало, это видели все, только он один не хотел этого признавать, он один смеялся над недугом. Ушел с бронепоезда и сразу погрузился в новую работу — весь, с головой. Иначе он не умел и не мог.

В двадцатых числах декабря Вася приехал из Гатчины в Питер, домой. Он вошел в комнату и слабо улыбнулся бросившейся навстречу Марии:

— Что-то раскис я, видно, простыл в поезде. Холодина...

Ему было трудно говорить. Силы как-то сразу оставили его, бил жестокий озноб.

— Простыл я, здóрово простыл, — виновато бормотал он.

Но это была не простуда. Тяжкая болезнь накинулась на переутомленный, уже подорванный организм — сыпняк. Старый врач, которого позвала Мария, поста-

вил диагноз сразу. Вася уже не слышал его слов, — он был без сознания.

Несколько дней Мария не отходила от постели мужа. Она не замечала, как наступали ранние сумерки и как занимался за окном поздний, тусклый декабрьский рассвет. Всё для нее смешалось, всё сосредоточилось на одном — спасти, выходить Васю.

Конец наступил 29 декабря. Только за неделю перед тем ему исполнилось двадцать три года. Так они и не успели отпраздновать день его рождения.

Несколько часов Мария неподвижно просидела над телом мужа. Не плакала, не произнесла ни слова.

— Теперь нужно о себе подумать, — сказал ей старый доктор, написав какую-то бумагу. Она кивнула, но, кажется, не поняла его слов. Она неотрывно смотрела на Васю. Соседи пробовали увести ее, она не вставала со стула:

— Потом, дайте мне еще побыть с ним.

А ночью в комнате Алексеевых раздался выстрел. Соседи бросились туда. Мария лежала на полу. Васин браунинг валялся рядом.

* * *

Их хоронили 2 января 1920 года. В четыре часа дня от ворот Путиловского завода тронулся трамвай с грузовой платформой. На ней стояли два гроба. Людской поток, вылившийся из заводских ворот, заполнил улицу. Трамвай шел медленно, и людская масса двигалась за ним. Путиловский завод провожал Васю Алексеева, своего любимца, своего сынка.

День был морозный, леденящий ветер тянул с залива. На Красненьком кладбище долго стояли, склонив головы над могилой, выдолбленной в промерзшей

земле. Вспоминали ушедших, зная, что их не оторвать от сердца:

— Сегодня мы оставляем здесь Васю, но мы не говорим ему «прощай», он будет по-прежнему с нами. Для нас он — человек будущего, и прошлому мы его не отдадим. Мы вспомним его, задумываясь о том, как надо нам жить, какими хотим мы видеть своих детей и внуков. Пусть и они знают и помнят о Васе, пусть в них через годы мы узнаем черты дорогого нашего товарища, брата и друга...

НАВЕЧНО

Ровные дома в пять этажей стоят вдоль широчайшей улицы. Все они — собранные из бетонных панелей или выложенные из белого кирпича — очень новые, старых нет ни одного. Если остановиться посредине улицы, можно увидеть оба ее конца. Один упирается в поле, — там за рыжими и зелеными буграми ползут красные товарные поезда. А в другом конце виден массивный каменный забор. За ним выступают колонны новых заводских корпусов. Высокие краны, вытянув длинные шеи, аккуратно несут пачки металлических листов. Кажется, тут молодой город, который только-только строится, наверно, его еще нет на картах. Как-то забываешь на мгновение, что приехал сюда на автобусе из центра Ленинграда.

Улица носит имя Васи Алексеева. Почему эта? Деревня, где он вырос, Емельяновка, стояла правее. Потом она называлась Але-

ксеевкой. Ее легко найти на старых планах города, но тщетно искать на месте. Даже Васина сестра, Мария Петровна, выросшая тут, как и он, говорит пионерам (они часто навещают ее, хотят всё узнать о Васе):

— Туда вы и не ходите, не тратьте времени. Я сколько раз хотела найти, где был наш дом, — не узнать. Такая идет стройка...

Последние годы как-то сразу стерли черты прежней Нарвской заставы. До того она менялась постепенно. Люди уже забыли Богомоловскую улицу, на которой часто бывал Вася Алексеев. Как и другие, он с грустной и злой насмешкой называл ее «Миллионной» — за нужду, за беспросветную нищету, лезшую из всех щелей и углов. А Счастливая улица, с тем же основанием носившая свое имя, была сожжена самими путиловцами еще при Васе. Юденич подходил к Питеру, рабочие возводили оборонительные рубежи, надо было расчистить сектор обстрела для пушек.

Сегодня ни одной старой улицы не узнать. Всё вокруг новое. Есть Кировский завод. Ему «по паспорту» больше ста шестидесяти лет, но ему принадлежит новый каменный забор и корпуса, строящиеся за забором. А пушечная мастерская, где работал Вася? Ее перестроили лет тридцать назад, она стала тогда закутком в тракторном корпусе, а теперь и тот корпус поглощен новым механосборочным цехом. В этом цехе рождаются «Кировцы» — трактора, прозванные степными богатырями.

Трудно нынче искать за Нарвской заставой места, связанные с людьми, работавшими здесь пять—шесть десятилетий назад. Всё изменилось, всё новое, но таким людям, как Вася, в новом и жить. И всё равно это его родные места. Исчезла застава, которую отделяла от царской столицы река Воняловка и где жилая

норма измерялась не метрами, не аршинами, а дробными долями коек, — санитарные инспекторы так и подсчитывали: 0,48 койки на человека. Асфальт покрыл улицы, где всё благоустройство ограничивалось сточными канавами, прорытыми в вязком глиняном грунте, да и улицы уже совсем не те, даже проложены в других местах. Многоэтажные дома стоят там, где Вася Алексеев и Ваня Тютиков уходили по кочкам заросшего камышом болота от привязавшегося к ним шпика, где босоногий мальчонка охранял рабочие маевки, где парень в сером свитере, вылезавшем из-под старенького пиджака, спешил на заседания подпольного большевистского комитета. Но всё это было здесь, и всё это не забыто.

На месте старой заставы и впрямь вырос молодой город, хоть и зовется он Кировским районом Ленинграда. В каждом доме есть сверстники Васи Алексеева. Иные знали его, дружили с ним, вместе боролись. И Вася Алексеев тоже живет здесь — не потому лишь, что живы те, с кем он встречался. Живы дела, которым он отдавал себя целиком, без остатка. Живы и продолжаются революционные традиции Нарвской заставы, рабочего класса. Они нетленны, и с ними нетленна память тех, кто их создавал.

Сегодня приходят на Кировский завод молодые рабочие — мальчики и девочки из ремесленных училищ, со школьной скамьи. Волнуясь и робея переступают они порог проходной, и на главном заводском проспекте видят танк, поднятый на гранит пьедестала, — память о трудовом подвиге кировцев в годы войны. Они видят мраморные доски на стенах старых зданий. Золотом написано об исторических событиях, совершавшихся на заводе. Тут бывал Ленин, отсюда по ленинскому зову и по ленинским заветам шли отцы и

деды — сражаться, строить, умирать, но побеждать!

Обо всем этом расскажут мальчикам и девочкам старые кировцы. И они расскажут о Васе Алексееве, сыне завода. У молодых в комсомольских билетах — восьмизначные номера, а он был одним из первых. И он был героем, которого они могут взять за образец. Разве не служил он, разве не служили комсомольцы Октября — его товарищи и братья — образцом для многих и многих: для Олега Кошевого, когда он создавал «Молодую гвардию», для Александра Матросова, когда он бросился на дзот, для ребят, шедших покорять целину, для Юрия Гагарина и Валентины Терешковой?

Минули десятилетия, сбылось то, о чем он мечтал, но правы были товарищи, провожавшие Васю Алексеева в последний путь, — он по-прежнему с нами. Есть в армии благородный обычай. Ее героев, отдавших Родине жизнь, заносят в списки частей навечно. Так и Васино имя занесено навечно в историю комсомола. Он был одним из первых, он останется таким навсегда.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Ленинградский партийный архив: ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 27, 307, 1064, 1210, 1256, 1289, 1380, 1534, 1543, 1544, 1547, 1612, 1614, 1883, 2218, 2231; оп. 6, ед. хр. 56, 87, 676; оп. 7, ед. хр. 1632.

Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области: ф. 101, оп. 1, ед. хр. 9, 12, 16, 21, 76.

Выборгский государственный архив Ленинградской области: ф. 39, оп. 4, ед. хр. 1, 24; ф. 48, оп. 4, ед. хр. 1; ф. 338, оп. 1, ед. хр. 20, 116, 176, 181, 212, 219, 228, 235; ф. 7804, оп. 1, ед. хр. 12, 16, 20.

Государственный исторический архив Ленинградской области: ф. 1229, оп. 1, ед. хр. 911; ф. 75.

Печатные материалы

В. И. Ленин. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. Полн. собр. соч., т. 26.

В. И. Ленин. Война и российская социал-демократия. Полн. собр. соч., т. 26.

В. И. Ленин. Интернационал молодежи. Полн. собр. соч., т. 30.

В. И. Ленин. О задачах пролетариата в данной революции. Полн. собр. соч., т. 31.

В. И. Ленин. К лозунгам. Полн. собр. соч., т. 34.

В. И. Ленин. Второй Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Полн. собр. соч., т. 35.

«Владимир Ильич Ленин». Биография. М., Госполитиздат, 1960.

«Протоколы VI съезда РСДРП(б)». М., Партиздат, 1934.
Ацаркин А. Под большевистское знамя. Лениздат, 1958.
«Бастионы революции. Страницы истории ленинградских заводов», вып. 2. Лениздат, 1959.
«Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (хроника событий в Петрограде)», т. 1. Лениздат, 1947.
Васильев В. Выросли мы в пламени. М., «Молодая гвардия», 1958.
«Всходы». Сборник. Л., изд-во «Красной газеты», 1926.
«Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы». М. — Л., ГИЗ, 1927.
Герр Е. На пути к революции. М. — Л., «Молодая гвардия», 1925.
Герр Е. Питерская комсомолия. Журн. «Звезда», 1958, № 10.
Гордеенко И. Из боевого прошлого. М., Госполитиздат, 1957.
Гросс В. На большевистском пути. Сборник документов 1917 года по истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Лениздат, 1932.
Жив М., Куликов В. Рождение комсомола. М. — Л., «Молодая гвардия», 1933.
«За пять лет (1917—31. VIII 1922)». Сборник. Пг., изд-во «Юный пролетарий», 1922.
«Коммунистическое движение молодежи в России». Сборник. М., ГИЗ, 1920.
«Краснопутиловский комсомол». Сборник, Лениздат, 1931.
Крупская Н. О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1940.
Крупская Н. Педагогические сочинения, т. 1, 5.
Крупская Н. Семнадцатый год. М., «Молодая гвардия», 1925.
«К сорокалетию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (тезисы)». М., «Молодая гвардия», 1958.
Левидова С., Павлоцкая С. Надежда Константиновна Крупская. Л., Лениздат, 1962.
«Ленинское поколение». Сборник, вып. 1. Л., «Прибой», 1924.
«Ленинский комсомол». Очерки по истории ВЛКСМ. М., «Молодая гвардия», 1961.
Леске Э. Страницы из истории комсомола. Л., «Прибой», 1926.
Лобов И. Сынок пушечной мастерской. Л., «Прибой», 1929.
Мительман М., Глебов Б., Ульянский А. История Путиловского завода. 1789—1917. М.—Л., Госполитиздат, 1939.

М и т е л ь м а н М. Нарвская застава — Кировский район. Лениздат, 1939.
М и т е л ь м а н М. Иван Иванович Газа. Лениздат, 1947.
«Молодежь в революции». Сборник. Лениздат, 1932.
«Нарвская застава в 1917 году в воспоминаниях и документах». Лениздат, 1960.
«Один из основателей комсомола Вася Алексеев». Сборник. Л., «Прибой», 1926.
«Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Часть 1. 1883 — Октябрь 1917 г.». Лениздат, 1962.
«Питерский комсомол в гражданской войне». Сборник. М. — Л., «Молодая гвардия», 1934.
«Питерские рабочие-революционеры». Сборник. Л., Лениздат, 1963.
«Правда» № 1—227 1917 г. М., Партиздат, 1932.
«Революционные традиции комсомола». Воспоминания петроградских комсомольцев. Лениздат, 1958.
Р ы в к и н О. Очерки по истории ВЛКСМ. «Молодая гвардия», 1933.
С к о р и н к о И., Т ю т и к о в И. Вася Алексеев. Л., «Прибой», 1926.
С к о р и н к о И. Комсомольцы Октября. Л., «Прибой», 1925.
С о р о к и н В. Первые батальоны. М. — Л., «Молодая гвардия», 1931.
«Страницы славной истории. Воспоминания о «Правде», 1912—1917 гг.». М., Госполитиздат, 1962.
Т р а й н и н А. Из истории борьбы петроградских большевиков за организацию рабочей молодежи. «Ученые записки Ленинградского университета», вып. 14, 1949.
«Труд и свет». Петроградская пролетарская юношеская организация». Пг., 1917.
У ш а к о в И. Создание первого народного суда в Петрограде. Журн. «Советское государство и право», 1957, № 1.
«Юный пролетарий» № 1, 2, 1917; № 14, 1919; № 8, 1920; № 5, 6, 7, 8—9, 1923; № 14, 20—21, 1924; № 12, 17, 1927; № 20, 1933.

ОГЛАВЛЕНИЕ

60 коп.